

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1900.

№ 12.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Наставленіе дѣтямъ, учащимся въ сельскихъ школахъ. О вреткоу и жадосливомъ обращеніи съ животными. Пресвященнаго <i>Амеросія</i> , Архіепископа Харьковскаго	687—698
Фальшивящее упрямство въ отстаиваніи Filioque и въ отверженіи Пресуществленія (продолженіе). Профессора <i>А. Гусева</i>	699—786

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Естественное Богопознаніе (продолженіе), Профессора <i>С. С. Глаголева</i> .	525—552
О свободѣ воли человека съ нравственной точки зрѣнія. <i>В. Лаврова</i>	553—572

Извлеченіе изъ отчета Г. Статсъ-Секретаря Куломзина по устройству церковей и школъ въ районѣ Сибирской желѣзной дороги на средства фонда Имени Императора АЛЕКСАНДРА III 1—8

III. ЛИСТОВЪ для ХАРЬКОВОКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Высочайшія награды.—Списокъ лицъ, служавшихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1900 годъ.—Списокъ лицъ, служавшихъ при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ.—Списокъ воспитанницъ приготовител., 1-хъ, 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ, 5-хъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, за 1899/900 уч. г.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1899/900 уч. г.—Списокъ воспитанницамъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благоправіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.—Списокъ воспитанницъ VI классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благоправіе награждаются книгами.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1899/900 уч. г.—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища за 1899/900 уч. г.—Объявленіе.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1900.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматъ въ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени; отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящихся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Пачковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брейтано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Готте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ, 1895. Ц. 1 р. съ перес.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Юня 1900 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Наставленіе дѣтямъ, учащимся въ сельскихъ школахъ.

О кроткомъ и жалостливомъ обращеніи съ животными.

Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго *).

Праведникъ милуетъ и души скотовъ своихъ (Притч. 12, 10).

Есть въ нашемъ народѣ, особенно въ безграмотномъ и необразованномъ крестьянствѣ—порокъ, который сами виновные въ немъ мало въ себѣ замѣчаютъ, и потому не заботятся объ его исправленіи. Этого порока состоитъ въ грубомъ и жестокомъ обращеніи съ животными. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ порицанія и осужденія, что не вызывается и не поддерживается въ человѣкѣ никакими соблазнами и искушеніями. Иной много ѣдетъ вина, потому что находитъ въ винѣ свое веселье; другой крадетъ, потому что воровствомъ, безъ труда, находитъ себѣ то, чего у него недостаетъ, и что ему желательно. Иной, наконецъ, бросаетъ работу, даже нужную и спѣшную, потому что одолеваетъ его лѣнь; ему пріятнѣе ничего не дѣлать и проводить время въ праздности, или пустыхъ забавахъ. Но что заставляетъ хозяина обременять свою лошадь непосиль-

*) Наставленіе это написано по случаю избранія автора въ почетные члены Харьковскаго отдѣленія „Общества покровительства животнымъ“ въ видѣ правственнаго приношенія на пользу общества.—Читано 14 іюня при открытіи курсовъ учителей одноклассныхъ церк.-приходскихъ школъ Харьковской епархіи.

ною тяжестію, или упавшую отъ худобы и изнеможенія бить нещадно, чѣмъ попало, тогда какъ нерѣдко и худа, и слаба она отъ безкормицы, отъ пьянства хозяина, незаготовившаго ей надлежащаго корма? Что заставляетъ женщину, замѣтившую въ своемъ огородѣ чужую корову, или теленка, бить ихъ во что попало, иногда по злобѣ на ихъ хозяйку; какъ будто животное знаетъ, что это чужой огородъ и что оно ѣсть чужое, ему недозволенное? Ничто не заставляетъ этихъ людей мучить несчастныхъ животныхъ, кромѣ ихъ неудержимаго раздраженія и жестокости сердца.

Противъ этого порока безсердечныхъ людей возстаютъ добрые образованные христіане; они составляютъ изъ себя общества „покровительства животнымъ“, члены которыхъ принимаютъ на себя обязанность при случаѣ останавливать отъ звѣрскихъ поступковъ этихъ жестокихъ людей; просятъ священниковъ вразумлять ихъ поученіями, и даже иногда призываютъ въ помощь полицію. Но кто вразумитъ развращеннаго и озлобленнаго человѣка, забывающаго всѣ заповѣди Божіи и потерявшаго совѣсть и страхъ Божій? А можетъ ли какое либо, даже многолюдное благонамѣренное общество и сама полиція вразумлять и сдерживать этихъ развращенныхъ людей въ малолюдныхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ полиціи, и на проѣзжихъ дорогахъ, въ поляхъ и лѣсахъ, гдѣ эти люди свирѣпствуютъ на всей своей волѣ? Только внутреннее исправленіе сердца, очищеніе совѣсти и непрестанное содержаніе себя въ страхѣ Божіемъ могутъ охранять человѣка отъ всякаго грѣха и порока, также какъ и отъ того, о которомъ мы говоримъ. И эти христіанскія чувства и душевныя расположенія должны быть пріобрѣтаемы и укрѣпляемы въ людяхъ съ дѣтства. Только съ этого возраста могутъ быть сохранены и утверждены въ душахъ на-

шихъ данныя намъ отъ Бога добрыя свойства и склонности, составляющія истинную красоту и достоинство человека. Эту истину преподавалъ и объяснилъ намъ Самъ Иисусъ Христосъ. Онъ любилъ дѣтей, требовалъ, чтобы ихъ допускали къ Нему, ласкалъ и благословлялъ ихъ и сказалъ объ нихъ: *таковыхъ есть царство небесное* (Мат. 19, 14). Это значитъ, что дѣти, неиспорченные въ раннемъ возрастѣ отъ небреженія родителей и отъ дурныхъ примѣровъ людей ихъ окружающихъ, близки къ Богу и, по своей невинности и незнанію грѣха, могутъ легко усвоить ученіе Слова Божія, утвердиться въ добродѣтели и заслужить Божіе благоволеніе. Такія дѣти откровенны, правдивы, почтительны къ старшимъ, любятъ своихъ родителей, ласковы и привѣтливы. Ихъ нужно только беречь подъ бдительнымъ надзоромъ отъ грѣховъ, какъ драгоценную собственность отъ воровъ. Напротивъ, дѣти, испорченные съ ранняго возраста, лживы, лукавы, завистливы, сварливы, жадны и дерзки. Для нихъ, чтобы сдѣлаться добрыми людьми, предстоитъ двойной трудъ: побороть въ себѣ пороки и утвердить въ душѣ добродѣтели. Мы это говоримъ для того, чтобы показать, какъ легко неиспорченнымъ дѣтямъ, при нѣжности и чувствительности ихъ сердца, пріучиться къ кроткому обращенію съ животными и жалости къ нимъ. Тогда какъ напротивъ, весьма трудно привить эти чувства къ дѣтямъ, которыя сами стали похожи на дикихъ и злыхъ животныхъ.

Конечно, дѣти прежде всего должны понять, что жестокое и безжалостное обращеніе съ животными есть грѣхъ и притомъ немалый, такъ какъ онъ явно противенъ волѣ Божіей и незамѣтно ведетъ къ другимъ тяжкимъ грѣхамъ.

Вы, дѣти, знаете изъ Священной Исторіи, что Гос-

подъ Богъ создалъ и украсилъ міръ безчисленнымъ множествомъ разнообразныхъ твореній, носящихъ на себѣ проявленія высочайшей благодати, всемогущества и премудрости Божіей. Между этими созданіями занимаютъ самое видное мѣсто безчисленные роды животныхъ четвероногихъ, птицъ, рыбъ, земноводныхъ и насѣкомыхъ. Всѣ они имѣютъ разнообразную красоту, хранятъ свой родъ, не смѣшиваясь съ другими, имѣютъ удивительныя способности устраивать удобныя для себя жилища и добывать себѣ пищу. Всѣ они, трудясь для себя и вмѣстѣ для другихъ породъ, представляютъ въ общемъ удивительное царство, премудро устроенное и поучительное, такъ что великіе ученые люди посвящали цѣлую жизнь на изученіе особенныхъ свойствъ безчисленныхъ породъ животныхъ, постоянно удивляясь премудрости Божіей и воздавая хвалу Создателю вселенной. Вы знаете искусство пчелъ въ устроеніи сотовъ и приготовленіи такъ любимаго вами меда. Вы видали высокія муравьиныя кучи, въ которыхъ положены разнообразныя проходы и норки и, вѣрно, видали ихъ неустанную работу и суетню. Учители христіанской жизни на работу пчелъ указываютъ, какъ на примѣръ правильности, порядка, искусства, поучительный для христіанина; а людей нерадивыхъ и лѣнивыхъ Премудрый посылаетъ къ муравьямъ учиться трудолюбію: „пойди къ муравью, лѣнивцу, посмотри на дѣйствія его, и будь мудрымъ. У него нѣтъ ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но онъ заготовляетъ лѣтомъ хлѣбъ свой, собираетъ во время жатвы пищу свою“¹⁾). Когда вы пожелаете дальнѣйшаго образованія и будете читать ученые книги, много чудесъ увидите въ животномъ царствѣ. напримѣръ, какъ звѣри устраиваютъ себѣ удобныя логовища въ землѣ,

¹⁾ Прит. 6, 6—8.

большія птицы вьютъ крѣпкія гнѣзда на высокихъ деревьяхъ и горныхъ скалахъ, какъ маленькія пташки, по соломинкѣ, по перышку собираютъ, что имъ нужно, и устраиваютъ мягкія и теплыя гнѣзда для будущихъ птенцовъ своихъ и кормятъ ихъ; какъ птицы перелетаютъ тысячи верстъ чрезъ моря и пустыни на лѣто изъ жаркихъ странъ въ прохладныя и на зиму изъ холодныхъ—въ теплыя, и не сбиваются въ пути, и въ тѣхъ и другихъ странахъ умѣютъ сохранить свою жизнь, устроить себѣ жилище и воспитать дѣтей. Подумайте, и прислушайтесь къ своему сердцу, не скажетъ ли оно вамъ, что на васъ лежитъ обязанность съ благоговѣніемъ и любовію возноситься молитвою къ Создателю вселенной и научиться славословить Его по примѣру всѣхъ живыхъ существъ, своимъ бытіемъ и радостію о дарованной имъ жизни воздающихъ хвалу Всеблагому Господу, по слову Псалмопѣвца: *„хвалите Господа звѣріе, гади и птицы пернаты“* (Пс. 148, 14). *„Всякое дыханіе да хвалитъ Господа“* (Пс. 150, 6). При такомъ расположеніи духа добрый христіанинъ можетъ ли позволить себѣ подвергнуть животное безвинно какому либо страданію, даже съ издѣвательствомъ и злорадствомъ, какъ это, къ несчастію, видимъ въ людяхъ развращенныхъ? Не такому обращенію съ животными поучаетъ насъ Самъ Господь Богъ, не только своимъ словомъ, но и примѣромъ.

Изъ слова Божія мы видимъ, что Господь имѣетъ особое промышленіе о животныхъ. Во первыхъ, Онъ ихъ питаетъ, какъ говорится въ псалмѣ, что мы произносимъ въ молитвѣ предъ принятіемъ пищи: *„Очи всѣхъ на тя Господи уповаютъ, и Ты даеши имъ пищу во благовременіи: отверзаеши руки Твою и исполняеши всяко животное благоволенія“* (Псал. 144, 15—16). Псалмопѣвецъ говоритъ, что *Господь даетъ пищу птенцамъ вра-*

новымъ, призывающимъ Его (146, 9). Этимъ Пророкъ даетъ намъ понять, что безсильные птенцы, кричащіе отъ голода, получаютъ пищу отъ Бога, такъ какъ родители ихъ, не имѣя ея приготовленной отъ Творца, не могли бы найти ее для нихъ. Для поддержанія нашей вѣры въ Божіе о насъ промысленіе Іисусъ Христосъ указалъ на попеченіе Отца небеснаго о животныхъ: „*взгляните на птицъ небесныхъ; они ни стьютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, но Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?*“ (Матѳ. 6, 26). Онъ Самъ распоряжается и жизнью, и смертію ихъ: *не двѣ ли птицы продаются за ассарій (мелкая монета) и ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ воли Отца вашего* (Мат. 10. 29). Мы знаемъ, что въ иные годы необыкновенно размножаются рыбы и животныя, въ другіе уменьшаются въ количествѣ; въ одно время распложаются полезныя для человѣка животныя, въ другое—вредныя. Въ первомъ случаѣ, т. е. въ умноженіи полезныхъ животныхъ, мы видимъ награду людямъ добрымъ и благочестивымъ, во второмъ—наказаніе для людей порочныхъ и безпечныхъ о своемъ спасеніи. Умноженіе полезныхъ животныхъ мы мало замѣчаемъ и забываемъ благодарить за это Бога, но за то для насъ очень чувствительно размноженіе вредныхъ животныхъ, какъ напр. разныхъ жуковъ, гусеницъ и особенно саранчи, которая страшными тучами падаетъ на цвѣтушія поля и плодоносныя сады и въ нѣсколько дней, на огромныхъ пространствахъ, обращаетъ ихъ въ голыя степи. Сюда же, т. е. къ мѣрамъ наказанія Божія насъ за грѣхи, должно отнести внезапное и непонятное для насъ распространеніе на животныхъ заразныхъ болѣзней, какъ напр. чумы на рогатомъ скотѣ, сибирской язвы на лошадахъ и овцахъ. Все это заставляеть насъ

смотря на животныхъ и ихъ жизнь со вниманіемъ и заботливостью. такъ какъ ими управляетъ Господь и въ умноженіи животныхъ полезныхъ для насъ мы должны видѣть Божіе благословеніе и наше благосостояніе, а въ уменьшеніи ихъ и въ размноженіи вредныхъ—орудіе гнѣва Божія, всегда готовое на вразумленіе грѣшниковъ безпечныхъ и пораженіе нераскаянныхъ. Въ этомъ мы должны видѣть новое побужденіе не къ бессмысленному, тупому и звѣрскому обращенію съ животными, а ко внимательному, заботливому и жалостливому.

Въ умахъ вашихъ можетъ возникнуть недоумѣніе.—какъ же мы считаемъ себя въ правѣ убивать животныхъ?—Это право даровано намъ отъ Бога и съ особенною ясностію выражено въ Священномъ писаніи. Вы знаете изъ Священной Исторіи, что послѣ потопа, по случаю оскудѣнія плодородія земли, разрѣшено было людямъ употреблять въ пищу животныхъ чистыхъ, т. е. не кровожадныхъ, а питающихся растительною пищею. И это лишеніе жизни животныхъ, для пищи человѣку, не составляетъ грѣха, подобнаго истязаніямъ и мученіямъ животныхъ. Животныя не имѣютъ безсмертной души, и для нихъ нѣтъ вѣчной будущей жизни; со смертію для нихъ все кончается, лишь бы только смерть ихъ была мгновенная и безъ истязаній. Такъ, особенно въ послѣднее время, и стараются закалать животныхъ безъ мучительныхъ для нихъ страданій. Сюда же относится вопросъ, по какому праву человѣкъ охотится за хищными и дикими животными? По тому же праву обезпеченія и улучшенія жизни человѣка, поставленнаго отъ Господа Творца, господиномъ и обладателемъ всѣхъ земныхъ твореній. Отъ хищныхъ звѣрей человѣкъ защищаетъ свою жизнь, свои стада и другое имущество. Дикихъ животныхъ, каковы

напримѣръ соболи, бобры, куницы, лисицы, бѣлки, — человекъ убиваетъ для пользованія отъ нихъ мѣхами. Но и здѣсь требуется отъ него благоразуміе, умѣренность и разборчивость въ видахъ сохраненія молодыхъ и не могущихъ приносить для него пользы животныхъ. Къ несчастью, нынѣ, отъ страсти къ обогащенію и къ роскоши, такъ усилилось истребленіе особенно красивыхъ и дорогихъ дикихъ животныхъ, что многимъ породамъ грозитъ совершенное истребленіе. Нельзя при этомъ, со скорбію, не сказать, что человекъ, по своей грѣховности и развращенію, изъ всякаго права, дарованнаго ему отъ Бога, склоненъ сдѣлать злоупотребленіе, и всякій даръ благодати Божіей растратить безразсудно и даже употребить себѣ во вредъ.

Есть въ душахъ человѣческихъ прирожденные добрыя свойства справедливости, состраданія. Эти свойства особенно живы въ сердцахъ неиспорченныхъ дѣтей. Они съ горестію замѣчаютъ обиды и незаслуженныя оскорбленія своихъ товарищей и подругъ — и плачутъ вмѣстѣ съ ними. Эти прекрасныя чувства пробуждаются въ нихъ и при видѣ страданія всякаго живого существа: имъ жалко видѣть ушибеннаго голубя, израненнаго котенка и т. под. Эти чувства въ дѣтяхъ неиспорченныхъ сохраняются надолго, съ ними они возрастаютъ и укрѣпляются вмѣстѣ съ другими добрыми свойствами, съ развитіемъ разума и житейскою опытностію. Они скоро понимаютъ, что домашнія животныя, данныя отъ Бога человеку въ услуженіе, ихъ сотрудники и, такъ сказать, товарищи во всѣхъ обстоятельствахъ и трудностяхъ земной нашей жизни (Рим. 8, 19—22): лошади переносятъ насъ на далекія разстоянія и перевозятъ тяжести, что безъ нихъ было бы для насъ до крайности затруднительно; волы мѣрнымъ шагомъ, съ усердіемъ, терпѣливо тя-

нугъ тяжелый плугъ и также везуть на поляхъ снопы, на лугахъ—сѣно, и не спѣшно, но вѣрно перевозятъ товары на отдаленныя пространства, что было особенно у насъ въ ходу до построения желѣзныхъ дорогъ. Нечего уже говорить о томъ, что мы пользуемся отъ нихъ, кромѣ мяса, кожами для обуви и другихъ нашихъ потребностей,—отъ коровъ—молокомъ, столь драгоценнымъ для питанія; отъ птицъ, каковы куры, гуси, утки,—яйцами, перьями и пухомъ. Не должны ли мы эти дары Божіи, сообщаемые намъ въ облегченіе нашей земной жизни, принимать съ благодарностію, а къ животнымъ, чрезъ которыхъ ихъ получаемъ, относиться со вниманіемъ, заботливостію, справедливостію и, такъ сказать, дружелюбіемъ. Не очевидно ли изъ этого, что невниманіе къ надлежащему содержанію домашнихъ животныхъ есть порокъ, а напрасныя испытанія ихъ—преступленіе? И кажется, что животныя, какъ будто понимаютъ эту несправедливость, оказываемую имъ безсердечными людьми. Лошадь, упавшая на скользкой дорогѣ отъ того, что дурно подкована, или отъ тяжести воза, отъ изнуренія, робко взглядываетъ на хозяина, какъ будто съ упрекомъ и только, что не скажетъ ему: „за что ты меня бьешь?“ Что это правда, видно изъ того, какъ относятся животныя къ человѣку, когда онъ ихъ хорошо содержитъ и кротко съ ними обращается. Они смѣло къ нему подходятъ, окружаютъ его и ласкаются къ нему. Какой другъ человѣку лошадь—это знаютъ конные воины, совершающіе на нихъ военные походы и выдерживающіе сраженія. Какой другъ человѣку корова, это знаетъ вдова съ малолѣтними дѣтьми, которая зоветъ ее „кормилицей“ своей семьи. А что касается до службы человѣку собакъ, которыя берегутъ хозяина, его стада отъ воровъ и хищныхъ звѣрей, защищаютъ отъ вра-

говъ, спасаютъ отъ утопленія малыхъ дѣтей и нерѣдко идутъ за хозяиномъ на вѣрную смерть,—то это всѣмъ известно. Поэтому должно быть стыдно человѣку, по неблагодарности оказывающемуся хуже животныхъ, а отвѣчать предъ Богомъ должно быть и страшно, такъ какъ исполненіе предъ Нимъ, нашимъ всеблагимъ Промыслителемъ и благодѣтелемъ, долга попеченія о данныхъ намъ въ услуженіе животныхъ, и не трудно, и сопровождается очевидною для насъ пользою и утѣшеніемъ.

Жалостливость, состраданіе и любовь суть свойства драгоценныя. Это дары любви Божіей, удѣленные душамъ человѣческимъ при сотвореніи изъ безконечной полноты совершенствъ Создателя нашего, сотворившаго насъ по образу Своему. Дѣти должны беречь въ себѣ эти чувства, такъ какъ они при небреженіи и безпечности скоро утрачиваются, и прежде всего—при жестокомъ обращеніи съ животными. Дѣти въ раннемъ возрастѣ ближе къ животнымъ, рѣзвятся и играютъ съ ними. И вотъ когда избалованный и испорченный ребенокъ врывается въ среду добрыхъ дѣтей и начинаетъ бить и мучить маленькихъ животныхъ, добрыя дѣти обижаются и плачутъ. Но когда это повторяется часто, и дурныхъ дѣтей набирается больше, чѣмъ хорошихъ.— и добрыя дѣти привыкаютъ видѣть страданія животныхъ, и незамѣтно начинаютъ подражать дурнымъ товарищамъ. Сначала муха и бабочка съ оципанными крыльями, лишенная способности летать и ползущія въ полумертвомъ состояніи, возбуждаютъ жалость въ добрыхъ дѣтяхъ до слезъ, но потомъ это становится для нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Они съ любопытствомъ смотрятъ, какъ дерзкіе мальчишки лазаютъ на деревья, разоряютъ птичьи гнѣзда, вынимаютъ яйца, выбрасываютъ неоперившихся птенцовъ,

не взирая на жалобные крики ихъ родителей. При-
тупленное чувство уже не возмущается и при плачѣ
товарища и подруги, а за тѣмъ въ толпѣ негодныхъ
дѣтей поднимается хохоть при паденіи человѣка, даже
больно ушибшагося. Эта толпа безсердечныхъ дѣтей
насмѣхается надъ увѣчными, калѣками, стариками и
слѣпыми, заслуживающими глубокаго состраданія и жа-
лости. Въ дальнѣйшей жизни такихъ дѣтей, становя-
щихся юношами и зрѣлыми людьми, рѣдко восстано-
вляется это благородное чувство состраданія. При дру-
гихъ порокахъ, овладѣвающихъ ими отъ распущенной
безнравственной жизни, эта утрата жалости и состра-
данія увлекаетъ ихъ къ преступленіямъ, которыхъ бы
они не совершили, если бы не были ожесточены серд-
ца ихъ. Такъ воръ не кралъ бы изъ кармана путешест-
венника его денегъ, если бы подумалъ, что онъ бу-
детъ безъ нихъ дѣлать на чужой сторонѣ, не имѣя
возможности доѣхать куда хотѣлъ, ни домой воротить-
ся. Грабители, наиадающіе на жилища мирныхъ людей,
не избивали бы цѣлыя семейства, не смотря на ста-
риковъ и дѣтей, если бы въ нихъ сохранилось чувство
жалости. Наши тюрьмы и мѣста ссылки не были бы
наполнены убійцами, которые потомъ оплакиваютъ
совершенныя ими безчеловѣчныя обиды и зло-
дѣянія. Подумайте, можетъ ли кто убить чело-
вѣка, когда онъ не привыкъ убивать напрасно жи-
вотное, или намѣренно раздавить безвредное насѣко-
мое, потому только, что онъ имѣетъ силу отнять жизнь
у слабаго созданія? Въ Бозѣ почившій великій Архи-
пастырь, Митрополитъ Московскій Филаретъ, послѣ
служенія въ одномъ монастырѣ, вошелъ въ келлію
Архимандрита и увидѣлъ на окнѣ тарелку съ отравлен-
ными мухами, и, указавъ на нее Архимандриту, сказалъ
ему: „вотъ ты попробуй оживить ихъ!“ Что онъ вну-

шалъ этимъ? То, что не надобно равнодушно отнимать жизнь ни у какого созданія Божія, которой мы ему не дали, и отнявши не можемъ возвратить. Кто такъ мыслить и чувствуетъ, тотъ не причинитъ ближнему обиды, а эта осторожность, въ отношеніи къ сохраненію спокойствія и благосостоянія ближняго, есть цѣлая половина въ исполненіи Закона Божія, которая, по слову Спасителя, состоитъ изъ двухъ частей: любви къ Богу и ближнему.

Счастливы люди, которые до зрѣлаго возраста сохранили въ душахъ своихъ дѣтскую нѣжность, чувствительность и состраданіе. Они и Богомъ любимы, и сами счастливы, потому что въ душѣ ихъ обитаетъ миръ и любовь. Молитесь, дѣти, Христу Спасителю, страдавшему и умершему за насъ, для нашего спасенія, чтобы Онъ благодатію Своею оживотворялъ души ваши и очищалъ сердца. За вами мало особыхъ приставниковъ и наблюдателей, но у cadaго изъ васъ есть Ангелъ Хранитель, приставленный къ вамъ Христомъ Спасителемъ отъ крещенія вашего, для вашего наставленія и охраненія отъ грѣховъ и дурныхъ примѣровъ. Просите своего Ангела, чтобы онъ не отступалъ отъ васъ. Какой другъ можетъ быть вѣрнѣе и любовнѣе ангела небеснаго?

ФАЛЬШИВЯЩЕЕ УПРЯМСТВО ВЪ ОТСТАИВАНИИ FILIOQUE И ВЪ ОТВЕРЖЕНИИ ПРЕСУЩЕСТВЛЕНІЯ.

Что только истинно, о томъ помышляйте (Филип. IV, 8).
Будьте единомысленны между собою (Римл. XII, 16).

(Продолженіе *).

IV.

Въ заключительной части моего *Отвѣта профессору Мишо* напечатаны главныя положенія, къ которымъ сводится сказанное мною какъ по вопросу о Filioque, такъ и по вопросу о Пресуществленіи. Эти тезисы должны были-бы сосредоточить на себѣ особенное вниманіе моихъ оппонентовъ и подвергнуться ими самому тщательному разбору. Такъ обыкновенно бываетъ всегда въ серьезной полемикѣ, стремящейся къ добросовѣстному уясненію спорнаго предмета и къ выработкѣ правильнаго сужденія о немъ. Между тѣмъ, мои оппоненты совершенно игнорировали выставленные мною тезисы, находя для себя, очевидно, невыгоднымъ или невозможнымъ серьезно вести полемику. Даже г. Кирѣевъ, посвятившій вопросу о Пресуществленіи десять печатныхъ осьмушекъ, не сказалъ ни одного слова объ относящихся сюда моихъ тезисахъ и направилъ свою большей частью фальшивящую рѣчь въ сущности *мимо* ихъ и *мимо* стоящей за ними моей аргументаціи. Вынуждаюсь привести здѣсь полностью упомянутые тезисы, между прочимъ, и для того, чтобы каждый читатель, уже на основаніи ихъ однихъ, могъ видѣть то неправду, то ненужность, то несостоятельность наибольшей части высказаннаго въ *По-*

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 11.

слѣднемъ отвѣтъ мнѣ со стороны г. Кирѣева. Изложивъ тезисы, разсмотрю сказанное противъ Пресуществленія не только г. Кирѣевымъ, но и старокатолическимъ профессоромъ Ваттерихомъ въ только-что вышедшемъ сочиненіи его: *Die Gegenwart des Herrn im heiligen Abendmahl*. Три тезиса, относящіеся къ вопросу о Пресуществленіи, выражены у меня въ слѣдующемъ видѣ:

а) Ученіе старокатоликовъ о таинствѣ евхаристіи отличается непримиримымъ внутреннимъ противорѣчіемъ и потому само себя разрушаетъ. Такъ, съ одной стороны, они утверждаютъ, что приемиющій освященный хлѣбъ и освященное вино приобщается истинно и дѣйствительно тѣла и крови Иисуса Христа, а, съ другой, что Христосъ присутствуетъ въ евхаристіи *не* матеріально, *не* плотски ¹⁾. Спрашивается: какъ же можно приобщаться въ евхаристіи тѣла и крови Богочеловѣка, если Онъ не присутствуетъ въ этомъ таинствѣ и матеріально или плотски? Какъ бы утонченно или одухотворенно мы ни представляли себѣ тѣло и кровь Христа въ упомянутомъ таинствѣ, всѣтаки о нихъ *нельзя* сказать, что они безусловно *не* матеріальны. Между тѣмъ, Роттердамская старокатолическая комиссія категорически утверждаетъ, будто Христосъ *не* присутствуетъ въ евхаристіи матеріально. Остается думать, что старокатолики понимаютъ тѣло и кровь въ *чисто-духовномъ* смыслѣ, а слѣдовательно отвергаютъ православное ученіе объ евхаристіи, хотя, къ нашему изумленію, и утверждаютъ, будто они и въ этомъ случаѣ единомысленны съ той самой православной восточной церковью ²⁾, которая и чрезъ С.-Петербургскую Синодальную Коммиссію въ 1897 году весьма отчетливо изложила предъ старокатоликами свое вѣрованіе и въ *матеріальное или плотское* присутствіе Господа Иисуса Христа въ евхаристіи. б) Несправедливо говорятъ старо-католики, будто ученіе православной церкви о Пресуществленіи представляетъ собою лишь богословское мнѣніе, которое можно-де принимать, но можно и отвергать. Ученіе о Пресуществленіи евхаристическихъ хлѣба

¹⁾ Стран. 6 въ XXV кн. *Revue*.

²⁾ Ibid. Стран. 7.

и вина въ истинныя тѣло и кровь Христа *необходимо* предполагается и требуется даже Никеоцареградскимъ символомъ, учащимъ, что воскресшій Спаситель вознёсся съ Своимъ тѣломъ на небо и снова придетъ съ нимъ на землю уже для всеобщаго суда надъ людьми. Этимъ отрицается *вездѣприсутствіе* тѣла Христова. Потому-то отцы и учителя церкви настойчиво повторяли, что въ евхаристіи Христосъ *не* нисходитъ съ неба *тѣломъ* Своимъ. А такъ какъ всё это безспорно, то въ упомянутомъ таинствѣ само собою предполагается и допускается необходимость превращенія сущности хлѣба и вина въ сущность тѣла и крови Спасителя. Правда, что въ Священномъ писаніи *прямо* не говорится о Пресуществленіи, какъ *прямо* не говорится и объ единосущіи Сына Божія съ Отцомъ и о многихъ другихъ *несомнѣнно-догматическихъ* истинахъ. Тѣмъ не менѣе въ Словѣ Божіемъ заключается *смыслъ* о Пресуществленіи, съ одной стороны, въ евангельскомъ повѣствованіи о благословеніи хлѣба и вина Иисусомъ Христомъ, а, съ другой, въ словахъ Его, сказанныхъ вслѣдъ за благословеніемъ, что хлѣбъ и вино по существу своему ¹⁾ суть уже истинное тѣло и истинная кровь Его. Что касается отцовъ и учителей церкви, то, вопреки мнѣнію старокатолическихъ богослововъ, *все* они, поскольку касались вопроса объ образѣ присутствія тѣла Христова въ евхаристіи, выражали общими разсужденіями о ней мысль о Пресуществленіи. Отсюда ясно, что ученіе о Пресуществленіи есть догматъ, а не богословское мнѣніе. в) А коль скоро ученіе о Пресуществленіи есть вселенски-церковное, то этимъ узаконяется и терминъ: „Пресуществленіе“. Положимъ, отцы и учителя церкви большей частью употребляли термины: „преложеніе“, „претвореніе“ и т. под. Но вѣдъ въ эти термины они влагали общими своими разсужденіями объ евхаристіи мысль о Пресуществленіи. Нѣкоторые-же изъ восточныхъ и западныхъ отцовъ и учителей церкви употребляли даже такіе термины, которые, были взяты и въ своей буквѣ, означаютъ *то же самое*, что выражается

¹⁾ Такъ какъ не тѣло и кровь Христа, а хлѣбъ и вино видѣли и на вкусъ ощущали Апостолы, то ясно, что хлѣбъ и вино *только по существу своему* были тѣломъ и кровію Христа.

терминомъ: *Пресуществленіе*, такъ что послѣдній, должно сказать, образовался прямо на основаніи ихъ. Такъ нужно думать тѣмъ болѣе, что основа термина: „Пресуществленіе“ есть *вселенски-церковная* уже вслѣдствіе *вселенско-церковнаго* характера понятій о различныхъ субстанціяхъ во вселенной. Разсма- триваемый терминъ, будучи таковымъ, въ то же время является не только наилучшимъ выразителемъ мысли о Пресуществле- ніи, но и устранителемъ того *грубо-чувственнаго* представле- нія объ евхаристическомъ тѣлѣ Христовомъ, каковаго пред- ставленія похвально желаютъ избѣгать старокатолики. А что касается того факта, что слова: „Пресуществленіе“ не встрѣ- чается ни въ „литургическихъ книгахъ русской церкви“, ни въ „Чинѣ присоединенія лютеранъ“, то этотъ фактъ рѣши- тельно *ничего* не говоритъ въ пользу старокатоликовъ. Я уже указывалъ на „Чинъ присяги архіерейской“ и на обращенныя къ священникамъ слова *Православнаго исповѣданія*. Касатель- но-же лютеранъ, присоединяющихся къ православной церкви, должно замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, еще до ихъ при- соединенія пастыри церкви, конечно, разъясняютъ имъ съ до- статочной подробностью ученіе и о Пресуществленіи. Во-вто- рыхъ, то самое, что „Чинъ присоединенія“ внушаетъ имъ ис- повѣдывать по отношенію къ таинству евхаристіи, выражаетъ общимъ своимъ содержаніемъ мысль о Пресуществленіи. Нако- нецъ, лютеранинъ, присоединяющійся къ православной церкви, даётъ торжественное обѣщаніе принять и исповѣдывать *всѣ*, чему учитъ православная церковь, а слѣдовательно и догматъ о Пресуществленіи ¹⁾. Таковы выставленные мною и совер- шенно обойденные г. Кирѣевымъ тезисы.

Приступая къ разбору высказаннаго имъ противъ ученія о Пресуществленіи и противъ выражающаго это ученіе термина, нахожусь въ большомъ затрудненіи. Если и вообще полемика г. Кирѣева со стороны изложенія весьма страдаетъ отсут- ствіемъ систематичности, то это тѣмъ болѣе нужно сказать объ его трактатѣ, посвященномъ вопросу о Пресуществленіи. Тутъ особенно бросается въ глаза хаотическое изложеніе оп- понентомъ его мыслей и доводовъ. Онъ, какъ говорится, пере-

¹⁾ Стр. 168—171 въ моемъ *Отвѣтѣ* г-ну Мишо.

скакиваетъ отъ одного предмета къ другому, возвращается безъ всякой надобности на разныхъ страницахъ къ достаточно высказаннымъ и вполне яснымъ мыслямъ, уклоняется въ разныя стороны отъ даннаго предмета рѣчи, смѣшиваетъ главное съ маловажнымъ или даже съ побочнымъ, отождествляетъ продукты собственной фантазіи съ моими словами, ссылается на факты, имѣющіе, будто бы, важное значеніе, но не указываетъ, откуда взяты они, замалчиваетъ дѣйствительно существенное, впадаетъ въ ненужное и крайне сомнительное остроловіе, приводитъ французскія пословицы и вообще „балагурствуетъ“ какъ будто бы въ „гостинной“ среди „легкомысленныхъ“ компаньоновъ. Между тѣмъ, для моего оппонента была полная возможность написать упорядоченный со стороны изложенія трактатъ, даже еслибы онъ снизошелъ изложить свои мысли и аргументы сообразно съ моимъ трактатомъ или хоть съ моими тезисами, гдѣ каждой сторонѣ дѣла отведено по возможности особое и наиболѣе подходящее мѣсто. Въ этомъ случаѣ была бы значительно облегчена и моя полемика противъ воззрѣній и доводовъ моего оппонента. Теперь же буквально не знаешь, какъ повести разборъ ихъ. Попытаюсь, впрочемъ, какъ-нибудь разобратся въ томъ хаосѣ, какой воздвигнуть г. Кирѣевымъ къ его собственному самоуслажденію, и установить хоть нѣкоторый порядокъ въ разборѣ набросанныхъ беспорядочно мыслей и аргументовъ его.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на различіи между а) старо-католическимъ и б) православнымъ ученіемъ объ евхаристіи. Оппонентъ увѣряетъ, будто споръ съ моей стороны „вертится лишь около слова“ (Пресуществленіе), которому придаю якобы неподобающее значеніе ¹⁾. Что г. Кирѣевъ говоритъ неправду, это явствуетъ уже и изъ выше приведенныхъ моихъ тезисовъ, гдѣ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о сущности ученія касательно евхаристіи и гдѣ слово: Пресуществленіе стоитъ въ прямой зависимости отъ православнаго воззрѣнія на образъ присутствія Христа въ означенномъ таинствѣ. Что мой оппонентъ сфальшивилъ, утверждая, будто ратую только изъ-за одного слова въ этомъ удостовѣряетъ и самъ

¹⁾ Стр. 109, 110 и друг. въ 7 кн. *Христ. Чтенія* за 1899 г.

онъ. Такъ, онъ говоритъ о мнѣ слѣдующее: „г. Гусевъ на многихъ страницахъ доказываетъ, что *ученіе* о транссубстанціаціи—несомнѣнный догматъ“¹⁾. Такимъ образомъ, даже по свидѣтельству оппонента выходитъ, что я отстаивалъ и отстаиваю прежде всего и главнымъ образомъ не терминъ: Пресуществленіе, а православное ученіе о превращеніи въ евхаристіи существа хлѣба и вина въ существо тѣла и крови Богочеловѣка. Но еслибы отстаивалось мною лишь слово: Пресуществленіе, разсудительные и свѣдущіе люди всетаки не станутъ упрекать меня въ какомъ-нибудь буквоѣдствѣ. Каждый изъ нихъ понимаетъ великую важность точной терминологіи при изложеніи догматическихъ истинъ. Здѣсь и одно слово, неудачно употребленное, иногда можетъ извращать ту или другую изъ нихъ и вообще подавать нѣкоторый поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ. Вотъ почему отцы и учителя церкви и вся она вели долгую и упорную борьбу съ лжеучителями, изъ-за слова: *единосущный*. Но едвали меньшую важность имѣетъ и слово: Пресуществленіе при опредѣленіи и изложеніи ученія объ евхаристіи. Уже и самъ по себѣ этотъ терминъ устраняетъ въ достаточной степени разныя превратныя воззрѣнія по вопросу объ упомянутомъ таинствѣ. Что это дѣйствительно такъ, объ этомъ свидѣлствуетъ уже то враждебно-отрицательное отношеніе къ упомянутому термину, въ какое неволью становятся къ нему всѣ, такъ или иначе превратно учащіе объ евхаристіи. Хотя они нерѣдко прикрываютъ разными благовидными предлогами свое оппозиціонное отношеніе къ слову: Пресуществленіе, но это не болѣе, какъ *лукавый* изворотъ, очевидный для проницательныхъ и свѣдущихъ людей.

Несправедливо упрекнувши меня въ спорѣ изъ-за слова только, оппонентъ старается увѣрить читателей, будто смыслъ старокатолическаго ученія объ евхаристіи тождественъ съ сущностью православнаго ученія о томъ же таинствѣ²⁾. „Дѣло идетъ, по словамъ г. Кирѣева, не о существѣ евхаристическаго ученія. Что причащающійся подъ видомъ хлѣба и вина

¹⁾ Ibid. Стр. 124.

²⁾ Ibid. Стр. 110.

дѣйствительно вкушаетъ пречистое тѣло Господне и пьетъ Его кровь, объ этомъ, по его завѣренію, никто не спорить" ¹⁾). Такого рода заявленія моего оппонента отзываются несомнѣннымъ лукавствомъ. Въ дѣйствительности какъ старокатолики, такъ и самъ г. Кирѣевъ, по его собственному свидѣтельству „вполнѣ раздѣляющій ихъ мнѣніе" ²⁾), вовсе не допускаютъ того, чтобы приобщающійся вкушалъ подъ видами хлѣба и вина дѣйствительно пречистое тѣло Господа и пилъ Его кровь, а потому избѣгаютъ не термина только: Пресуществленіе, но и слова: *преложеніе*, очень хорошо соображая, что, принявъ послѣднее, они тѣмъ самымъ расположились-бы и къ принятію перваго. Что это такъ, читатель убѣдится на основаніи дальнѣйшей моей рѣчи.

Въ доказательство совершеннаго тождества между а) православнымъ и б) старокатолическимъ ученіемъ объ евхаристіи г. Кирѣевъ ссылается на слова *Правосл. катехизиса* митроп. Филарета и на слова о ней старокатолическаго катехизиса. Указавши на произнесеніе словъ Христа: *примите ядите: сіе есть тѣло Мое* и проч., на призываніе Св. Духа и на благословеніе хлѣба и вина, на важнѣйшее дѣйствіе въ литургіи вѣрныхъ, *Правосл. катехизисъ* продолжаетъ: въ это время „хлѣбъ и вино *прелагаются или пресуществляются* въ истинное тѣло и въ истинную кровь Христову" ³⁾). На вопросъ, какъ должно разумѣть слово: Пресуществленіе, тотъ-же Катехизисъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „въ изложеніи вѣры восточныхъ патріарховъ сказано, что словомъ: Пресуществленіе не объясняется образъ, которымъ хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь Господню, ибо сего нельзя постичь никому, кромѣ Бога, но показывается только, что истинно, дѣйствительно и существенно хлѣбъ бываетъ самымъ истиннымъ тѣломъ Господнимъ, а вино самою кровію Господнею" ⁴⁾). А что мы находимъ, спрашиваетъ г. Кирѣевъ, въ катехизисѣ старокатоликовъ. Послѣ приведенныхъ словъ установленія Христомъ

1) Ibid. Стр. 127.

2) Ibid. Стр. 109.

3) Цитую по 61-му изданію. Стран. 65 въ Катехизисѣ.

4) Ibid. Стран. 65 и 66.

евхаристіи старокатолическій катехизисъ говоритъ, что въ ней Спаситель даетъ намъ не простое обыкновенное яство для тѣла, но Себя самого, какъ яство *для души*, подъ видомъ хлѣба и вина. Роттердамская старокатолическая комиссія въ поясненіе катехизическихъ словъ замѣчаетъ, что подъ видами хлѣба и вина мы принимаемъ въ таинствѣ евхаристіи тѣло и кровь Господни истинно, дѣйствительно и существенно. Въ чѣмъ-же состоитъ разница сихъ ученій? Въ *смыслъ*, говоритъ г. Кирѣевъ, нѣтъ ни малѣйшей разницы, такъ что и для поясненія употреблены одни и тѣ-же выраженія: истинно (*vere*), дѣйствительно (*realiter*) и существенно (*substantialiter*). Споръ, стало быть, вертится около слова: *Пресуществленіе*, которымъ, однако, показывается лишь то, что хлѣбъ и вино *бываютъ* тѣломъ и кровью, и не объясняется образъ претворенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господни. Но вѣдь и старокатолики, продолжаетъ г. Кирѣевъ, совершенно увѣрены въ томъ, что хлѣбъ и вино *бываютъ* тѣломъ и кровью, и вполнѣ раздѣляютъ мысль о непостижимости того, какъ это дѣлается. Цитата изъ Іоанна Дамаскина въ нашемъ катехизисѣ, замѣчаетъ г. Кирѣевъ, только усиливаетъ убѣжденіе въ томъ, что для человеческого ума тщетно и бесполезно углубляться въ такую тайну, какъ „*бываніе*“ хлѣба и вина тѣломъ и кровью Спасителя ¹⁾.

Уже и изъ этихъ словъ моего оппонента видно, что онъ избѣгалъ точнаго и по возможности обстоятельнаго опредѣленія и выясненія, въ чѣмъ состоитъ православное и старокатолическое ученія о таинствѣ евхаристіи и чѣмъ собственно отличается одно изъ нихъ отъ другого? Оппонентъ мой ссылается исключительно на значащееся въ Катехизисѣ митроп. Филарета, тогда какъ онъ долженъ-бы былъ цитовать *Православное исповѣданіе* и *Посланіе вост. патріарховъ*. Дѣло не въ томъ только, что *Катехизисъ* Филарета имѣетъ значеніе символической книги лишь въ русской церкви, а *Исповѣданіе* и *Посланіе* имѣютъ такое значеніе во *всей* православной церкви нашего времени, вслѣдствіе чего и *Катехизисъ* ссылается на послѣднія книги, какъ на авторитетъ. Не могъ не знать г. Кирѣевъ того, что въ *Исповѣданіи* и *Посланіи* уче-

¹⁾ Стран. 109 и 110 въ цитов. гл. *Христ. Ученія*.

ніе о таинствѣ евхаристіи изложено всестороннѣе и полнѣе, чѣмъ въ *Катехизисъ*. А это обстоятельство значитъ весьма много. По необходимости поставивши своей задачей краткое изложеніе и элементарное разъясненіе догматическихъ истинъ, митроп. Филаретъ приводитъ въ своемъ *Катехизисъ* и изъ *Исповѣданія* и *Посланія* неполнаго то, что содержится въ нихъ. Это видно, между прочимъ, изъ ссылки *Катехизиса* на замѣчаніе *Посланія* касательно слова: Пресуществленіе. Въ *Посланіи* сказано объ этомъ слѣдующее: „словомъ: *пресуществленіе* не объясняется образъ, которымъ хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь Господню, ибо сего нельзя постичь никому, кромѣ самого Бога, и усилія желающихъ постичь сіе могутъ быть слѣдствіемъ только безумія и нечестія, но показывается *лишь* то, что хлѣбъ и вино, по освященіи, *прелазаются* въ тѣло и кровь Господню не образно, не символически, не преизбыткомъ благодати, не сообщеніемъ или наитіемъ единой божественности Единороднаго, и не случайная какая-либо принадлежность хлѣба и вина предлагается въ случайную принадлежность тѣла и крови Христовой какимъ-либо измѣненіемъ или смѣшеніемъ, но, какъ выше сказано, истинно, дѣйствительно и существенно хлѣбъ бываетъ самымъ истиннымъ тѣломъ Господнимъ, а вино самой кровію Господнею“ (17-й членъ). Изъ этихъ словъ видимъ, что слово: *пресуществленіе*, не объясняя способа, которымъ превращаются хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Господни, служитъ разъясненіемъ того смысла, который долженъ соединиться съ словомъ: *преложеніе* при нашихъ разсужденіяхъ о таинствѣ евхаристіи. *Хлѣбъ и вино истинно, дѣйствительно и субстанціально прелазаются въ тѣло и кровь Спасителя въ этомъ таинствѣ*. Такова мысль приведеннаго изъ *Посланія* замѣчанія. Имъ прямо и ясно осуждается неприятіе старо-католиками слова: приложеніе—пресуществленіе и *связанная съ этимъ неприятіемъ ложная мысль о томъ, будто Христосъ присутствуетъ въ евхаристическихъ хлѣбѣхъ и винѣхъ только наитіемъ-ли Своей божественности или же Его „цѣльнымъ“ соединеніемъ или смѣшеніемъ съ ними*. Насколько недостаточны ссылки лишь на *Катехизисъ* Филарета, объ этомъ ясно гово-

рить и слѣдующій фактъ. Мой оппонентъ не безъ коварнаго умысла подчеркнулъ слово: *бываютъ* во фразѣ: „хлѣбъ и вино бываютъ тѣломъ и кровью“. Поставленное курсивомъ слово: *бываютъ* можетъ давать нѣкоторый дѣйствительный поводъ къ мысли, будто освященные хлѣбъ и вино, какъ думаютъ старокатолическіе богословы и ихъ единомышленники, являются тѣломъ и кровію Спасителя только для приобщающихся и во время причащенія. На самомъ же дѣлѣ митроп. Филаретъ былъ далекъ отъ этой протестантской мысли, что видно уже изъ словъ его *Катехизиса* о преложеніи—пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господни. Въ *Посланіи*-же приведенныя г. Кирѣевымъ слова Филаретовскаго Катехизиса поставлены въ такую органическую связь съ мыслью о преложеніи—пресуществленіи евхаристическихъ хлѣба и вина, что не даютъ уже ни малѣйшаго логическаго повода для упомянутой протестантской мысли. Между тѣмъ, въ *Посланіи* содержится и прямое ученіе о томъ, что хлѣбъ и вино послѣ пресуществленія уже не измѣняются въ прежнее свое состояніе, а навсегда остаются тѣломъ и кровію Христа, будутъ или не будутъ они употреблены вѣрующими (17-й членъ). Нельзя не отмѣтить здѣсь и того, что г. Кирѣевъ ради своей цѣли ограничился голословнымъ подстрочнымъ примѣчаніемъ касательно словъ Св. Іоанна Дамаскина о непостижимости превращенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господни и не привелъ слѣдующихъ, значащихся въ Катехизисѣ Филарета, весьма важныхъ словъ этого отца и учителя церкви: „тѣло (въ евхаристіи) есть воистину соединенное съ Божествомъ, еже отъ Святыя Дѣвы начало воспрія, не яко вознесшееся тѣло съ небесе нисходитъ, но яко самый хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь Божію“¹⁾. Поставленныя мною курсивомъ слова уже сами по себѣ требуютъ признать *Пресуществленіе* евхаристическихъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя. Между тѣмъ, г. Кирѣевъ не привелъ этихъ словъ, осуждающихъ старокатоликовъ и его самого за противленіе понятію и термину: преложеніе—пресуществленіе. Наконецъ, особенное вни-

¹⁾ Стран. 66. въ *Катехизисъ*. Слово: *бываютъ* указываетъ лишь на то, что до преложенія—пресуществленія хлѣбъ и вино суть хлѣбъ и вино, но не болѣе.

маніе обращаетъ на себя тотъ фактъ, что мой оппонентъ совершенно замолчалъ *последнее* заявленіе Роттердамской комиссіи, отправленное на имя Петербургской комиссіи въ концѣ 1898 года и напечатанное въ XXV книжкѣ *Revue*. Это заявленіе хорошо извѣстно г. Кирѣеву и цитовалось въ моемъ *Отвѣтѣ* профессору Мишо ¹⁾. Въ упомянутомъ заявленіи прямо отвергается матеріальное или плотское присутствіе Христа въ евхаристіи, а чрезъ то отрицается и вкушеніе нами въ ней истиннаго *тѣла* и истинной *крови* Христа. Между тѣмъ; заявленія Роттердамской комиссіи весьма важны. Они болѣе, чѣмъ старокатолическіе катехизисы, характеризуютъ особенности старокатолическаго ученія. Извѣстно, что даже катехизисы, издававшіеся и по порученію старокатолическихъ синодовъ, вовсе *не* имѣютъ символическаго значенія у старокатоликовъ по заявленію ихъ самихъ ²⁾. Сказанное мною неопровержимо доказываетъ, что г. Кирѣевъ старался *собственно* о томъ, чтобы представить въ *неправильномъ* освѣщеніи какъ православное ученіе, такъ въ особенности старокатолическое ученіе о таинствѣ евхаристіи.

Не смотря на это, и изъ того, что и какъ приведено моимъ оппонентомъ, всетаки видна противоположность старокатолическаго ученія объ евхаристіи православному ученію. Старокатолическій катехизисъ не говоритъ о *преложеніи* хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа и совершенно умалчиваетъ, такимъ образомъ, и о Духѣ Святомъ—виновникъ этого преложенія. Обстоятельство это весьма важное. Уже оно препятствуетъ допустить, чтобы процитованный г. Кирѣевымъ старокатолическій катехизисъ признавалъ тѣлесное общеніе христіанина со Спасителемъ въ евхаристіи. И дѣйствительно, упомянутый катехизисъ со всей ясностью и опредѣленностью говоритъ, что благословенные хлѣбъ и вино суть „яство“ для *души* нашей, при чѣмъ о значеніи ихъ для нашего тѣла совершенно умалчивается ³⁾. Изъ словъ о томъ, что благосло-

¹⁾ Стран. 153—154 в друг.

²⁾ Стран. V въ предисловіи редакціи *Христ. Читенія* къ переведенному на Русск. языкъ старокатолическому „Руководству къ обученію баптист. вѣрѣ въ вѣсныхъ школахъ“ (С. Петерб. 1876 г.).

³⁾ Г. Кирѣевъ говоритъ *неправду*, увѣряя, будто старокатолики видятъ въ

венные хлѣбъ и вино суть „яство“ лишь для души нашей, естественно заключить, что Христосъ присутствуетъ въ евхаристіи только духовно, но не тѣлесно. Что это такъ, въ этомъ удостовѣряетъ насъ упоминавшійся мною послѣдній отвѣтъ Роттердамской комиссіи. Въ этомъ отвѣтѣ хотя и говорится, что приобщающійся освященныхъ хлѣба и вина истинно (wahrhaft) и дѣйствительно (wirklich) участвуетъ (teilnimmt) въ тѣлѣ (Leib) и крови (Blute) Иисуса Христа, однакоже вслѣдъ за этимъ категорически утверждается, что Богочеловѣкъ присутствуетъ въ освященныхъ хлѣбѣ и винѣ, въ евхаристіи, не матеріально (nicht materiell), не плотски (nicht fleischlich) ¹⁾. Указаніе на истинное и дѣйствительное „участіе“ въ тѣлѣ и крови Спасителя приобщающихся здѣсь сдѣлаво, очевидно, лишь *ad hominet* или ради „успокоенія“ православныхъ. Это не подлежитъ, на мой взглядъ, ни малѣйшему сомнѣнію. Здравый смыслъ вѣдь не можетъ допустить нашего общенія въ тѣлѣ и крови Христа, коль скоро Онъ не присутствуетъ въ евхаристіи матеріально или плотски. Приобщеніе истиннаго тѣла и истинной крови Его возможно для насъ единственно подъ условіемъ матеріальнаго или плотскаго, т. е. тѣлеснаго, присутствія Его въ евхаристіи подъ видами хлѣба и вина. Если нѣтъ *такого* присутствія, то откуда-же возмуться тѣло и кровь Спасителя въ евхаристіи? Пусть старокатолики представляютъ себѣ тѣло воскресшаго и на небо вознесшагося Христа въ высшей степени утонченнымъ. Они всѣтаки не стали-бы отвергать матеріальнаго, плотскаго присутствія Его въ евхаристіи, еслибы *дѣйствительно*, а не фиктивно только, допускали участіе приобщающагося въ *тѣлѣ* и *крови* Его. Въ моемъ *Отвѣтѣ* профессору Мишо достаточно доказано, и на основаніи свято-

евхаристіи великую пользу и для тѣла (стр. 111 въ 7 кп. *Христ. Читенія* за 1899 г.).

¹⁾ Стр. 6 въ XXV книжкѣ *Revue*. Сколько мнѣ извѣстно, послѣдній отвѣтъ Роттердамской комиссіи, къ сожалѣнію, не былъ переведенъ на русскій языкъ и напечатанъ въ *Церковномъ Вѣстникѣ*, гдѣ въ *прежніе* случаи печатались наряду съ отвѣтами этой комиссіи и заявленія по поводу ихъ со стороны нашей Синодальной комиссіи. Впрочемъ, этотъ прекрасный и полезный обычай будетъ, вѣроятно, соблюденъ и теперь, какъ и въ послѣдствіи.

отеческаго ученія, что самое утонченное тѣло есть всѣтаки нѣчто матеріальное, а не духовное. Не очевидно-ли изъ всего этого, что старокатоли, вопреки утверженію г. Кирѣва, во-все не учатъ о томъ, что употребляемые въ литургіи хлѣбъ и вино дѣйствительно бываютъ когда-либо истиннымъ тѣломъ и истинной кровью Спасителя. Не ясно-ли и то, что, по дѣйствительному официально-церковному ученію старокатоликовъ, христіанинъ вовсе не вкушаетъ въ евхаристіи истиннаго тѣла и истинной крови Господа. Если же они и говорятъ объ участіи христіанина въ этомъ тѣлѣ и въ этой крови, то, конечно, разумѣютъ не непосредственное, а нѣкое *посредственное* и *отдаленное* участіе.

Изложенное въ моемъ *Отвѣтъ г-ну Мишо* и тамъ-же разобранное возрѣніе этого старокатолическаго ученаго и профессора Лангена на евхаристію даётъ надёжный ключъ къ правильному пониманію того, какимъ образомъ христіанинъ, по мнѣнію старокатоликовъ, можетъ участвовать въ тѣлѣ и крови Господа. Профессоръ Лангенъ прямо говоритъ, что они, т. е. тѣло и кровь Спасителя, не въ состояніи приносить какой-либо пользы христіанину и что его общеніе со Христомъ въ евхаристіи есть собственно духовное общеніе. По взгляду обоихъ старокатолическихъ богослововъ Богочеловѣкъ присутствуетъ въ ней собственно божествомъ своимъ, освящая этимъ Своимъ присутствіемъ не пресуществленные евхаристическіе хлѣбъ и вино. А поелику „составныя части Христа: тѣло (кровь), душа (духъ) и божество теперь уже не могутъ быть раздѣлены, то въ евхаристіи мы принимаемъ *всего* Христа“¹⁾. Сопоставляя одни изъ этихъ словъ съ другими, получаемъ слѣдующее возрѣніе старокатоликовъ на евхаристію: собственно тѣло и кровь Господа не имѣютъ значенія для насъ, и въ таинствѣ евхаристіи чрезъ освященные хлѣбъ и вино мы вступаемъ только въ духовное общеніе съ божеской природою Его; но поелику теперь божеская природа уже не отдѣляется отъ тѣлесной Его природы, какъ то было во время смерти Богочеловѣка, то христіанину не воспрещается думать, что онъ въ евхаристіи косвенно участвуетъ и въ тѣлѣ

¹⁾ Стр. 86—88 въ моемъ *Отвѣтъ г-ну Мишо* в стр. 109 въ XXV кв. *Revue*.

Христовомъ. Кромѣ внутренняго противорѣчія, какое невольно даетъ себя видѣть въ э:омъ старокатолическомъ воззрѣнїи на евхаристїю, оно безспорно противорѣчитъ съ православнымъ ученїемъ о ней и съ органически связанной съ этимъ ученїемъ истинною о неведѣсущїи тѣла Христова.

Въ доказательство тожества старокатолическаго ученїя объ евхаристїи съ православнымъ оппонентъ ссылается, какъ знаемъ, на то, что, по взгляду Роттердамской комиссїи, мы принимаемъ въ упомянутомъ таинствѣ подъ видами хлѣба и вина истинно, дѣйствительно и существенно тѣло и кровь Христовы. То—правда, что *прежде* старокатолическая комиссїя дѣйствительно такъ высказывалась и *прямо* не выступала съ отрицанїемъ матеріальнаго ими плотскаго присутствїя Его въ евхаристїи. Но вѣдь мой оппонентъ очень хорошо знаетъ, что, и въ моемъ *Отвѣтъ профессору Мишо*, я доказывалъ недостаточность означенныхъ словъ и возможность соединенїя съ ними антиправославнаго смысла, коль скоро отвергается старокатоликами ученїе о преложенїи—пресуществленїи. Послѣдній отвѣтъ Роттердамской комиссїи самымъ краснорѣчивымъ и основательнымъ образомъ подтвердилъ справедливость дѣлавшихся мною замѣчанїй, хотя г. Кирѣевъ и возражалъ противъ нихъ своеобразно. Упомянутый отвѣтъ теперь такъ формулируетъ свой взглядъ на образъ присутствїя Христа въ евхаристїи: Христосъ присутствуетъ въ освященныхъ хлѣбѣ и винѣ истинно, дѣйствительно, существенно (*wesentlich*), духовно, мистически, сакраментально, но *не* матеріально, *не* плотски ¹⁾. Замѣчательно, что для обозначенїя существенности (по субстанціи) присутствїя Богочеловѣка въ евхаристїи старокатолики теперь уже не употребили слова: *substantialiter*, прямо происходящаго отъ слова: *substantia*, а прибѣгли къ эластическому и разносмысленному слову: *wesentlich*. Чтобы устранить всякую мысль о томъ, что Спаситель и существомъ Своего *тѣла* присутствуетъ въ евхаристїи, Старокатолическая комиссїя и добавила, что Онъ присутствуетъ *не* матеріально, *не* плотски въ хлѣбѣ и винѣ.

¹⁾ Стран. 6 въ XXV кн. *Revue*. Какую массу словъ понабрали старокатолики для затеженїя сути дѣла!...

А это неопровержимо свидѣтельствуется о томъ, что, по учению Роттердамской комиссіи, мы въ таинствѣ евхаристіи вовсе *не* вкушаемъ подъ видами хлѣба и вина *самого тѣла* и *самой крови* Христа. Между тѣмъ, въ послѣднемъ отвѣтѣ Роттердамской комиссіи заключается и еще другое несокрушимое доказательство того, что именно такъ смотрятъ старокатолики на дѣло. Говоря объ участіи христіанина въ тѣлѣ и крови Господа, Старокатолическая комиссія *не* употребила не только слова: *substantialiter*, но и слова: *wesentlich* ¹⁾. Само собою понятно, что первое изъ этихъ словъ неизбѣжно тамъ, гдѣ допускается не фиктивное только, не въ мысли или въ фантазіи только происходящее приобщеніе тѣла и крови Богочеловѣка, но такое приобщеніе ихъ, которое состоитъ въ *субстанціальномъ* объединеніи нашего тѣла съ *тѣломъ* Его чрезъ дѣйствительное вкушеніе его (и крови) подъ видами хлѣба и вина. Послѣ сказаннаго мною представляется уже не напрасной только и не бездоказательной только, но и нравственно предосудительною ссылка г. Кирѣева на *нѣкогда* высказывавшееся Роттердамской комиссіею мнѣніе, что въ евхаристіи мы вкушаемъ подъ видами хлѣба и вина истинно, дѣйствительно и существенно (*substantialiter*) тѣло и кровь Господа. Послѣдній отвѣтъ Роттердамской комиссіи прямо и ясно указываетъ, что упомянутое мнѣніе отнюдь *нельзя* понимать въ томъ смыслѣ, какой влагается въ него г. Кирѣевымъ. А такъ какъ послѣдній отвѣтъ Роттердамской комиссіи *несомнѣнно* былъ извѣстенъ ему до написанія имъ статьи, которую разбираю, то само собою выходитъ, что оппонентъ мой ради своихъ низменныхъ цѣлей *нарочито* старается ввести въ заблужденіе читающую публику, навязывая ей *совершенноложное* представленіе о подлинномъ старокатолическомъ ученіи касательно евхаристіи. Не только въ своемъ *Послѣднемъ отвѣтѣ* мнѣ, но и въ своихъ газетныхъ статьяхъ о старокатолицизмѣ мой оппонентъ твердитъ и твердитъ, что старокатолическое догматическое ученіе православно, истинно. Между тѣмъ, это ученіе по вопросу объ евхаристіи дѣйствительно

¹⁾ Ibid.

„горше“ даже лютеранскаго и безусловно противоположно православному учению о ней.

Превратное учение старокатоликовъ объ упомянутомъ таинствѣ, нужно думать, вполне раздѣляется и моимъ оппонентомъ. Это доказывается не тѣмъ только, что онъ заявляютъ печатно о своемъ совершенномъ согласіи съ нимъ ¹⁾, но и слѣдующими соображеніями и фактами. Какъ знаемъ, цитованный г. Кирѣевымъ старокатолическій катехизисъ признаетъ благословенные хлѣбъ и вино „яствомъ“ только для души нашей. Между тѣмъ, оппонентъ заявилъ о своемъ полномъ согласіи съ старокатолическимъ учениемъ объ евхаристіи предъ самымъ приведеніемъ упомянутыхъ словъ старокатолическаго катехизиса. Далѣе, г. Кирѣевъ не сдѣлалъ въ своемъ *Послѣднемъ отвѣтѣ* мнѣ ни малѣйшаго возраженія противъ того, что сказано объ евхаристіи въ послѣднемъ отвѣтѣ Роттердамской комиссіи, прекрасно извѣстномъ ему. Значитъ, онъ раздѣляетъ и выраженное этой комиссіею учение объ упомянутомъ таинствѣ, но не хотѣлъ только печатно говорить о немъ, чтобы читатели не видѣли сущности дѣла и не испугались того, куда онъ желаетъ вести православныхъ, настаивая на возможности каноническаго общенія нашей церкви съ старокатолическими общинами уже и теперь. Наконецъ, мой оппонентъ, можно сказать, прямо высказался противъ матеріальнаго или плотскаго присутствія Христа въ евхаристіи въ слѣдующихъ своихъ словахъ, направленныхъ противъ меня. „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что желаніе профессора Гусева отстоять обязательность слова: пресуществленіе происходитъ отъ того, что онъ какъ бы смѣшиваетъ реальность и матеріальность; ему, если не ошибаюсь, кажется, что реальность можетъ быть только матеріальною; онъ опасается, что ежели устранить матеріальность изъ евхаристіи, тогда мы впадемъ въ символизмъ. Нѣтъ! Вѣдь Богъ есть Духъ, т. е. не матерія, а вѣдь Онъ—наибольшая, наиреальнѣйшая изъ реальностей“ ²⁾. Будто я смѣшиваю реальность и матеріальность и считаю реальнымъ только матеріальное, для такого предположенія,

¹⁾ Стран. 109 въ 7 кн. *Христ. Чтенія* за 1899 г.

²⁾ *Ibid.* Стран. 119.

конечно, не могло быть у г. Кирѣева *никакого* логическаго повода, и онъ взводитъ на меня преднамѣренно такую клевету, бессмысленность и гнусность которой очевидны и нетребуютъ доказательствъ. Взводя явный извѣтъ на меня, оппонентъ не сообразилъ и того, что кто признаетъ реальность только за матеріальнымъ, тотъ никоимъ образомъ не можетъ допускать и вообще таинства евхаристіи. Но довольно объ явномъ лжесвидѣтельствѣ, высказанномъ касательно меня. Въ приведенныхъ словахъ г. Кирѣева важно слѣдующее. Онъ самъ засвидѣтельствовалъ ими, что слово и понятіе: пресуществленіе выражаютъ собственно признаніе а) матеріальнаго или плотскаго присутствія Христа въ евхаристіи и б) *слдовательно*,—замѣчу—вкушенія нами въ ней истиннаго тѣла и крови Его. А такъ какъ оппонентъ всячески борется противъ указанныхъ понятія и слова, то ясно, что онъ отвергаетъ и выражаемыя ими двѣ упомянутыя истины. Изъ нарочитаго указанія г. Кирѣева на то, что Богъ, будучи Духомъ, есть *наиреальнѣйшая* изъ реальностей и *будто* устраненіе матеріальности изъ евхаристіи не ведетъ къ мысли о благословенныхъ хлѣбѣхъ и винѣ, какъ *лишь* о *символическихъ* указаніяхъ на тѣло и кровь Христа, становится окончательно яснымъ и несомнѣннымъ, что оппонентъ признаетъ лишь духовное присутствіе Богочеловѣка въ разсматриваемомъ таинствѣ и только духовное наше общеніе съ Нимъ. А таково и есть старокатолическое ученіе, какъ мы выше видѣли. Какъ старокатолики, такъ и ихъ русскій единомышленникъ и союзникъ, при этомъ, одинаково опускаютъ изъ виду и ту истину, что признаніе реальнымъ и духа, никоимъ образомъ не должно и не можетъ вести къ отрицанію матеріальнаго или плотскаго присутствія Богочеловѣка въ евхаристіи и нашего единенія съ Нимъ и по тѣлу чрезъ приобщеніе Его тѣла и крови.

Въ противоположность изложенному воззрѣнію старокатоликовъ и г. Кирѣева на таинство евхаристіи православное ученіе признаетъ не духовное только, но и матеріальное или тѣлесное присутствіе Христа въ евхаристіи и потому видитъ въ благословенныхъ хлѣбѣхъ и винѣ „яство“ какъ для души нашей, такъ и для тѣла. Митроп. Филаретъ въ другихъ своихъ про-

изведеніяхъ подробно разъясняетъ то, что сказано имъ въ его катехизисѣ. „Тѣло и кровь Богочеловѣка, говоритъ онъ, *существенно* принадлежатъ таинству евхаристіи, ибо Онъ страдалъ не духомъ только, но и *тѣломъ* и *кровью*, а потому устранять или замѣнять *оня* значитъ *совсѣмъ уничтожатъ* это таинство“ ¹⁾. Это сказано какъ бы прямо по адресу старокатоликовъ и ихъ русскаго единомышленника. Выясняя значеніе таинства евхаристіи для христіанъ, митроп. Филаретъ говоритъ, что именно чрезъ приобщеніе тѣла и крови Христа мы тѣснѣйшимъ образомъ соединяемся съ Нимъ, становясь въ Немъ причастными вѣчной жизни, объединяемся другъ съ другомъ, дѣлаясь нераздѣльными членамъ единого *тѣла* Его (Ефес., V, 30), и получаемъ въ тѣлѣ и крови Его спасительное врачество какъ для душъ, такъ и для *тѣлъ* нашихъ ²⁾. Такъ и вообще учила и учитъ объ евхаристіи сама православная церковь. Въ 101-мъ правилѣ шестого вселенскаго собора значится: „человѣка, созданнаго по образу Божію, божественный апостоль велегласно нарицаетъ *тѣломъ* Христовымъ и Храмомъ. Выше убо всякія чувственныя твари бывъ поставленъ, спасительными страданіями небеснаго достоинства сподобившійся и *ядущій* и *пьющій* Христа, онъ непрестанно преобразуется къ вѣчной жизни и душу и *тѣло* освящая причащеніемъ божественныя благодати“ ³⁾. Въ *Послѣдованіи* ко св. *причащенію* мы молимся Господу Христу о томъ, дабы Онъ благоволилъ „внити во оскверненное *тѣло*“ наше пречистыми тѣломъ и кровію Своими, даровалъ чрезъ нихъ „здравіе“ и „освященіе“ не душѣ только нашей, но и *тѣлу*, очистилъ ими самыя „чревеса и утробы“ наши, напиталъ ими не только душу нашу, но и „*все тѣло*“ наше и содѣлалъ его „общникомъ“ вѣчной и блаженной жизни Его. Предъ самымъ приобщеніемъ тѣла и крови нашего Спасителя православные христіане не только исповѣдаютъ свою вѣру въ то, что подъ видами хлѣба и вина они имѣютъ принять „самое тѣло и самую честную

¹⁾ Стран. 250 въ сочиненіи г. Городкова: *Догматич. богословіе по сочиненіямъ Филарета митроп. Московскаго* (Казань; 1887 г.).

²⁾ Ibid. Стран. 249 и друг.

³⁾ См. *Книгу правилъ et cetera*.

кровь“ Его, но и молятъ Его о томъ, чтобы „причащеніе святыхъ таинъ“ было во „исцѣленіе“ не души лишь, но и *тѣла* ихъ. Удостоившись безмѣрно—великаго счастья пріобщиться тѣла и крови Господа Іисуса Христа, православный христіанинъ молится, по установленному церковію чину, между прочимъ, о томъ, дабы Подающій намъ „плоть Свою въ пищу“ проникъ пречистыми тѣломъ и кровію Своими во *все* наше *тѣло* („уды, составы, утробу“ и проч.), очистилъ *его* отъ приразившейся къ нему грѣховной скверны, уврачевалъ *его*, освятилъ *его*, внесъ въ *него* залогъ „жизнотѣчнаго“ или залогъ будущаго воскресенія. А такъ какъ молитвы и исповѣданія, предлагаемыя церковію православнымъ предъ ихъ пріобщеніемъ и послѣ него, составлены отцами и учителями ея, то уже отсюда видно, что и они признавали матеріальное присутствіе Спасителя въ евхаристіи, а не духовное только, равно какъ спасительное воздѣйствіе тѣла и крови Его и на самое тѣло наше. Единогласно вѣруя, что въ таинствѣ евхаристіи хлѣбъ и вино прелагаются—пресуществляются въ истинное тѣло и въ истинную кровь Христа, отцы и учителя церкви называютъ причастниковъ „*стѣлесниками*“ Его и „*скровными*“ Ему ¹⁾ и указываютъ разнообразныя спасительныя плоды отъ пріобщенія тѣла и крови Его и для *тѣлъ* нашихъ, а не для душъ только ²⁾.

Для истиннаго христіанина и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Богочеловѣкъ долженъ присутствовать въ евхаристіи не духовно лишь, но и матеріально или плотски, и что наше общеніе съ Нимъ въ упомянутомъ таинствѣ должно быть какъ духовнымъ, такъ и тѣлеснымъ. Живущій и дѣйствующій въ людяхъ грѣхъ, съ одной стороны, не можетъ не осквернять нашего тѣла, не можетъ не дѣлать послѣдняго такимъ или инымъ соучастникомъ въ разнообразныхъ мерзостяхъ, а, съ другой, неизбежно вноситъ въ наше тѣло разрушительную и смертоносную стихію. Для того, чтобы оно могло радикально очищаться отъ грѣховной заразы, отъ грѣховнаго яда, проникшихъ и проникающихъ въ него,

1) Стран. 415 во 2 т. *Догматич. богословія* митроп. Макарія.

2) *Ibid.* Стран 416.

и чтобы могло освобождаться отъ привнесенной и привносимой грѣхами въ него разрушительной и смертоносной стихіи, нашему тѣлу необходимо войти въ живое или въ органическое общеніе и единеніе съ *тѣлесной* природою Спасителя, представляющей собою идеальную чистоту покончательно восторжествовавшей надъ смертію. Прекрасно говорить объ этомъ св. Григорій Нисскій въ слѣдующихъ своихъ словахъ: „Такъ какъ существо человѣческое есть нѣчто двойное, срастворенное изъ души и тѣла, то спасаемымъ необходимо слѣдовать за Руководящимъ къ жизни. Посему душа, соединившись съ Нимъ вѣрою, въ этомъ имѣетъ основаніе спасенія. А тѣло *инымъ* способомъ вступаетъ въ приобщеніе и единеніе съ Спасяющимъ. Ибо какъ, принявъ по чьему-либо злоумышленію въ себя отраву, ослабляютъ тлетворную ея силу другимъ составомъ, и противоядію такъ-же, какъ и губительному веществу, надобно войти во внутренности человѣка, чтобы ими всему тѣлу удѣлена была цѣлебная сила: такъ, вкусивъ разрушающаго естество наше, по необходимости мы возымѣли нужду въ томъ, что совокупляло-бы разрушаемое снова во едино, такъ чтобы таковое противоядіе, бывъ принято нами, отразило своимъ противодѣйствіемъ вредность отравы, прежде сего сообщенную тѣлу. Что же это за противоядіе? Не иное что, какъ оное тѣло, т. е. Христово, которое оказалось сильнѣйшимъ смерти и послужило началомъ нашей жизни. Ибо какъ, по слову Апостола, малъ квасъ все смѣшеніе дѣлаетъ подобнымъ себѣ (1 Корин. V, 6), такъ и тѣло, преданное на смерть Богомъ, входя въ *наше тѣло*, претворяетъ и примѣняетъ оное *цѣлое* въ Себя. Какъ по примѣненіи тлетворнаго къ здоровому всё срастворенное стало ни къ чему негоднымъ, такъ и безсмертное тѣло, когда бываетъ въ принявшемъ оное, всё претворяетъ въ Свое естество. Но невозможно чему-либо стать внутри нашего тѣла, какъ вошедши во внутренности яденіемъ и питіемъ“ ¹⁾. Но какимъ-же образомъ хлѣбъ и вино, вкушаемые въ таинствѣ евхаристіи, становятся истиннымъ тѣломъ и истинной кровію Спасителя? „Силою благословенія, говоритъ св. Григорій Нисскій, *естество* види-

¹⁾ Стран. 96 и 97 въ 4 т. *Твореній* (Русск. переводъ).

маго преобразуется въ тѣло и кровь Христа¹⁾, т. е. пресуществляется въ нихъ.

Такимъ образомъ, я ратую отнюдь не изъ-за слова только, а отстаиваю православное ученіе объ евхаристіи противъ отвергающихъ его старокатоликовъ и г. Кирѣева. Выражаясь словами митроп. Филарета, они совсѣмъ уничтожаютъ упомянутое таинство чрезъ то, что не признаютъ матеріальнаго или плотскаго присутствія Богочеловѣка въ немъ и не считаютъ благословенныхъ хлѣба и вина спасительнымъ и освяtitельнымъ „яствомъ“ для нашего тѣла. Въ виду этого я вынуждался и вынуждаюсь защищать противоположное этому и безусловно-истинное ученіе православной церкви, гласящее, что Христосъ присутствуетъ въ евхаристіи и матеріально или плотски и что, вслѣдствіе этого вкушая въ ней подъ видами хлѣба и вина дѣйствительно тѣло и кровь Его, мы вступаемъ не въ духовное лишь, но и въ *тѣлесное* единеніе съ Нимъ, благодѣтельнымъ какъ для душъ, такъ и для тѣлъ нашихъ.

Отстаивая такое ученіе, не могъ и не могу не высказываться и за понятіе и слово: пресуществленіе, сами собою заключающіяся въ немъ и выражающія его. Кто признаетъ, что Христосъ присутствуетъ въ евхаристіи и матеріально или плотски и что мы приобщаемся въ ней, подъ видами хлѣба и вина, истиннаго тѣла и истинной крови Его, вступаая чрезъ то и въ тѣлесное единеніе съ Нимъ не для духовнаго только, но и для тѣлеснаго нашего блага, тотъ этимъ самымъ исповѣдуетъ и то, что въ упомянутомъ таинствѣ непостижимымъ для насъ дѣйствіемъ Святаго Духа совершается предложеніе или претвореніе существа хлѣба и вина въ существо тѣла и крови Спасителя. Справедливость этого прекрасно и различно подтверждается примѣромъ старокатоликовъ и г. Кирѣева. Не принимая православнаго ученія о предложеніи—пресуществленіи хлѣба и вина въ истинное тѣло и въ истинную кровь Христа, они не принимаютъ и православнаго ученія о матеріальномъ или плотскомъ присутствіи Его въ евхаристіи, о благословенныхъ хлѣбѣ и винѣ, какъ „яствѣ“ и для тѣла нашего, и о плодотворности св. таинъ для нашей тѣлесной жизни.

¹⁾ Ibid. Стран. 101.

Съ другой стороны, никто изъ старокатолическихъ богослововъ, равно какъ и г. Кирѣевъ, доселѣ не только не могли опровергнуть, но и не пытались опровергнуть того безусловно-справедливаго и несокрушимаго положенія, что хлѣбъ и вино, при безспорномъ неведѣсущи тѣла Христова, не могутъ содѣлаться имъ (и кровью), если не пресуществятся. А это свидѣтельствуеть, что сами оппоненты внутренно признають строго-логическую засивимость отъ понятія и слова: *пресуществленіе* мыслей о томъ, что Богочеловѣкъ присутствуетъ въ евхаристіи и матеріально или плотски, что мы подъ видами хлѣба и вина вкушаемъ самого существа тѣла и крови Его и чрезъ то вступаемъ и въ тѣлесное единеніе съ Нимъ для нашего не духовнаго только, но и тѣлеснаго блага.

Старокатолики и г. Кирѣевъ увѣряють, однако, для оправданія лжеученія своего объ евхаристіи, будто мы не имѣемъ права говорить о преложеніи—пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Богочеловѣка. Въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ Роттердамская коммиссія утверждаетъ, будто въ Свящ. писаніи нѣтъ указаній, чрезъ что благословенные хлѣбъ и вино дѣлаются тѣломъ и кровію Христа, а отцы и учителя церкви различно-де отвѣчали на вопросы: какъ Онъ присутствуетъ въ евхаристіи, какъ благословенные хлѣбъ и вино перестаютъ быть обыкновенными хлѣбомъ и виномъ, какъ приобщающійся участвуетъ въ тѣлѣ и крови Его, въ Его страданіяхъ и въ принесенной Имъ жертвѣ ¹⁾? Что касается г. Кирѣева, то онъ дѣлаеть касательно этого предмета слѣдующее замѣчаніе. „О таинствѣ евхаристіи, конечно, много разсуждали отцы церкви и издавна установили совершенно ясно и опредѣленно, что въ причастіи мы вкушаемъ *самыя* тѣло и кровь Спасителя, что дары дѣлаются истинно, дѣйствительно и существенно Его тѣломъ и кровію. Это ученіе установлено древней церковію совершенно опредѣленно и окончательно, но—ничего болѣе, ибо всякое „болѣе“ было-бы излишнимъ. Ни о какой трансубстанціи не было и рѣчи“ ²⁾. Не ограничиваясь этимъ, г. Кирѣевъ не только утверждаетъ, будто ученіе о пресуществле-

1) Страв. 6 и 7 въ XXV кн. *Revue*.

2) Страв. 114 въ 7 кн. *Христ. Читенія* за 1899 г.

ніи нельзя назвать даже теологуменомъ, т. е. чымъ-либо изъ отеческихъ мѣній ¹⁾, но и извращаетъ значеніе моихъ словъ о томъ, что у отцовъ церкви буквально слова: пресуществленіе не встрѣчается ²⁾. Уже и изъ выше приведенныхъ тезисовъ моихъ, доселѣ никѣмъ неопровергнутыхъ, видно до извѣстной степени, насколько неправы старокатолики п г. Кирѣевъ, высказываясь уномянутымъ мною образомъ. Въ *Отвѣтъ*-же моемъ г-ну Мишо читатель найдетъ болѣе обстоятельное опроверженіе высказаннаго Роттердамской комиссіею п г. Кирѣевымъ. Не жалая здѣсь повторять* того, что изложено въ упомянутыхъ *тезисахъ* и особенно въ уномянутомъ *Отвѣтъ* моемъ и вовсе еще никѣмъ не опровергнуто, обращаюсь къ разбору вышеуказанныхъ сужденій Роттердамской комиссіи п г. Кирѣева, при чемъ не премину сказать въ своемъ мѣстѣ, потребное слово и противъ профессора Ваттериха. Сперва остановлюсь на замѣчаніяхъ п аргументаціи г. Кирѣева.

Онъ самъ утверждаетъ, что древняя церковь совершенно опредѣленно и окончательно установила слѣдующее ученіе: благословенные хлѣбъ и вино *дѣлаются* тѣломъ и кровію Спасителя истинно, дѣйствительно и существенно (*substantialiter*), а потому мы вкушаемъ въ евхаристіи *самое* тѣло и *самую* кровь Его. Допустимъ, что древняя церковь высказывала только это одно и не упоминала „ни о какой“ трансубстанціаціи. Но коль скоро она несомнѣнно учитъ тому, на что указалъ оппонентъ, то вѣдь *этимъ самымъ* она и говоритъ о предложеніи—пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа. Что это дѣйствительно такъ, подтверждаетъ *самъ* г. Кирѣевъ. Вѣдь неоднократно онъ указываетъ на то, что понятіе и слово пресуществленіе *прямо* говорятъ о матеріальномъ или плотскомъ присутствіи Спасителя въ евхаристіи и о нашемъ тѣлесномъ общеніи съ Нимъ чрезъ вкушеніе самыхъ тѣла и крови Его подъ *видами* хлѣба и вина. Значитъ, именно указаніе на пресуществленіе заключается въ усвояемыхъ церкви п г. Кирѣевымъ словахъ. Вѣдь въ нихъ, по *его* собственному свидѣтельству, заключается ученіе и о томъ, что хлѣбъ и

1) Ibid. Стран. 125.

2) Ibid. Стран. 111.

вино *субстанціально* сдѣлаются *самимъ* тѣломъ и *самой* кровію Христа. Уже слова: *самимъ* и *самой* указываютъ на то, что хлѣбъ и вино по *существоу* своему становятся въ евхаристіи тѣломъ и кровію Его. Когда внѣшній видъ какого-нибудь предмета заставляетъ насъ думать, что онъ—не тотъ, какой намъ нуженъ или какого мы ожидаемъ, то другіе люди, лучше насъ знающіе или видящіе его, обыкновенно говорятъ намъ: онъ *самый* и есть. Словомъ: *самый* тутъ указывается *тожество* того, что намъ кажется другимъ предметомъ, съ нужнымъ или ожидаемымъ нами предметомъ. Значитъ, уже слово: *самые*, прилагаемое нами къ благословеннымъ хлѣбу и вину, говоритъ, что хотя они по внѣшности кажутся хлѣбомъ и виномъ, но по существу своему суть несомнѣнные тѣло и кровь. Коль скоро-же прямо прибавляется здѣсь слово: *субстанціально*, то усвояемое г. Кирѣевымъ православной церкви ученіе тѣмъ болѣе *можетъ* и *должно* быть выражено въ слѣдующей сравнительно уже краткой формулѣ: „хлѣбъ и вино *пресуществляются* въ евхаристіи въ тѣло и кровь Господа“. Отсюда видно, что, только по недомыслию или вслѣдствіе тенденціознаго, явно фальшивящаго упрямства, можно говорить, будто въ древней церкви „ни о какой транс-субстанціи“ не было рѣчи. Что именно какую рѣчь, при томъ весьма опредѣленную, и представляетъ собою ученіе древней церкви объ евхаристіи, своеобразно формулированное г. Кирѣевымъ, въ этомъ *удостоверяетъ* насъ *самъ* онъ, хотя и противъ собственной воли.

Вражда оппонента противъ понятія и слова: пресуществленіе является, должно сказать, прямо безсмысленной непослѣдовательностью, коль скоро онъ *не* фальшивитъ, увѣряя, будто онъ по православному вѣруетъ и исповѣдуетъ, *яко сіе есть пречистое тѣло Твое* и проч. Извиненіемъ этой вражды никакъ не можетъ быть слѣдующее странное заявленіе его о себѣ: „лучше останусь при простой своей вѣрѣ и буду, не мудрствуя лукаво, повторять: вѣрую и исповѣдаю: *яко сіе есть тѣло* и т. д., не заботясь о томъ, что (и какъ) непонятная для меня субстанція даровъ превращается въ еще менѣе понятную субстанцію самого Слова“¹⁾. Въ этихъ сло-

1) Цвѣт. Стран. 122 и 123.

вахъ оппонента прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе *искаженіе* имъ православнаго ученія о пресуществленіи, произошедшее или вслѣдствіе обычнаго у него невѣдѣнія того, о чемъ онъ изъ богословской области самоувѣренно разсуждаетъ, или вслѣдствіе недоброкачественнаго умысла. Вѣдь не только православная церковь, но и никто изъ здравомыслящихъ чадъ ея не можетъ допускать „дикой“ мысли, будто субстанции хлѣба и вина превращаются въ субстанцію „самого Слова“ или Единороднаго Сына Божія. Церковь учитъ, а вѣрныя чада ея исповѣдаютъ, что сущность хлѣба и вина превращается въ евхаристіи въ сущность *тѣла* и *крови* Богочеловѣка, но это—совсѣмъ иное дѣло. Что касается до заявленнаго г. Кирѣевымъ желанія „не мудрствовать лукаво“, то оно весьма почтенно и въ высшей степени желательно даже во *всѣхъ* случаяхъ его „мудрованій“. Къ прискорбію, онъ не могъ удержаться отъ „лукаваго мудрствованія“ даже и тогда, когда выразилъ желаніе покончить съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, только вѣдь „луково мудрствующій“ способенъ сказать то, что изрекъ оппонентъ. Во-первыхъ, если онъ подчиняется ученію церкви, *впритѣ* тому, что „сіе есть тѣло“ и проч., то зачѣмъ же онъ настойчиво и даже весьма рѣзко осуждаетъ и отвергаетъ ученіе той-же церкви о *преложеніи*—*пресуществленіи*?! Во-вторыхъ, лишь „луково мудрствующій“ могъ сказать, будто мыслима „простая вѣра“ въ человѣкѣ, не сопровождающаяся никакимъ размышленіемъ о предметахъ ся. Худолн или хорошо, правильно или неправильно, но человѣкѣ, какъ *разумное* существо, *не можетъ* не размышлять въ частности и объ евхаристическихъ хлѣбѣхъ и винѣхъ. Коль скоро церковь внушаетъ намъ, что подъ *видами* ихъ мы пріобщаемся *истинныхъ* тѣла и крови Господа, то каждый изъ здравомыслящихъ христіанъ не можетъ не сообразить того, что съ хлѣбомъ и виномъ, по дѣйствию премудро-всемогущаго Бога, должно было произойти хотя и не постижимое для насъ, но *несомнѣнное* и при томъ *существенное* измѣненіе. Не признавать такого *субстанціального* превращенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа могутъ только тѣ, кто *лукаво* увѣряютъ, будто они вѣруютъ и исповѣдаютъ „якое сіе есть тѣло“ и проч. Между

тѣмъ, православная церковь не предоставляетъ христіанъ лишь ихъ собственнымъ размышленіямъ о столь важномъ предметѣ, какъ евхаристія, но искони учила и теперь учитъ ихъ, что въ этомъ таинствѣ дѣйствительно совершается преложение—пресуществленіе хлѣба и вина въ истинныя тѣло и кровь, Господни.

Вопреки увѣреніямъ Роттердамской комиссіи и г. Кирѣева православная церковь искони учила и учитъ, что хлѣбъ и вино въ таинствѣ евхаристіи дѣлаются тѣломъ и кровію Христа именно чрезъ *преложение—пресуществленіе* хлѣба и вина въ тѣло и кровь Его и что *именно вслѣдствіе этого* Онъ присутствуетъ въ ней не духовно только, но и матеріально или плотски, а мы, приобщаясь истиннаго тѣла и истинной крови Его, становимся общниками Его тѣлесной природы и участвуемъ въ Его страданіяхъ и въ принесенной Имъ жертвѣ. Еслибы церковь не учила о преложении—пресуществленіи, то не было-бы въ ней и ученія о вкушеніи нами истиннаго тѣла и истинной крови Богочеловѣка, равно какъ не было-бы о нашемъ участіи въ страданіяхъ Его и въ принесенной Имъ жертвѣ. Отвергая преложение—пресуществленіе въ евхаристіи, старокатолики и г. Кирѣевъ тѣмъ самымъ отвергаютъ какъ тѣлесное присутствіе Спасителя въ упомянутомъ таинствѣ и наше приобщеніе тѣла и крови Его, такъ и *жертвенное* значеніе его (таинства) для насъ, т. е., *уничтожаютъ*, по выраженію митроп. Филарета, *всѣ таинства* евхаристіи, какъ бы они ни увѣряли въ противномъ. А что православная церковь всегда учила и учитъ о *преложении—пресуществленіи*, это несомнѣнно.

Еще въ моемъ *Отвѣтѣ профессору Мишо* я говорилъ, что даже въ Чинопослѣдованіи литургій постановленій апостольскихъ содержится ясное ученіе о преложении—пресуществленіи евхаристическихъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа. Не одинъ я, но и другіе безпристрастные изслѣдователи признаютъ наличность этого ученія въ упомянутомъ чинопослѣдованіи литургій. Собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ, въ переводѣ на русскій языкъ и съ надлежащими учеными комментаріями, сдѣлано въ 1874—1878 годахъ ре-

дакціею *Христіанскаго Чтенія* и издано ею въ свѣтъ въ пяти отдѣльныхъ выпускахъ. Приведя ту самую литургійную молитву, на которую ссылался и я, редакція *Собранія литургій* сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: „настоящая молитва, въ глубокой древности которой не можетъ быть сомнѣнія и которую иные, напримѣръ Даніель, считаютъ даже дословно дошедшею по преданію отъ самихъ апостоловъ, служатъ однимъ изъ *непререкаемыхъ* доказательствъ истинности православнаго ученія о *Пресуществленіи* святыхъ даровъ“¹⁾. Это ученіе своеобразно выражено и въ чинопоследованіи греческой литургіи св. апостола Іакова. Предъ освященіемъ хлѣба и вина совершающей литургію произноситъ молитву о томъ, чтобы Духъ Святой, нисшедши на нихъ, освятилъ ихъ святымъ благимъ и славнымъ Своимъ наитіемъ и содѣлалъ (ποίηση) хлѣбъ святымъ тѣломъ Христа, а вино—драгоцѣнной Его кровію, дабы они были всѣмъ, причащающимся ихъ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, въ освященіе душъ и *тѣлъ*, въ плодоношеніе дѣлъ благихъ²⁾. По освященіи хлѣбъ и вино именуются уже тѣломъ и кровію Христа, Бога нашего³⁾. Замѣчательно, что священнодѣйствующій молится не о томъ, чтобы Христосъ божествомъ Своимъ соединился съ хлѣбомъ и виномъ или въ обоихъ Своихъ естествахъ присутствовалъ въ нихъ, или же инымъ какимъ-либо образомъ усвоилъ Себѣ элементы хлѣба и вина и освятилъ ихъ, но проситъ Господа о томъ, чтобы Духъ Святой нисшелъ на хлѣбъ и вино и чрезъ чудесное Свое воздѣйствіе именно ихъ содѣлалъ самымъ тѣломъ и самой кровію Христа, спасительными не для души только, но и для тѣла нашего. По освященіи-же хлѣбъ и вино принимаются, не смотря на *внѣшнюю* неизмѣнность ихъ, уже за истинныя тѣло и кровь Богочеловѣка. Всѣмъ этимъ ясно свидѣлствуется о томъ, что слово: *содѣлать* здѣсь имѣетъ равнозначащій смыслъ съ словомъ: *пресуществить*. О вѣрѣ первенствующей церкви въ *преложеніе*—*пресуществленіе* свхаристическихъ хлѣба и вина въ самое тѣло и въ самую

1) Стран. 125 въ 1 выпускѣ.

2) Ibid. Стран. 178.

3) Ibid. Стран. 193.

кровь Христа говоритъ и находящаяся въ чинѣ литургіи армянской церкви молитва о томъ, чтобы Господь благоволилъ чрезъ Духа Святаго *содѣлать* хлѣбъ и вино истинными тѣломъ и кровію Спасителя, *преложивъ* ихъ Духомъ Святымъ ¹⁾. Въ чинопослѣдованіи Коптской литургіи св. Кирилла Александрійскаго возносится ко Господу молитва о томъ, дабы Онъ ниспослалъ Духа Своего Святаго на подлежащія хлѣбъ и вино, чтобы они *преложились*, содѣлавшись тѣломъ Христовымъ и драгоценной кровію новаго завѣта ²⁾. Въ чинопослѣдованіи литургіи Несторія читаемъ, между прочимъ, слѣдующую молитву: „да придетъ, Господи, благодать Духа Святаго и да вселится и почиетъ на семъ приношеніи (хлѣбъ и винѣ), которое мы приносимъ предъ Тобою, и да освятитъ и содѣлаетъ хлѣбъ и вино тѣломъ и кровію Господа нашего Иисуса Христа, между тѣмъ какъ Ты *преложилъ* ихъ дѣйствіемъ Духа Святаго“ ³⁾. Въ чинопослѣдованіи литургіи Галльской и испано-готеской церкви изложена-же молитва, съ которою священнодѣйствующій обращается къ Богу, прося Его, да совершится чудеснымъ образомъ *преложение* (*transformatio*) хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господни ⁴⁾. Въ чинопослѣдованіи римской литургіи, по сакраментарію папы Геласія I-го, находимъ-же молитвенное обращеніе священнодѣйствующаго къ Богу о томъ, да будутъ хлѣбъ и вино тѣломъ и кровію возлюбленнаго Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, для того, чтобы всякій разъ, когда станемъ принимать святѣйшія тѣло и кровь Его, мы исполнялись *всякаго* небеснаго благоволенія и благодати чрезъ Христа, Господа нашего ⁵⁾. Въ литургіи упомянутаго папы, на котораго ради своихъ партійныхъ цѣлей любятъ ссылаться старокатолики, слова: *да будутъ*, употребленныя по отношенію къ евхаристическимъ хлѣбу и вину, прямо напоминаютъ слѣдующія наприм. слова Творца вселенной: *они будутъ свѣтила на тверди небесной* (Быт. I, 14) и взяты, очевидно, прямо изъ Библии. Уже и изъ этого ясно, что въ упомянутой литургіи содержится ученіе о *преложе-*

¹⁾ Стран. 208 во 2 вып.

²⁾ Стран. 69 въ 3 вып.

³⁾ Стран. 52 въ 4 вып.

⁴⁾ Ibid. Стран. 80.

⁵⁾ Стран. 61 и 62 въ 5 вып.

ни—пресуществленіи хлѣба и вина въ самое тѣло и въ самую кровь Богочеловѣка, а вовсе не о какомъ-либо соединеніи Его съ не пресуществленными хлѣбомъ и виномъ. Кто бы ни составилъ упомянутую литургію, но важенъ тотъ фактъ, что она приписана именно папѣ Геласію I-му. Усвоившіе ему составленіе литургіи съ таковымъ ученіемъ объ евхаристіи, очевидно, знали, что упомянутый папа—сторонникъ этого ученія, а потому и не встрѣчали протеста съ этой стороны. Что же касается чинопослѣдованія литургіи, на примѣръ, св. Іоанна Златоуста, доннынѣ совершающейся въ православной церкви, то и въ ней ясно выражено ученіе о преложеніи—пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа уже въ слѣдующихъ молитвенныхъ къ Богу словахъ: „створи убо хлѣбъ честное тѣло Христа Твоего, а еже въ чашѣ сей—честную кровь Христа Твоего, преложи въ Духомъ Святымъ“. Такимъ образомъ, самыя чинопослѣдованія литургіи, искони употреблявшіяся и теперь употребляемая во вселенской церкви Христовой, неопровержимымъ образомъ свидѣтельствуютъ объ абсолютной истинности православнаго ученія о *Пресуществленіи* св. даровъ въ евхаристіи.

Но, говорятъ Роттердамская коммиссія и ея единомышленники въ литургійныхъ молитвахъ и исповѣданіяхъ не встрѣчается слова: пресуществленіе. Это—правда. Даже въ чинопослѣдованіи римско-католической литургіи, доннынѣ практикуемомъ въ папской церкви, не находимъ этого слова буквально, хотя ученіе о Пресуществленіи имѣетъ въ ней, какъ и въ православной церкви, догматическое или общеобязательное значеніе. Но отсутствіе упомянутаго слова развѣ говоритъ сколько-нибудь противъ существованія въ нихъ ученія о Пресуществленіи? Въ богослужебныхъ книгахъ православной церкви, какія бы древнѣйшія изъ нихъ мы ни имѣли въ виду, не находимъ и нѣкоторыхъ другихъ терминовъ, въ которыхъ вселенскіе соборы и авторизованные ими помѣстные соборы формулировали или выражали догматическія истины. Тѣмъ не менѣе послѣднія несомнѣнно излагаются въ разныхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, молитвахъ и проч., но своеобразнымъ языкомъ. Что касается

ученія о Пресуществленіи, то оно, какъ мы видѣли, такъ или иначе, но несомнѣнно содержится и излагается во всѣхъ чинопослѣдованіяхъ литургій, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ и оканчивая наиболѣе поздними. Почти всеобщій на литургійномъ языкѣ терминъ: *преложеніе*, какъ и остальные термины, бывъ взяты въ связи съ общимъ содержаніемъ литургійныхъ молитвъ и исповѣданій, имѣетъ совершенно *то-же самое* значеніе, что и терминъ: *пресуществленіе*. Вотъ, между прочимъ, почему въ *Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго*, являющемся не инымъ чѣмъ, какъ одною изъ богослужебныхъ или спеціально церковныхъ книгъ, и вмѣняется рукополагаемымъ во епископа лично исповѣдывать и вѣнчать будущей ихъ паствѣ вѣру въ *Пресуществленіе* хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа въ таинствѣ евхаристіи. Старокатолики и г. Кирѣевъ, очевидно, *фарисействуютъ*, лицемѣрятъ, ссылаясь, въ оправданіе отрицанія ими ученія о Пресуществленіи, на отсутствіе слова: пресуществленіе въ литургійномъ языкѣ. Во-первыхъ, они не только не доказали, но и не въ состояніи доказать того, что литургійный терминъ: *преложеніе*, взятый въ связи съ общимъ содержаніемъ литургійныхъ молитвъ, произносимыхъ предъ освященіемъ евхаристическихъ хлѣба и вина, не имѣетъ значенія, тождественнаго съ словомъ: *пресуществленіе*. Во-вторыхъ, они не принимаютъ и слова: *преложеніе*, хотя и утверждаютъ, что это—исконный литургійный терминъ. Пусть-же старокатолики и г. Кирѣевъ, при формулировкѣ понятія ихъ объ евхаристіи, употребляютъ слово: *преложеніе*, но, конечно, въ томъ значеніи и смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ литургіяхъ. Для этого потребуется отъ старокатоликовъ особая формулировка всего ученія ихъ объ евхаристіи. Давши ее, они уже не будутъ заслуживать упрека въ фарисействѣ, въ предосудительномъ лицемѣріи, а заслужатъ упрека только въ *раскольничьемъ буквондствѣ*, если всетаки станутъ избѣгать термина: *пресуществленіе* ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, наши раскольники принимаютъ слово: *пресуществленіе*, ибо лучше старокатолическихъ богослововъ знаютъ и понимаютъ дѣло въ этомъ случаѣ.

Изъ сказаннаго ясно, насколько не правъ г. Кирѣевъ, утверждая, будто ученіе о пресуществленіи и прямо выражающій его терминъ не обладаютъ значеніемъ даже теологумена. Напротивъ, упомянутое ученіе имѣеть догматическое значеніе уже потому только, что чинопослѣдованія литургій, содержащія въ себѣ это ученіе, являются выразителями исконнаго и всегдашняго вѣрованія церкви. А коль скоро это такъ, то долженъ имѣть общеобязательное значеніе и терминъ, прямо и ясно выражающій это ученіе. Напрасно же, значитъ, продолжаетъ увѣрять г. Кирѣевъ, будто понятіе и слово: пресуществленіе послѣ *придуманы* для того, чтобы объяснить, какъ именно дѣлается или происходитъ превращеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя ¹⁾. Несправедливость этихъ увѣреній доказывается и слѣдующимъ. Вѣдь самъ онъ не разъ приводитъ свидѣтельства символическихъ книгъ нашей церкви, говорящія противоположное этому. Не требуется ни особенной сообразительности, ни особеннаго напряженія мысли, чтобы и безъ этихъ свидѣтельствъ уразумѣть, что понятіе и терминъ: *пресуществленіе* дѣйствительно не задаются цѣлю объяснить и не объясняютъ, какъ именно происходитъ оно. Даже такія обычныя явленія, каковы напримѣръ, явленія притяженія однихъ тѣлъ другимъ или соединеніе щелочи именно съ кислотою и т. под., остаются загадкою для ученыхъ, хотя понятія и термины: притяженіе, химическое средство и т. под. и употребляются въ качествѣ якобы объясняющихъ дѣло. Тѣмъ болѣе должно сказать это о понятіи и терминѣ: *пресуществленіе*, которые употребляются не въ качествѣ объясняющихъ таинственнѣйшій изъ процессовъ, а въ качествѣ точнѣйшаго указателя на образъ присутствія Христа въ евхаристіи,—присутствія не духовнаго только, но и тѣлеснаго,—и вмѣстѣ на несомнѣнность вкушенія нами *самаго* тѣла и *самой* крови Его подъ видами хлѣба и вина. Кто не желаетъ ради партійныхъ или иныхъ цѣлей лукаво навязывать понятію и термину: *пресуществленіе* иное назначеніе и иной смыслъ, тотъ никогда не скажетъ, будто это понятіе и этотъ терминъ при-

¹⁾ Стран. 122 въ 7 кн. Христ. Чтенія за 1899 г.

думаны съ цѣлію объяснить, какъ именно происходитъ превращеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Богочеловѣка.

Но не одни чинопослѣдованія литургій свидѣтельствуютъ объ исконномъ ученіи церкви касательно пресуществленія св. даровъ. Не тѣ только изъ отцовъ и учителей церкви, которымъ усвояются эти чинопослѣдованія, но всѣ они, поскольку касались вопроса объ образѣ присутствія Спасителя въ евхаристіи, единогласно учатъ о *пресуществленіи*, сколько бы старокатолики и ихъ единомышленники ни увѣряли въ противномъ, опираясь на нарочито взятые ими въ *отрывочномъ* видѣ слова отцовъ и учителей церкви. Ученіе послѣднихъ о пресуществленіи является другимъ непререкаемымъ доказательствомъ исконной вѣры церкви въ превращеніе существа хлѣба и вина въ евхаристіи въ существо тѣла и крови Христа.

Какъ ни усиливается г. Кирѣевъ увѣрить своихъ читателей, будто мысль о пресуществленіи не можетъ почитаться даже и за теологуменоу, однакоже самъ свидѣтельствуетъ, что св. Іоаннъ Дамаскинъ училъ о *претвореніи* хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя¹⁾. Ссылка оппонента именно на Іоанна Дамаскина имѣетъ необычайную важность. Самъ оппонентъ въ первомъ своемъ *Отвѣтѣ* мнѣ высказался объ этомъ отцѣ и учителѣ церкви такъ: „это—не только великій Святой, но и послѣдній великій отецъ церкви, признаваемый за такового Востокомъ и Западомъ, резюмировавшій *всю* тогдашнюю богословскую науку“¹⁾. Дѣйствительно, Іоаннъ Дамаскинъ воспроизводитъ и изъясняетъ въ своемъ *Точномъ изложеніи православной вѣры* ученіе предшествовавшихъ ему отцовъ и учителей церкви и по вопросу объ евхаристіи. Черезъ это слова его о ней становятся уже не теологуменономъ только, но и получаютъ иное важнѣйшее значеніе. А если все это такъ, то выходитъ, вопреки мнѣнію Роттердамской комиссіи и самого г. Кирѣева, что, судя и по сказанному Дамаскинымъ, отцы и учителя церкви ясно и одинаково отвѣчали на вопросъ объ образѣ присутствія Христа въ евхаристіи, а слѣдовательно и на остальные, органически связанные съ нимъ, вопросы, рѣ-

¹⁾ Стран. 4 въ отдѣл. оттискѣ.

шеніе которыхъ обусловлено рѣшеніемъ перваго изъ нихъ. По ученію св. Іоанна Дамаскина Богочеловѣкъ присутствуетъ въ упомянутомъ таинствѣ не чрезъ какое-либо соединеніе съ непресуществленными хлѣбомъ и виномъ, а чрезъ преложеніе или претвореніе ихъ въ самое тѣло и въ самую кровь Его, по существу своему тождественныя съ тѣмъ тѣломъ Его, съ коимъ Онъ родился отъ Приснодѣвы Маріи¹⁾. Такое ученіе св. Дамаскина является ученіемъ и предшествовавшихъ ему отцовъ и учителей церкви и есть собственно ученіе о пресуществленіи. Усилія г. Кирѣева истолковать слова этого отца и учителя церкви въ смыслѣ, якобы не благопріятномъ ученію о пресуществленіи, пропадаютъ совершенно напрасно.

Ради достиженія своей предвзятой цѣли оппонентъ отрывочно и безъ всякой цитаты приводитъ слѣдующія слова св. Дамаскина, не безъ задняго умысла поставляя ихъ въ связь съ вѣроопредѣленіемъ четвертаго вселенскаго собора о двухъ естествахъ во Христѣ. Ежели ты желаешь знать, говоритъ упомянутый отецъ и учитель церкви,—желаешь образа, како бываетъ (какъ сіе совершается), то достаточно тебѣ услышать, что совершается сіе дѣйствіемъ Св. Духа. За тѣмъ, продолжаетъ г. Кирѣевъ, указывается для вразумленія нашего на образъ, на примѣръ, какъ Себѣ самому и въ Себѣ самомъ Господь составилъ плоть, указывается на примѣръ воплощенія (въ которомъ именно обѣ природы соединены во едино). О соединеніи-же сихъ натуръ говорится въ догматическомъ опредѣленіи IV вселенскаго собора текстуально слѣдующее: „Христа, Сына, Господа Единороднаго, во *двухъ естествахъ* неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго. Никакоже различію двухъ естествъ потребляемому соединеніемъ, паче-же сохраняемому свойству коегождо естества“. Это указаніе великаго отца церкви, на постановленіе вселенскаго собора, при участіи 630 епископовъ, въ которомъ говорится, что при воплощеніи Богъ—Сынъ, удерживая одну видимую форму, имѣетъ два естества (*двѣ субстанции*) неслиянныя и не-

¹⁾ Стран. 222 и др. въ упомянутомъ твореніи его (переводъ Бронзова).

измѣнныя, едвали послужить, говорить г. Кирѣевъ, къ укрѣпленію ученія о трансубстанціаціи“¹⁾).

Слова св. Іоанна Дамаскина въ томъ видѣ, въ какомъ приведены моимъ оппонентомъ, пожалуй, могутъ наводить на мысль, будто съ непресуществленными хлѣбомъ и виномъ въ таинствѣ евхаристіи Упостасно соединяется Единородный Сынъ Божій, на подобіе того, какъ въ воплощеніи Онъ принялъ обычную человѣческую плоть, не измѣнивъ существа ея и оставшись Богомъ. Но такого худшаго, чѣмъ даже лютеранское, воззрѣнія на евхаристію не только не держался, но и *не могъ* держаться св. Дамаскинъ. Не даромъ-же весьма многіе даже изъ протестантскихъ богослововъ признаютъ его наиболѣе типичнымъ выразителемъ ученія о Пресуществленіи. Что это именно ученіе раскрываетъ онъ въ своемъ *Точномъ изложеніи православной вѣры*, это достаточно выяснено въ моемъ *Отвѣтъ* г-ну Мишо²⁾. Сказанное-же мною не только не опровергнуто г. Кирѣевымъ или кѣмъ-нибудь изъ его единомышленниковъ, но даже и не затронуто. Лишь потому и навязываетъ г. Кирѣевъ св. Дамаскину упомянутое лжеученіе, что онъ лукаво скрылъ отъ своихъ читателей начало и конецъ той тирады, въ которой упомянутый отецъ и учитель церкви ссылается, между прочимъ, на фактъ вочеловѣченія Сына Божія. Вотъ полностью эта тирада. Въ евхаристіи „истиннѣ соединилось съ божествомъ тѣло, родившееся отъ Св. Дѣвы, *не* потому, что вознесшееся тѣло нисходитъ съ неба, *но* потому, что самый хлѣбъ и вино измѣняются въ тѣло и кровь Христа. Если же ты отыскиваешь тотъ образъ, какъ это происходитъ, то тебѣ достаточно услышать, что—при содѣйствіи Святаго Духа, подобно тому, какъ при Его-же содѣйствіи Господь для Себя и въ Себѣ осуществилъ и плоть отъ святой Богородицы. Больше мы ничего не знаемъ, за исключеніемъ того, что слово Божіе истинно и дѣйственно и всемогуще, а образъ не изслѣдимъ. Но не хуже сказать и то, что подобно тому, какъ согласно съ законами природы, хлѣбъ

¹⁾ Стран. 114 и 115 въ 7 кн. *Христ. Читенія* за 1899 г.

²⁾ Стран. 122—125 и 127—128 въ упомянутой моей брошюрѣ.

чрезъ съѣданіе, и вино и вода чрезъ выпиваніе измѣняются въ тѣло и кровь того, кто ѣсть и пьетъ, и не дѣлаются другимъ тѣломъ по сравненію съ прежнимъ его тѣломъ, такъ и хлѣбъ предложенія и вино и вода чрезъ призываніе и пришествіе Святаго Духа преестественно измѣняются въ тѣло Христова и кровь, и не суть два, но единое и то же самое¹⁾).

Въ этихъ словахъ св. Іоанна Дамаскина ясно и непрерываемо выражено ученіе о *Пресуществленіи* хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа въ таинствѣ евхаристіи. По его воззрѣнію хлѣбъ и вино дѣлаются истиннымъ тѣломъ и истинной кровію Спасителя отнюдь *не* потому, будтобы вознесшееся Его тѣло нисходитъ съ неба и соединяется съ хлѣбомъ и виномъ, сохраняющими свойственную имъ субстанцію, *но* потому, что *самые* хлѣбъ и вино *измѣняются или превращаются* въ то *самое* тѣло, съ какимъ воплотившійся Сынъ Божій явился и жилъ среди людей, родившись по Своему человечеству отъ Приснодѣвы Маріи. А что касается того, вслѣдствіе чего хлѣбъ и вино прелагаются въ тѣло и кровь Христа, то на этотъ вопросъ св. Дамаскинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. Въ таинствѣ евхаристіи совершается то же самое, что было при вочеловѣченіи Сына Божія. Какъ тамъ чудеснымъ дѣйствіемъ Духа Святаго образована была Сыну Божію плоть отъ Богородицы, такъ и въ таинствѣ евхаристіи Духъ Святой чудеснымъ образомъ уготовляетъ Сыну Божію уже изъ хлѣба и вина истинное тѣло чрезъ преложеніе-пресуществленіе ихъ въ него (въ тѣло), при чѣмъ евхаристическое тѣло Христа совершенно тождественно по своему существу съ Его тѣломъ, пребывающимъ на небѣ. Что же касается того, какой именно процессъ совершается при переходѣ хлѣба и вина въ *самое* тѣло и въ *самую* кровь Богочеловѣка, то этого, по словамъ Іоанна Дамаскина, мы не можемъ знать по причинѣ непостижимости его, но отнюдь не должны и отвергать его на этомъ основаніи. Впрочемъ, замѣчаетъ онъ, прибѣгнувъ къ нѣкоторымъ уподобленіямъ или аналогіямъ, мы въ состояніи до нѣкоторой степени приблизить къ нишимъ понятіямъ про-

1) Стр. 222 въ цитов. сочиненіи.

исходящее съ хлѣбомъ и виномъ въ таинствѣ еucharистіи. Изъ возможныхъ здѣсь *аналогій* св. Дамаскинъ останавливается на превращеніи пищи и питья въ тѣло и кровь Христа въ періодъ земной Его жизни. При этомъ, онъ отмѣчаетъ и различіе, какое существуетъ между а) превращеніемъ употребившихся Спасителемъ пищи и питья въ Его тѣло и кровь въ продолженіе земной жизни Его и б) превращеніемъ еucharистическихъ хлѣба и вина въ Его тѣло и кровь. Въ послѣднемъ случаѣ пресуществленіе совершается „преестественно“, т. е. чудеснымъ образомъ по дѣйствию Духа Святаго, тогда какъ въ первомъ случаѣ жизненная сила Христа превращала пищу и питье въ Его тѣло и кровь чрезъ обычный физиологическій процессъ. Эту самую мысль, какъ извѣстно, высказалъ и св. Григорій Нисскій. Что св. Іоаннъ Дамаскинъ разумѣетъ тутъ превращеніе *существа* хлѣба и вина въ *существо* тѣла и крови, это доказывается не тѣмъ только, что св. Григорій Нисскій, коего возрѣніе преимущественно имѣлъ онъ въ виду, говоритъ, какъ мы выше видѣли, о переходѣ самаго *естества* (т. е. субстанціи) хлѣба и вина въ тѣло и кровь Богочловѣка. Нѣкогда говорилъ я, что св. Дамаскинъ признавалъ *субстанціальное* различіе между растительнымъ и животнымъ организмами ¹⁾. А это различіе, и по его взгляду, должно быть тѣмъ болѣе естественнымъ и неизбѣжнымъ, что тѣло Христа образовано по чудесному воздѣйствию Духа Святаго и есть идеально-чистое или святѣйшее тѣло чловѣческое, т. е. единственное въ своемъ родѣ тѣло.

Такимъ образомъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ, воспроизведшій въ своемъ ученіи объ еucharистіи возрѣніа на нее предшествовавшихъ ему отцовъ и учителей церкви, не только былъ чуждъ протестанскаго взгляда на еucharистическіе хлѣбъ и вино, лукаво навязываемаго ему г. Кирѣевымъ, но и является наилучшимъ выразителемъ святоотеческаго ученія о *пресуществленіи* ихъ въ тѣло и кровь Спасителя. Явно сфальшивилъ оппонентъ мой и въ своей ссылкѣ на то, будто Дамаскинъ, трактуюаъ объ еucharистіи, указалъ на постановленіе IV-го все-

¹⁾ Стран. 39 и друг. въ моемъ *Отвѣтъ А. А. Кирѣеву* (отдѣл. оттиск. 1897 г.)

ленскаго собора о двухъ естествахъ во Христѣ. Изъ приведенной мною тирады св. отца и учителя церкви читатели видѣли, что онъ не упоминаетъ объ этомъ постановленіи. А если бы онъ сдѣлалъ ссылку на послѣднее, то вѣдь она послужила-бы лишь къ новому подтвержденію истинности ученія о пресуществленіи. Что въ Иисусѣ Христѣ, при единствѣ Лица, два *несліянныя* и *неизмѣнныя* естества: божеское и человѣческое, изъ которыхъ послѣднее состоитъ, по ученію и Халкидонскаго собора, изъ души и тѣла, этотъ фактъ требуетъ же того, чтобы старокатолики и ихъ единомышленники признали пресуществленіе въ таинствѣ евхаристіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Богочеловѣка. Чтобы чрезъ упомянутое таинство мы могли соединяться со Христомъ всецѣло, т. е. не духовно лишь, но и тѣлесно, намъ необходимо воспринимать въ себя и Его пречистое тѣло съ Его пречистой кровію. Тѣло-же Спасителя, какъ тѣло, осталось въ Немъ, и по ученію Халкидонскаго собора, цитованному г. Кириѣвымъ, существенно неизмѣннымъ *навсегда*, т. е. не утратило и не утрачиваетъ той своей специфической особенности, по которой оно есть *не вездѣсуще*, не можетъ быть *въ одно и то же время* повсюду или въ разныхъ, отдаленныхъ одно отъ другаго, мѣстахъ. Вотъ почему Никеоцареградскій символъ и учитъ, согласно съ Божественнымъ откровеніемъ (Лук. XXIV, 51 и 1 Петр. III, 22), что Спаситель, послѣ Своего воскресенія вознесшись съ тѣломъ Своимъ на небо, снова придетъ съ нимъ уже для всеобщаго суда надъ людьми (Матѣ. XXIV, 30 и друг.). Что ни означало бы собою это небо, гдѣ ни находилось-бы оно, но не сомнѣнно, что оно—не повсюду. Вотъ почему отцы и учителя церкви говорятъ-же о томъ, что Спаситель *духовно* пребываетъ *повсюду*, а *плотію* отсутствуетъ на землѣ, при чемъ имѣютъ въ виду, конечно, ту самую плоть, съ которою Онъ вознесся и на небо ¹⁾. Это почти буквально высказано свв. Кирилломъ: Іеру-

1) Здѣсь невольно припоминается чудный пасхальный гимнъ: „Во гробѣ плотски, во адѣ-же съ душею яко Богъ, въ рап-же съ разбойникомъ, и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцомъ и Духомъ, *вся* исполняя, неописанный“. Тѣло-же и по воскресеніи Христа осталось тѣломъ *невездѣсущимъ*.

салимскимъ и Александрійскимъ, какъ разнообразно высказывалось и другими отцами и учителями церкви. Блаженный-же Теодоритъ прямо называетъ своего рода великой ересью усвоеніе и тѣлу Христа какихъ-либо божескихъ свойствъ, въ число которыхъ входятъ и вездѣсущіе ¹⁾). Все это прямо и неопровержимо говоритъ о *необходимости и дѣйствительности* пресуществленія въ евхаристіи хлѣба и вина въ самое тѣло и кровь Богочеловѣка. Изъ сказаннаго прямо и непререкаемо слѣдуетъ и то, что старокатолики, г. Кирѣевъ и всѣ ихъ единомышленники, кто бы они ни были, отвергая понятіе и терминъ: *пресуществленіе*, чрезъ то самое неизбѣжно отвергаютъ все таинство евхаристіи.

Профессоръ А. Гусевъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Страв. 85 во 2 т. сочиненія Н. Н. Глубоковскаго: *Блаж. Теодоритъ епископъ Кирскій.*

ЕСТЕСТВЕННОЕ БОГОПОЗНАНИЕ.

(Продолженіе *).

Самый принципъ прогрессивнаго движенія человѣчества и его характеръ различные мыслители представляютъ различно. Декартъ говорилъ, что человѣчество должно вестись впередъ недѣлимьмъ разумомъ и что только при господствѣ таковаго достигнется цѣль исторіи—благо человѣчества. Боссюэтъ, опровергая Декарта, утверждалъ, что человѣчество по его историческому пути ведется исключительно Провидѣніемъ. Гердеръ, признавъ, что всѣ народы, жившіе въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, соединяются одною цѣлью образованности, и что ихъ движеніе по пути развитія можетъ совершаться только подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Божеской силы, слѣдующимъ образомъ рисуеть это движеніе. „Человѣчество, у него, является путникомъ, оставившимъ давно свою родину на востокѣ въ Индію, гдѣ оно впервые пробудилось отъ своего животнаго состоянія, развило богатую образованность и потомъ заснуло на лонѣ вѣры въ оріентальныя символы. Изъ Индіи оно идетъ сначала въ Вавилонъ, отдыхаетъ тамъ и спѣшитъ на западъ въ Персію, Лидію и Египеть. Затѣмъ историческая жизнь переносится на берега Средиземнаго моря и, породивъ цивилизацію грековъ и римлянъ, засыпаетъ вторично, убаюканное величіемъ своихъ побѣдъ. Тогда изъ сѣверныхъ лѣсовъ человѣчество предъявляетъ протестъ противъ насилія римлянъ, свергаетъ ихъ истуканы и полагаетъ начало современному міру. Такимъ образомъ историческая жизнь

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1900 г. № 11.

изъ Греціи переходитъ къ Этрускамъ и Римлянамъ, отъ римлянъ къ германцамъ, отъ германцевъ... Но это также мало извѣстно въ настоящее время германцамъ, какъ мало знали римляне, куда направится человѣчество послѣ нихъ". Гегель, положивъ въ основаніе философіи исторіи предвзятую мысль о развитіи абсолютной идеи, въ развитіи человѣчества видитъ процессъ развитія этой идеи, процессъ развитія самосознанія абсолютнаго духа, причѣмъ оказывается, что вся масса страданій, испытанныхъ человѣчествомъ, труды, борьба, пережитые имъ, все это не важно, все дѣло въ прогрессѣ понятія, а не въ счастіи или несчастіи людей.

Всѣ эти теоріи, безъ сомнѣнія, односторонни. Недѣлимый разумъ Декарта только тогда можетъ вести человѣчество непогрѣшимымъ путемъ, если онъ—разумъ абсолютный. Таковымъ называетъ его Боссюэтъ. Однако то обстоятельство, что движеніе человѣчества иногда направляется по довольно мутному руслу, доказываетъ, что не одно Провидѣніе управляетъ его движеніемъ. У Гердера странствуетъ не человѣчество, а культура, но культура сама по себѣ, внѣ человѣчества, есть ничто, у Гегеля развитіе человѣчества есть развитіе абсолютнаго Духа, но существующему отъ вѣка абсолютному Духу уже давно бы было пора развиться, не прибѣгая для этого къ помощи бѣдныхъ и слабыхъ людей. Всѣ эти теоріи исходятъ изъ того вѣрнаго факта, что человѣчество съ самаго начала своего существованія все идетъ и идетъ впередъ. Этотъ фактъ должно считать твердо установленнымъ. Теперь несомнѣнно, что культура охватываетъ все большій и большій кругъ человѣчества и поднимается все на высшія и высшія ступени. Современная культура можетъ погибнуть только со всѣмъ человѣчествомъ вмѣстѣ, не можетъ повидимому она и задержаться въ своемъ развитіи, ибо прежде движеніе человѣчества впередъ совершалось случайно и наугадъ, теперь оно совершается постоянно по обдуманному и—вообще—несомнѣнно вѣрному плану. Человѣчество совершенствуется во всѣхъ отношеніяхъ: умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ. Мы признали въ человѣкѣ существованіе свободной воли, отсюда для насъ понятно, что и при повышеніи развитія могутъ появляться

новыя заблужденія и даже заблужденія грубыя. Что было бы непонятно, если бы допустить, что усовершеніе людей есть развитіе какого-то единого мистическаго человѣчества подъ воздѣйствіемъ божества, какъ это представляетъ Гердеръ, или что это развитіе есть развитіе абсолютнаго Духа, какъ это предполагаетъ Гегель. Нѣтъ, это усовершеніе человѣчества есть усовершеніе людей, его составляющихъ, и такъ какъ анализъ душевныхъ способностей человѣка показываетъ намъ, что человѣчество скорѣе можетъ желать только усовершенія, чѣмъ усовершаться собственными силами, то мы должны предположить, что это усовершеніе производится подъ воздѣйствіемъ высшаго абсолютнаго Разума, управляющаго жизнью вселенной. Мы говоримъ, что люди могутъ только желать усовершенія, но не усовершаться. Это требуетъ разъясненія. Припомнимъ, какъ совершаются открытія, какъ сами мы рѣшали какія либо задачи, вопросы и недоумѣнія. Развѣ отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ не являлся для насъ нѣкоторымъ видомъ внезапнаго озаренія. Путемъ послѣдовательнаго мышленія можно вывести заключеніе въ силлогизмѣ или рѣшить составленное уравненіе въ алгебрѣ, но для того, чтобы найти посылки или нужные элементы для рѣшенія задачи всегда требуется нѣкоторое откровеніе. Это въ области умственной. То же самое мы видимъ и въ сферѣ нравственной. Развѣ лишь только кто захочетъ стать добрымъ или захочетъ перестать питать на кого-либо злобу, развѣ сейчасъ же его сердце исполняется благими помышленіями? Нѣтъ, мирное настроеніе нашего духа зависитъ не отъ насъ. „О, Боже! миръ пошли его душѣ мятущейся и бурной“, говоритъ Офелія о Гамлетѣ. Миръ душѣ посылается свыше. Какъ научныя открытія представляются какъ бы дѣломъ откровенія, то произведенія художественнаго творчества всегда представлялись дѣломъ божественнаго вдохновенія. Когда поэтъ „и звуковъ смитенья полнъ“ беретъ за перо и пишетъ намъ Фауста, когда Фидій своимъ рѣзцомъ вырѣзывалъ Юпитера, и когда Моцартъ составлялъ ноты для своего Донъ Жуана, развѣ ихъ состояніе было нормальнымъ состояніемъ людей, дѣлающихъ арифметическія выкладки или пишущихъ канцелярскія бума-

ги? Нѣтъ, они должны были чувствовать необычайный подъемъ духа, ихъ взорамъ предносились необычайные образы и они, подавляемые силою охватившаго ихъ вдохновенія, брались—кто за перо, кто за рѣзецъ, кто за ноты. Человѣчество по пути усовершенія ведутъ впередъ гении. Говорятъ, что они посылаются человѣчеству свыше, чтобы „не заглохла нива жизни“. Въ этихъ поэтическихъ выраженіяхъ есть много истины. Поскольку человѣчество желаетъ усовершенія и поскольку оно дѣлаетъ себя способнымъ къ нему, постольку это усовершеніе дается ему. Такъ, движеніе человѣчества впередъ совершается по нашему представленію подъ воздѣйствіемъ двухъ факторовъ—свободной воли людей и Высшаго Разума. Исторія человѣчества показываетъ намъ, что человѣчество направляется къ какой то высшей цѣли. Это должно ободрять каждаго въ его дѣятельности. Въ основѣ дѣятельности каждаго лежитъ сознательное или несознательное предположеніе ея разумности и цѣлесообразности. Но наши дѣйствія на самомъ дѣлѣ будутъ разумны и цѣлесообразны лишь тогда, когда окажется, что разумна и цѣлесообразна жизнь всего человѣчества. Изъ этого предположенія мы исходимъ въ своихъ дѣйствіяхъ и теперь видимъ, что это предположеніе оправдывается для насъ и исторіей развитія нашего собственнаго духа. Нашъ личный духъ развивается также, какъ и все человѣчество. Когда мы рождаемся, нашъ духъ является совершенно безсодержательнымъ и чѣмъ-то неопредѣленнымъ, ибо сознание своего „я“ отсутствуетъ, затѣмъ онъ постепенно наполняется содержаніемъ и пріобрѣтаетъ опредѣленность (сознание своего „я“). Содержаніемъ духа являются его знанія, его настроенность и его стремленія. Въ области расширенія познаній духъ прогрессируетъ съ перваго момента своего существованія и до конца своего земнаго бытія. Иногда, повидимому, это бываетъ не такъ. Человѣкъ забываетъ то, чему его учили, его способность соображенія и его память слабѣютъ. Но это только повидимому. Психологія, какъ мы уже говорили, учитъ насъ, что ничто изъ души не можетъ исчезнуть безслѣдно и что при благопріятныхъ условіяхъ все, воспринятое нѣкогда душою, можетъ сдѣлаться свободнымъ ея достояніемъ. Что

касается до настроенности духа, то здѣсь жизнь духа можетъ состоять и не въ усовершеніи, но въ ухудшеніи. Усовершеніе здѣсь должно состоять въ томъ, что человѣкъ будетъ приобрѣтать себѣ все болѣе и болѣе добрыя чувства, но мы знаемъ, что иногда сердце человѣка, чѣмъ болѣе онъ живетъ, тѣмъ болѣе ожесточается, какъ ожесточалось нѣкогда сердце Фараона при Моисеѣ. Однако и при такихъ условіяхъ, кажется, способность различать доброе и злое должна усиливаться. Наконецъ, въ области эстетической человѣкъ обыкновенно прогрессируетъ всю жизнь. И если иногда говорятъ, что вкусъ такого-то испортился или способность оцѣнивать прекрасное ослабѣла, то это пониженіе эстетическаго вкуса является столь же кажущимся, какъ кажущимся является забвеніе душою того или другого факта. Такимъ образомъ духъ, мы видимъ, тоже все стремится къ большему и большему совершенству, какъ къ тому же стремится и человѣчество и повидимому вся природа.

Итакъ, все стремится къ высшему: и природа, и человѣкъ, и человѣчество. Это высшее есть истина, добро и красота. Всякое не удовлетворенное стремленіе есть признакъ дефекта, недостатка бытія. Поэтому такія стремленія не могутъ быть присущи Абсолютному и не могутъ быть проявленіемъ Абсолютнаго. Абсолютное есть полнота бытія, ибо Абсолютное безконечно, поэтому Ему присуще свойство самоудовлетворительности. Но наше бытіе являетъ въ себѣ признаки того, что оно еще не достигло того, чего желало достигнуть. Отсюда нашъ выводъ, что оно не есть бытіе безконечное. Но оно не можетъ быть и вѣчнымъ, ибо мы видимъ, что оно, т. е., наша вселенная еще развивается. Если бы конечная вселенная развивалась отъ вѣка, то она давно достигла бы предѣльнаго пункта развитія и остановилась бы на немъ. Но мы этого не видимъ: человѣчество XVII-го в. по своему развитію стояло ниже человѣчества XIX в., значить, еще въ XVII в. вселенная не успѣла достигнуть возможной для нея степени совершенства, если даже допустить—чего въ сущности допустить тоже мы не имѣемъ основаній,—что она теперь достигла предѣльнаго пункта развитія и на немъ остановится.

Противъ нашихъ соображеній выставляють слѣдующія возраженія: Вселенная, говорятъ, безконечна и вѣчна, она всегда одна и та же, въ ней не происходитъ ни прогресса, ни регресса, но въ отдѣльныхъ пунктахъ ея происходитъ то развитіе, то разрушеніе, прогрессивному движенію жизни на однихъ тѣлахъ вселенной эквивалентны регрессивныя теченія на другихъ. Т. е., по этой теоріи въ однихъ пунктахъ міра происходитъ бессмысленный прогрессъ, въ другихъ бессмысленный регрессъ. Ученые—и такихъ ученыхъ очень много—такъ представляющіе міровую жизнь вселенной, намъ кажется, могли бы очень удобно представить ее символически такимъ образомъ. Какойнибудь ученый взялъ бы двѣ бочки равныя по вмѣстимости и затѣмъ налилъ бы одну изъ нихъ доверху водой, потомъ онъ сталъ бы медленно переливать воду изъ полной бочки въ пустую. Когда бывшая прежде полною бочка, назовемъ ее первою, станетъ пустою, а бывшая пустой, назовемъ ее второю, станетъ полною, онъ будетъ переливать изъ второй бочки въ первую, затѣмъ опять изъ первой во вторую и т. д. до безконечности. Это бессмысленное переливаніе явится прекраснымъ символомъ бессмысленности процесса міровой жизни. Нѣтъ, не будемъ думать этого: оно явится только символомъ бессмысленнаго пониманія процесса міровой жизни, а не бессмысленности процесса. Если какойнибудь человѣкъ начнетъ объяснять намъ устройство какой-либо машины и изъ его объясненія выйдетъ, что назначеніе этой машины бессмысленно, то на дѣлѣ не всегда оказывается справедливымъ прилагать подобную рекомендацію къ рекомендуемой машинѣ, иногда согласіе съ истиной будетъ приложить ее къ рекомендующему лицу. Это самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ сужденіямъ о мірѣ. Процессъ міровой жизни въ общемъ намъ представляютъ бессмысленнымъ, но процессъ міровой жизни въ томъ уголкѣ, называемомъ землею, который одинъ только и извѣстенъ этимъ строгимъ судьямъ вселенной, вовсе не являетъ признаковъ бессмысленности. Напротивъ, какъ было нами показано, этотъ процессъ есть процессъ совершенствованія, сама неодушевленная природа въ немъ какъ бы стремится къ эстетическому совершенствованію, а разумныя твари къ совер-

шенствованію эстетическому, нравственному и умственному. Что происходитъ въ другихъ пунктахъ вселенной, этого на самомъ дѣлѣ никто не знаетъ, поэтому оставимъ таковыя пункты пока въ покоѣ и будемъ въ нашемъ разсужденіи лишь основываться на томъ, что намъ извѣстно. Мы видимъ, что въ извѣстномъ намъ мірѣ теченіе жизни управляется принципомъ совершенствованія. Но случай, какъ было показано, не могъ создать этого принципа. Изъ возникавшихъ всевозможныхъ комбинацій матеріи случай содѣйствовалъ бы сохраненію и умноженію лишь наиболѣе устойчивыхъ. Но прекрасное и устойчивое—два совершенно различныхъ понятія. Затѣмъ, какимъ образомъ случай могъ бы содѣйствовать умноженію элемента разумнаго въ нашемъ мірѣ? Какимъ образомъ могъ бы появиться разумъ—хотя бы въ самомъ зачаточномъ видѣ, ну хотя бы въ томъ, въ какомъ онъ просвѣчиваетъ въ глазахъ слона или собаки, еслибы сначала его совсѣмъ не было? Изъ ста нулей нельзя образовать самой маленькой дроби, изъ неразумія нельзя произвести разума. И если въ загадкѣ ветхозавѣтнаго силача нѣкогда „изъ ядущаго вышло ядомое и изъ сильнаго вышло сладкое“, то во всякомъ случаѣ изъ глупаго никогда не получится премудраго, и пустота сама собою никогда не превратится въ полноту. Безпричиннаго появленія разума мы допустить не можемъ, всякую силу лишь можетъ произвести сила и силу разума можетъ произвести лишь разумъ. Здѣсь могутъ сказать, что разумъ и присущъ природѣ отъ вѣчности, и что разумные люди суть проявленіе этого вѣчнаго разума природы. На это должно сказать слѣдующее. По этой теоріи общій разумъ природы, конечно, неизмѣримо выше разума каждаго отдѣльнаго человѣческаго лица, а при сдѣланномъ предположеніи безконечности природы должно признать, что этотъ разумъ въ безконечное число разъ больше разума каждаго изъ людей. Зачѣмъ же этотъ безконечный разумъ, спросимъ мы, размѣнялся на такое мелочное малоуміе? Зачѣмъ этотъ разумъ, внушивъ каждому индивидууму стремленіе къ усовершенствованію (оказывающемуся безцѣльнымъ), самъ дробится во вселенной такъ, что теряетъ свою безконечность и совершенство, которыми владѣлъ изначала, и такимъ образомъ въ своей соб-

ственной жизни является примѣръ самаго грубаго и печальнаго регрессивнаго движенія? Всѣ эти „зачѣмъ“, скажемъ мы, порождены лишь нелѣпнымъ предположеніемъ о безконечности природы и о присущемъ ей безконечномъ разумѣ. Чтобы избѣжать нелѣпныхъ выводовъ, мы должны отвергнуть теорію круговорота жизни во вселенной, теорію, по которой выходитъ, что въ то время, какъ въ одномъ мѣстѣ вселенной свѣтъ разума усиливается, въ другомъ онъ въ соотвѣтственной степени ослабѣваетъ, мы должны принять теорію прогрессивнаго развитія вселенной. Изъ этого слѣдуетъ, что вселенная не безконечна и не вѣчна, не безконечна, ибо безконечному некуда прогрессировать, и не вѣчна, ибо конечное, начавъ отъ вѣчности развиваться, давно должно было окончить процессъ своего развитія, но мы видимъ на нашей землѣ, что развитіе это достигло еще далеко не высокой степени. Изъ того, что вселенная не безконечна и не вѣчна, мы выводимъ, что она и не самобытна.

На самомъ дѣлѣ, жизнь во вселенной должна была начаться съ какого-либо момента. Это начало должно было имѣть для себя причину. Долженъ былъ явиться перводвижитель Аристотеля (*πρώτου κινήου*), который положилъ бы начало измѣненіямъ міра. Могутъ сказать, что вселенная существовала и раньше, но пребывала въ покоѣ, и лишь съ извѣстнаго момента началась въ ней жизнь. Тогда возникаетъ вопросъ: почему именно съ такого-то момента началась жизнь, а не прежде и не послѣ. Вѣдь, если вселенная, какъ мы вывели, пребывала въ покоѣ, то, значить, условія предшествовавшія данному моменту были тождественны съ тѣми, которыя существовали за сотню или за тысячу лѣтъ доэтого. Почему же жизнь во вселенной не явилась тогда, а если она не явилась тогда, то при отсутствіи перемѣнъ она не могла явиться и послѣ. Для начала жизни во вселенной должна быть причина, эта причина находится не въ самой вселенной, но внѣ ея, она трансцендентна по отношенію къ міру. Эта причина есть Богъ. Однако еще въ древности говорили, что хотя Богъ есть причина жизни міра, Онъ не есть причина бытія міра. Безжизненная матерія, бытіе бездѣйствованія существовало отъ вѣка. Въ древности было позволительно разсуждать такъ и

нельзя удивляться, что не только въ до-христіанской философіи, но и въ философіи христіанской эры бытіе міра представлялось совѣчнымъ міру, и независимымъ отъ Бога. Въ ученіи александрійскихъ гностическихъ сектъ мы находимъ вѣчную пассивную матерію, преобразуемую въ міръ Диміургомъ. Въ философіи Плотина трудно понять, признаетъ ли онъ существованіе матеріи вѣчнымъ или видитъ въ ней эманацию Божества. Но теперь во всякомъ случаѣ нельзя допускать ни неясности Плотина, ни ученія гностическихъ сектъ. Бытіе есть дѣйствованіе. То, что не дѣйствуетъ, не существуетъ. Почитаемъ характеристики недѣйствующаго бытія, оно представляется только какъ совокупность какихъ либо формъ, ибо содержаніе есть дѣйствованіе. Намъ могутъ сказать, что бытіе ранѣе, чѣмъ пришло въ движеніе, имѣло форму шара, но не могутъ сказать, чтобы оно имѣло тяжесть, цвѣтъ, непроницаемость или что иное, ибо и тяжесть, и цвѣтъ, и непроницаемость суть обнаруженіе дѣйствующихъ силъ. Могутъ сказать, что силы пребыли въ равновѣсіи и по этому не обнаруживались, но Диміуръ вывелъ ихъ изъ равновѣсія, и въ мірѣ началась жизнь. Но во 1) для того, чтобы въ мірѣ произвести нарушеніе равновѣсія, слѣдствіемъ чего явился бы настоящій міръ со всѣмъ разнообразіемъ въ немъ существующаго, нужно создать такое же количество силъ, какое обнаруживается въ этомъ мірѣ. Но въ такомъ случаѣ естественнѣе предположить, что міръ явился результатомъ этого непосредственнаго творенія, чѣмъ творенія воздѣйствовавшаго (безъ всякой выгоды для сотвореннаго) на какое-то мертвое бытіе. Во 2) предположеніе, что силы или принципы дѣйствованія были заложены во вселенной отъ вѣка, влечетъ за собою тотъ выводъ, что и принципъ совершенствованія, начало разумности пребывали во вселенной отъ вѣка. Но мы показали, что этого допустить нельзя. Нельзя допустить, что какая то разумность—во всякомъ случаѣ очень высокая, судя по ея обнаруженіямъ въ мірѣ—вѣчно существовала безъ причины и вѣчно, будучи очень высокою, была равна нулю. Если же нельзя допустить этого, если нельзя принять, что жизнь во вселенной текла вѣчно,

или что, по крайней мѣрѣ, хотя и безжизненная вселенная существовала отъ вѣка, то остается принять одно, что вселенная со всѣми присущими ей силами, принципами и субстанціями была нѣкогда сотворена Богомъ.

Вопросъ о томъ, возможно ли мыслить актъ творенія, не заключаетъ ли ученіе о немъ въ себѣ несообразности, былъ предметомъ нашего обсужденія при разсужденіи о видимомъ мірѣ, какъ началѣ, предполагающемъ невидимаго Творца. Вопросъ о томъ, какими свойствами долженъ обладать Творецъ, создавшій тварей съ такими высокими стремленіями, долженъ получить тотъ же отвѣтъ, какой былъ данъ относительно свойствъ Творца, при разсужденіи о человѣческомъ духѣ, какъ свидѣтельствуемъ о существованіи абсолютнаго Духа. Поэтому ни о принципиальной возможности творенія, ни о свойствахъ Творца мы говорить болѣе не будемъ. Но констатированный нами фактъ телеологическаго процесса въ природѣ вызываетъ рядъ новыхъ вопросовъ, отвѣтомъ на которыхъ мы теперь и остановимся.

Первый изъ этихъ вопросовъ, естественно вызываемый признаніемъ факта, что бытіе міра имѣетъ цѣль, есть тотъ: какова эта цѣль? Къ какой цѣли направляется міръ, къ чему стремится человѣчество? Этотъ вопросъ долженъ быть суженъ. То, что не имѣетъ жизни въ себѣ, не можетъ имѣть цѣлью само себя. Оно можетъ существовать лишь для другихъ. Поэтому относительно минеральной природы и царства растительнаго мы должны предположить, что они существуютъ для блага высшихъ тварей, а не для себя сами. Что касается до животныхъ, то насколько мы можемъ судить о нихъ, мы видимъ, что процессъ ихъ жизни не есть процессъ усовершенствованія, ихъ духовный кругозоръ не расширяется по мѣрѣ умноженія ихъ лѣтъ (у нихъ лишь умножается опытъ), никакихъ слѣдовъ духовнаго преуспѣянія мы въ нихъ не открываемъ. Отсюда мы дѣлаемъ выводъ, что и животныя не имѣютъ цѣли въ себѣ, что и они существуютъ для того, чтобы содѣйствовать такъ или иначе другимъ въ достиженіи ихъ цѣлей, а не для того, чтобы самимъ добиваться чего-то высшаго. Въ теченіе вѣковъ природа мѣняла и мѣняетъ свой видъ, од-

ни роды растеній смѣнялись и смѣняются другими, высшія животныя формы вытѣсняли и вытѣсняють низшія, и все это не ради себя, а ради кого-то иного. Ради человѣчества. Человѣчество, какъ это мы выяснили, стремится къ совершенствованію какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и въ индивидуумахъ, оно стремится къ истинѣ, добру и красотѣ. Мы говоримъ: оно стремится къ совершенствованію въ цѣломъ: люди XIX-го в., мы видимъ, стоятъ выше людей XVIII в. Оно стремится къ совершенствованію въ индивидуумахъ: человѣкъ, чѣмъ болѣе живетъ, тѣмъ болѣе развивается. Эти два вида совершенствованія должно различать. Въ цѣломъ и природа стремится къ совершенствованію. Геологія показала намъ, что по мѣрѣ того, какъ однѣ эпохи смѣнялись другими, природа съ своими животными и растеніями становилась все величественнѣе, прекраснѣе и разнообразнѣе. Но то обстоятельство, что въ природѣ жизнь индивидуумовъ не представляетъ процесса усовершенствованія, заставляетъ насъ отрицать личную цѣль въ бытіи индивидуумовъ, а отсюда и собственную цѣль въ бытіи природы. У человѣчества кромѣ усовершенствованія въ цѣломъ происходитъ усовершенствованіе индивидуумовъ. Каждое лицо чувствуетъ заложенное въ его душу стремленіе становится совершеннѣе и совершеннѣе. Значитъ, къ той же цѣли, къ какой направляется человѣчество, направляется и каждый человѣкъ въ отдѣльности. Удовлетворяемое стремленіе къ усовершенствованію даетъ счастье. Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ: „познаете истину, и истина освободитъ васъ свободными“ (Ев. Іоан. VIII, 32). Истина освобождаетъ человѣка отъ власти предразсудковъ и заблужденій, истина освѣщаетъ человѣку существующее. И человѣкъ любитъ этотъ свѣтъ истины независимо ни отъ какихъ практическихъ цѣлей и потому стремится все болѣе и болѣе приближаться къ истинѣ. Человѣкъ стремится къ добру и чувствуетъ, что онъ долженъ стремиться стать добрымъ, долженъ полюбить другихъ. Любовь это есть такая настроенность души, которая вызываетъ стремленіе служить благу любимыхъ существъ и пребывать съ ними въ тѣснѣйшемъ единеніи. Удовлетворяемая любовь, какъ и удовлетворяемое стремленіе

къ истинѣ, даетъ человѣку счастье. Пониманіе красоты доставляетъ человѣку при созерцаніи прекраснаго высокое наслажденіе. Такимъ образомъ удовлетвореніе человѣкомъ его стремленія къ усовершенствованію даетъ ему счастье и чѣмъ болѣе достигаетъ онъ усовершенія, тѣмъ выше его счастье. Но мы выяснимъ для себя, что Богъ есть высшая истина, высшее добро и высшая красота, слѣдовательно, чѣмъ болѣе человѣкъ приближается къ Богу, тѣмъ болѣе онъ счастливъ. Богъ однако, будучи недалеко отъ каждаго изъ насъ, не открывается непосредственно людямъ, поэтому приближеніе къ Богу, какъ истинѣ, естественнымъ путемъ совершается прежде всего чрезъ самопознаніе и познаніе природы; приближеніе къ Богу, какъ добру, совершается прежде всего чрезъ возбужденіе въ себѣ любви къ ближнимъ. Вотъ почему и говорилъ св. ап. Іоаннъ Богословъ: „Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ“ (I Посл. Іоан. IV, 20). Человѣку присуще стремленіе не просто любить все сотворенное, но болѣе любить болѣе совершенное и менѣе любить менѣе совершенное, вотъ почему наибольшее удовлетвореніе человѣкъ долженъ найти для себя въ любви къ Богу, но воспитать и развить въ себѣ эту любовь онъ можетъ, лишь возгрѣвъ предварительно въ своемъ сердцѣ любовь къ тѣмъ, которые ближе къ нему и болѣе доступны его пониманію. Точно также и изъ различныхъ видовъ красоты человѣку доставляетъ наслажденіе созерцаніе наиболѣе совершенныхъ и поэтому награда обѣщанная чистымъ сердцемъ и состоящая въ томъ, что они узрятъ Бога (Мѡ. V, 8), представляется человѣку особенно высокою. Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ ясно, къ какой цѣли направляется человѣкъ и человѣчество въ своей дѣятельности—къ тѣснѣйшему единенію съ Богомъ и тѣмъ, что изъ сотвореннаго близко къ Богу. Такое тѣснѣйшее единеніе съ Богомъ и съ тѣми, кто угоденъ Богу, и съ тѣмъ, что угодно Богу, и даетъ человѣку блаженство. Таковъ тотъ конечный пунктъ, къ которому направляется совершенствующійся человѣкъ.

Такъ рѣшенный первый вопросъ относительно цѣли телео-

логическаго процесса влечетъ за собою другой вопросъ: для чего нужно осуществленіе этого телеологическаго процесса? Богъ, какъ Всемогуцій, могъ бы непосредственно создать тотъ блаженный результатъ, стремленіе къ которому вложено въ душу человѣка, но двигаться по направленію къ которому очень нелегко. „Царство небесное силою берется“ (Мѡ. XI, 12), сказалъ Христосъ. И мы видимъ, что люди направляются къ нему медленными и извилистыми путями. Мало этого, мы видимъ, что многіе двигаются по направленію прямо противоположному тому, которое ведетъ къ нему. Намъ говорятъ, что для таковыхъ небо и остается закрытымъ навсегда. Зачѣмъ это, почему это? Многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе Божіе“. Почему необходимы эти скорби и—что еще прискорбнѣе—почему иногда и послѣ скорбей терпѣвшимъ не суждено будетъ узрѣть небо? Какой отвѣтъ дадимъ мы на этотъ вопросъ, ясно изъ предыдущаго. Не скорби необходимы для достиженія блаженства, но истиннымъ блаженствомъ можетъ быть лишь то, которое достигнуто будетъ свободно. Свобода есть одинъ изъ величайшихъ, если не самый величайшій даръ, данный человѣку Богомъ. Сознать себя свободнымъ значитъ уже въ нѣкоторой степени сознавать себя счастливымъ. Чѣмъ болѣе мы чувствуемъ себя свободными, тѣмъ болѣе мы счастливы. Участь раба представляется намъ презрѣнною и жалкою и недостойною человѣка, именно потому что человѣкъ, не имѣющій свободы, представляется намъ неполнымъ человѣкомъ. Часто поэты и мыслители проводили параллель между могущественными государями и бѣдными дѣтьми полей, ставя вопросъ, на первый разъ представляющійся страннымъ: кто изъ нихъ счастливѣе? Монархъ, видящій у ногъ своихъ милліоны подданныхъ, сознающій, что онъ можетъ привести къ подчиненію и сосѣднія державы, окруженный блескомъ и роскошью, отъ которыхъ ослѣпляются глаза у непривычныхъ людей, и какой нибудь пушкинскій цыганъ, слушающій на зарѣ въ степи пѣсню соловья и не знающій, что онъ будетъ ѣсть въ полдень. Какое здѣсь сравненіе? А между тѣмъ присмотримся повнимательнѣе и мы увидимъ, что сравненіе возможно, и что выгоды вовсе не на

сторонѣ перваго положенія. Монархъ связанъ въ своемъ поведеніи тягостными условіями этикета, его жизнь почти не принадлежитъ ему и еслибы онъ захотѣлъ подобно, цыгану, послушать наединѣ въ степи пѣсню птички, легко могло бы оказаться, что то, что возможно бездомному бѣдняку, невозможно для могущественнаго монарха. И сознавать это тяжело. Лучше ходить въ рубищѣ, чѣмъ носить на рукахъ золотыя цѣпи. Но главныя стѣсненія свободы даются не отъ внѣ, создаются не общественнымъ положеніемъ, но полагаются самою природою человѣка. Государь посвящающій себя всецѣло на служеніе благу подданныхъ, чувствуетъ себя счастливымъ, видя ихъ благополучія. Для человѣка дорого сознавать себя нравственно свободнымъ. Заключение въ темницу св. ап. Павелъ безъ сомнѣнія чувствовалъ себя болѣе свободнымъ чѣмъ какой-нибудь римскій кесарь—рабъ своихъ страстей и пороковъ. Развитие въ себѣ нравственной свободы и есть путь къ блаженству. Сознаніе отсутствія этой свободы или по крайней мѣрѣ ея недостатковъ есть источникъ мученій. Припомнимъ разсужденія великаго ап. Павла. „Не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... А потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, во плоти моей доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу; уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Итакъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. „Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (Рим. VII, 15, 17—24). Сознаніе зависимости горькое и обидное сознаніе. И оно горько и обидно не только тогда, когда вслѣдствіе этой зависимости мы не направляемся къ благовому, но и тогда, когда насъ насильно ведутъ ко благу.

Но если сознавать себя не свободнымъ значитъ сознавать

себя несчастнымъ, то, напротивъ, сознавать себя свободно усовершенствующимся и развивающимся дорого для человѣка. Когда подвижникъ оглядывается назадъ на пройденный имъ путь скорбей и испытаній, развѣ онъ сожалѣетъ о томъ, что ему пришлось претерпѣть такъ много? Развѣ каждая побѣда духа надъ плотью не радовала его въ свое время? И развѣ онъ былъ бы счастливѣе, если бы онъ прямо былъ созданъ съ тою степенью праведности, которую приобрѣлъ цѣною великихъ трудовъ и усилій? Нѣтъ, онъ былъ бы менѣе счастливъ, если бы только былъ счастливъ. Свобода есть нѣчто творческое. Благодаря свободѣ, человѣкъ, такъ сказать, самъ создаетъ самого себя, создаетъ содержаніе своего духа. Процессъ духовнаго развитія есть въ нѣкоторой мѣрѣ процессъ самосозданія. Душа человѣка вначалѣ своего существованія, какъ мы уже говорили, является почти совершенно безсодержательною и неопредѣленною, внѣшній міръ воздѣйствуя на нее, не даетъ ей прямо содержанія, а лишь матеріалъ для содержанія, который она обрабатываетъ сама. Получаемыя впечатлѣнія отъ внѣшняго міра душа воспринимаетъ не пассивно, но реагируетъ на нихъ. Конечно, свобода души человѣческой, какъ ограниченной, условна и имѣетъ тѣсныя предѣлы, но за всѣмъ тѣмъ она существуетъ: человѣкъ можетъ идти и къ Богу и отъ Бога. Богъ для блага человѣка желаетъ, чтобы человѣкъ шелъ къ Нему, и человѣкъ, когда направляется къ Богу, хотя и идетъ направляемый и поддерживаемый свыше, однако идетъ свободно и если онъ не захочетъ идти, движеніе прекратится. Созданіе автоматовъ, сознающихъ себя блаженными, было бы недостойно Бога. На самомъ дѣлѣ такія сознанія заключали бы сами въ себѣ внутреннюю ложь. Каждое изъ нихъ признавало бы себя, свое „я“ блаженнымъ, но что такое „я“ этихъ созданій? Чистая фикція, они начинены содержаніемъ отъ вѣ, ихъ мысли, настроенность, стремленія вложены въ нихъ такъ же, какъ мы вкладываемъ вещи въ сундуки, у нихъ нѣтъ ничего, и когда такое созданіе скажетъ: я желаю или я рѣшаюсь, то оно произнесетъ грубую ложь.

Если свобода такимъ образомъ, съ одной стороны обуславливаетъ возможность истиннаго блаженства, то съ другой—

это должно признать—она обуславливаетъ печальный фактъ мученій. Избирая вмѣсто добраго злое, человекъ отдаляется отъ Бога, вступаетъ въ дисгармонію съ міромъ и испытываетъ страданія. Мы знаемъ, что уже первый человекъ зашелъ очень далеко въ этомъ направленіи, а первый сынъ перваго человека совсѣмъ ушелъ отъ лица Господня. Мы видимъ зло широко распространившееся въ мірѣ и то, что ветхозавѣтный пророкъ видѣлъ написаннымъ въ свиткѣ объ Израилѣ: „плачь, и стонъ, и горе“ (Иезек. 1, 10), можно примѣнить къ исторіи всего человечества. Для чего же всеблагой Богъ, спрашивали и спрашиваютъ многіе съ дерзновеніемъ, попускаетъ разливаться страданіямъ въ мірѣ такой широкой волной? И если всемогущій Богъ создалъ людей такъ, что ихъ блаженство обуславливается сознаніемъ ими своей свободы, то вмѣстѣ съ тѣмъ не заградилъ ли Онъ въ значительной мѣрѣ тѣмъ самымъ путь къ достиженію блаженства многимъ? Затѣмъ и еще вопросъ: возможно ли будетъ блаженство для однихъ, когда страдаютъ другіе. Блаженными, вѣдь, должны быть тѣ, которые любятъ всѣхъ, какъ братьевъ, которые, значитъ, любятъ и грѣшниковъ. Но если братъ мой будетъ страдать, могу ли я чувствовать себя счастливымъ? Конечно, нѣтъ. Итакъ, говорятъ, цѣль бытія—блаженство тварей не можетъ быть достигнуто, а мученія существуютъ и будутъ существовать. Какъ же могъ Всеблагой и Премудрый Богъ такъ устроить міръ, что вмѣсто преобладанія и торжества добра надъ зломъ, въ немъ въ концѣ концовъ оказывается торжество зла надъ добромъ? Эти вопросы издавна занимали человечество. Нѣкоторые учителя и св. отцы, исходя изъ изложенныхъ недоумѣній, полагали, что зло и мученія не могутъ быть вѣчными, что когда нибудь должно произойти возстаніе и соединеніе всѣхъ въ Богѣ (апокастасисъ). Пытались находить тексты для подтвержденія этой теоріи. „Будетъ Богъ всяческая во всѣхъ“. „О имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ“ (Филип. II, 10). Вотъ, говорили, что будетъ въ концѣ. Другой рядъ текстовъ, ясно говорящихъ о вѣчномъ отчужденіи грѣшниковъ отъ лица Господня и о ихъ вѣчныхъ мученіяхъ, истолковывали такъ, что ихъ нужно понимать не

буквально. Въ ученіи о вѣчныхъ мученіяхъ св. Григорій Нисскій видѣлъ хорошее педагогическое средство для того, чтобы обратить грѣшниковъ къ покаянію. И поэтому въ проповѣдяхъ св. отца мы находимъ, что онъ угрожаетъ своимъ слушателямъ вѣчными мученіями. Но находя это ученіе несогласнымъ съ всеблагостію Божіею, св. отецъ въ своихъ богословско-философскихъ трактатахъ отрицаетъ его и пытается обосновать теорію апокатастасиса. Но не трудно видѣть, что тексты, въ которыхъ пытаются находить для себя опору ученіе объ апокатастасисѣ, не даютъ для него этой опоры. Въ нихъ совсѣмъ не говорится о будущемъ блаженствѣ всѣхъ тварей. Съ другой стороны слова: „идутъ сіи въ муку вѣчную, а праведницы въ животъ вѣчный“ (Мѡ. XXV, 46) такъ ясны, что едва ли въ пониманіи ихъ возможно разногласіе. Теорія апокатастасиса пытается спасти всеблагость Божію на счетъ правды Божіей. Если Богъ имѣетъ всѣхъ привести въ рай, то зачѣмъ же слово Божіе говоритъ намъ объ адѣ? Богъ есть Истина, и въ Немъ нѣтъ никакой лжи, а по сему Онъ безусловно правдивъ и въ своихъ угрозахъ и своихъ обѣтованіяхъ. Изъ изложенной нами теоріи свободы, у созданныхъ тварей и слѣдуетъ, что Богъ не поведетъ насильно грѣшниковъ въ рай, и что многіе изъ нихъ сами своею волею оправдаютъ на себѣ божественныя угрозы о вѣчныхъ мученіяхъ. Есть одинъ благодетельный рассказъ, прекрасно иллюстрирующій это положеніе. Мы слышали его изъ устъ одного русскаго богослова. Св. Антоній Великій, подвизавшійся въ борьбѣ съ искушеніями діавола и побѣждавшій ихъ, однажды задумался о томъ, нельзя ли побѣдить не только искушенія, но и искушителя и вотъ— великій пустынникъ обратился къ діаволу съ проповѣдью покаянія. Діаволь, слушая наставленія отшельника, поручилъ ему спросить у Бога: проститъ ли Богъ его—діавола,—если онъ раскается? Св. Антоній обратился съ молитвеннымъ вопросомъ къ Богу и получилъ отвѣтъ: „прощу“. Великій подвижникъ съ радостію сообщаетъ этотъ отвѣтъ діаволу и что же? Раздается страшный, демоническій хохотъ. Вотъ отвѣтъ на призывъ къ покаянію! Если въ началѣ этого разсказа и можно усмотрѣть нѣкоторый оттѣнокъ того ученія, которое на-

зывается оригеновскимъ и которое состоитъ въ томъ, что дiаволь, если захочетъ, можетъ спастись, то его конецъ уничтожаетъ этотъ оттѣнокъ и утверждаетъ, что для дiавола, ожесточившагося и укрѣпившагося во злѣ—уже невозможно спасеніе.

Но однако какъ же можно примирить существованіе Всеблагаго Бога и блаженныхъ тварей съ одной стороны и существованіе тварей, изнывающихъ въ страшныхъ мученіяхъ—съ другой. Перечитаемъ у Данта его описаніе ада и представимъ, что съ какимъ нибудь новымъ Виргиліемъ мы совершили бы дѣйствительное путешествіе по аду и потомъ вознеслись бы на небо. Неужели вопли и стоны грѣшниковъ, услышанные въ преисподней, не отравили бы слышавшимъ ихъ навсегда небесное блаженство? Не представлялся ли многимъ Авраамъ въ причѣ о Лазарѣ слишкомъ равнодушнымъ къ судьбѣ нечестиваго страдающаго богача (Ев. Лук. XVI)? Мы думаемъ, что единственно истинные отвѣты на эти вопросы даются православымъ ученіемъ. Намъ вложено сознаніе, что мы должны любить не все въ тваряхъ, а лишь хорошія свойства тварей. Намъ заповѣдано любить враговъ нашихъ, благословлять проклинающихъ насъ, но намъ заповѣдано любить въ этихъ врагахъ не то, что въ нихъ есть дѣйствительно дурного, а ихъ высокое назначеніе, какъ существъ созданныхъ по образу Божию, и то, что въ нихъ есть соответствующаго этому назначенію. Наше чувство любви, правильно развиваемое и воспитываемое, должно обращаться лишь на хорошее и на то, что можетъ стать хорошимъ. Наша любовь должна быть болѣе сильна къ болѣе совершенному и менѣе сильна къ тому, что стоитъ на низшей степеніи совершенства. Небытія мы не можемъ ни любить, ни не любить, но зло—бытіе отрицательное, мы должны ненавидѣть. Вотъ почему, мы видимъ, зло заставляло возмущаться и негодовать и святыхъ и добродѣтельныхъ людей. Олицетворенное зло, зло живое, какое представляетъ собою дiаволь или ожесточенный грѣшникъ, точно также должно быть предметомъ только нашего отвращенія. Пока въ грѣшникѣ остается что-нибудь доброе, остается искра, которую можно возгрѣть, дотолѣ онъ долженъ быть предметомъ особенныхъ заботъ и попеченій. „Если кто видитъ брата своего со-

грѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, то есть, согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти“, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ (1 Посл. V, 16), и потомъ добавляетъ: „есть грѣхъ къ смерти: не о томъ говорю, чтобы онъ молился“. Человѣкъ можетъ воспитать въ себѣ такую злую настроенность, что зло сдѣлается единственнымъ содержаніемъ его духа. Существованіе этого человѣка для человѣчества является тѣмъ же, чѣмъ существованіе, напримѣръ, холеры, чумы, урагановъ, неурожаевъ и т. д. Онъ есть олицетворенная болѣзнь и зараза. И какъ мы не можемъ любить чахотки или гангрены, такъ мы не можемъ любить и такого человѣка. Зло само въ себѣ заключаетъ источникъ страданія. Развивающаяся озлобленность представляетъ собою видъ духовнаго самопожиранія. Но тотъ, кто, желая пожирать другихъ, будетъ пожирать самого себя, не можетъ вызвать ни въ комъ сочувствія. Развитіе человѣка, совершающееся вначалѣ извилистыми путями, въ концѣ концовъ должно принять одно опредѣленное направленіе—или къ добру или къ злу. Двигаясь по какому либо изъ этихъ двухъ направленій, человѣкъ или достигнетъ въ концѣ возможной для него степени нравственнаго совершенства, или дойдетъ до того, что все доброе исчезнетъ изъ его души, и онъ будетъ представлять собою то или другое количество зла. По закону развитія каждый изъ людей долженъ въ концѣ достигнуть или перваго или втораго состоянія. И часть человѣчества достигнетъ перваго, часть втораго. Намъ понятно теперь, почему между первой и второй частью будетъ существовать такая великая пропасть, о которой говорилъ Авраамъ нечестивому богачу. „Между нами и вами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ“ (Ев. Лук. XVI, 26). Добро и зло, смѣшеніе которыхъ представляетъ настоящій міръ, тогда раздѣляется между собою. Доброе представитъ собою особый міръ, каждый въ этомъ мірѣ будетъ чувствовать себя въ связи и общеніи со всѣмъ, что ему дорого и что онъ любитъ, каждый будетъ наслаждаться созерцаніемъ совершеннѣйшей красоты, общеніемъ въ любви и постиженіемъ истины и каждый будетъ блаженъ. Су-

ществованіе гдѣ-то внѣ этого блаженнаго царства, царства зла не можетъ набросить на него тѣни. Во 1) это зло будетъ безсильно. Во 2) жизнь этого зла будетъ стоять, такъ сказать, только въ самопожираниіи, которое не можетъ даже возбудить чувства жалости, ибо жалость можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ мы предполагаемъ гибель или порчу чего нибудь добраго. Существованіе этого зла не можетъ служить ограниченіемъ и для всемогущества и благодати Творца. Будучи благимъ, Богъ не восхотѣлъ создавать невольныхъ праведниковъ и по своему всемогуществу и всеблагодати создалъ свободныя твари, Онъ далъ имъ все для того, чтобы они пошли по блаженному пути, но они отвергли все это и пошли дорогою зла, пошли отъ Бога вмѣсто того, чтобы идти къ Богу. Сожалѣнія и скорби они не заслуживаютъ, но судьба ихъ назидательна.

Процессъ міровой жизни есть процессъ развитія добра и высвобожденія его изъ—подъ власти зла. Процессъ усовершенія умственнаго, нравственнаго и эстетическаго совершается и во всемъ мірѣ, и въ каждомъ индивидуумѣ. Но когда онъ заканчивается въ каждомъ изъ послѣднихъ—вмѣстѣ ли съ послѣднимъ вздохомъ ихъ на землѣ и съ послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ тѣла, или онъ продолжается и послѣ того, какъ духъ сбрасываетъ съ себя матеріальную оболочку тѣла и вступаетъ въ инныя нами непредставимыя условія существованія? Должно думать, что послѣднее. Изъ нашего ученія о душѣ, какъ недѣлимой и неразложимой единицѣ, слѣдуетъ, что душа, будучи зависима въ своемъ развитіи отъ тѣла, независима отъ него въ своемъ существованіи. Значитъ, душа существуетъ и послѣ смерти тѣла. Мы не имѣемъ никакихъ основаній отрицать, что она тогда можетъ продолжать дѣло своего усовершенія, хотя и не знаемъ—какъ? Отчасти мы можемъ немного догадываться объ этомъ и скажемъ объ этомъ немного ниже. Наше предположеніе о томъ, что душа должна продолжать свое усовершеніе и въ будущемъ мірѣ, основывается на томъ, что въ этомъ мірѣ душа не успѣваетъ достигнуть той степени развитія, къ которой она считаетъ себя способной. Это справедливо по отношенію къ тѣмъ, которые всю жизнь сознательно служатъ дѣлу этого развитія. Ученый,

всю жизнь искавшій истины, умирая чувствуетъ, что онъ могъ бы овладѣть ею и въ большей мѣрѣ, чѣмъ овладѣлъ. Монахъ, всю жизнь проведеншій въ высокихъ нравственныхъ подвигахъ, имѣющій желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, испытывая свое сердце, всегда находитъ, что оно могло бы быть еще чище и горѣть еще болѣе высокою любовію къ Богу и людямъ. Точно также художникъ, дающій намъ образцы прекраснаго, всегда умираетъ съ сознаниемъ, что можно дать болѣе высокое и прекрасное, чѣмъ далъ онъ. Люди обыкновенные еще болѣе должны чувствовать, что развитіе ихъ духа, задержанное мелкими тревогами и заботами жизни, далеко не доведено ими до кульминаціоннаго пункта. Но кромѣ того, сколько людей умираетъ, не достигнувъ того, что обыкновенно называется зрѣлостью. Умираютъ младенцы непосредственно послѣ рожденія, умираютъ дѣти, умираютъ юноши, отцвѣтая не успѣвши разцвѣсть. Мы не можемъ допустить, чтобы они явились въ вѣчность съ тѣмъ скуднымъ духовнымъ содержаніемъ, которое пріобрѣли на землѣ и потому мы предполагаемъ, что процессъ развитія ихъ духа долженъ будетъ совершаться тамъ, въ томъ мірѣ, который ожидаетъ всѣхъ насъ, какъ своихъ будущихъ членовъ. Апостоль утверждаетъ насъ въ этомъ предположеніи, говоря: „теперь мы видимъ, какъ бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу, теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познанъ (I Корин. XIII, 12). Итакъ, развитіе нашего духа будетъ совершаться и по ту сторону бытія. Остановимся на вопросѣ, какъ вообще совершается это развитіе, какіе факторы опредѣляютъ его. Это разсмотрѣніе, можетъ быть, прольетъ намъ немного свѣта и на вопросъ о развитіи духа въ мірѣ загробномъ и расширитъ составленное нами опредѣленіе Первопричины нашего бытія. Три фактора опредѣляютъ развитіе лица: 1) свободная воля лица, 2) воздѣйствіе на него другихъ лицъ, 3) воздѣйствіе Божественное. Прежде всего: свободная воля. Она, какъ мы опредѣлили, состоитъ въ томъ, что человѣкъ имѣетъ способность рѣшаться на тѣ или иныя дѣйствія независимо отъ мотивовъ. Но осуществленіе рѣшеній не находится во власти человѣка. „Еже хотѣти прилежитъ мнѣ, но еже дѣя-

ти не обрѣтаю“ (Рим. VII, 18). Человѣкъ постановляетъ рѣшеніе, что онъ долженъ возлюбить ближняго, какъ самого себя, но любовь не явится немедленно въ его сердцѣ. Въ дѣлѣ осуществленія рѣшеній человѣку или помогаютъ или препятствуютъ другіе люди. Мы уже говорили о фактѣ взаимодѣйствія одного духа на другой. Одно лицо можетъ внушать другому тѣ мысли, къ которымъ пришло само, передавать свою настроенность другому, возбуждать въ другомъ тѣ же стремленія, какія имѣетъ само. Таковъ психологическій фактъ. Этотъ фактъ взаимодѣйствія очень сложенъ. Во 1) хотя каждое лицо владѣетъ способностью вліять на другихъ, сила этой способности въ различныхъ лицахъ весьма различна, во 2) сила вліянія распадается на много спеціальныхъ видовъ. Такъ оказывается, что одно лицо можетъ сильно вліять на людей съ такими-то психическими качествами, другое—на лицо съ другими качествами, въ 3) человѣкъ обладаетъ способностію въ нѣкоторой мѣрѣ управлять присущей ему силой вліянія, онъ можетъ захотѣть воспользоваться этой силой по отношенію къ одному лицу и не пожелать воспользоваться ею по отношенію къ другому. Имѣя въ виду всѣ эти факты, мы прежде всего должны принять, что все человѣчество связано силою взаимнаго вліянія, какъ живущее, такъ уже и умершее, и, значитъ, и умершіе могутъ вліять на живыхъ, и живые не умершихъ. Этотъ психологическій законъ, который мы выводимъ изъ нашего ученія о душѣ и изъ многократно наблюдавшихся и тщательно изслѣдованныхъ фактовъ, приводитъ насъ къ заключенію, что мы можемъ быть полезны умершимъ, а умершіе полезны намъ. Православная церковь это и утверждаетъ, она учитъ, что мы можемъ молиться за усопшихъ, а усопшіе могутъ молиться за насъ. Протестантизмъ отвергъ это ученіе, онъ внесъ крайній индивидуализмъ въ ученіе о спасеніи, но этотъ индивидуализмъ протестантовъ противоестествененъ, имъ отрицается существованіе внутреннѣйшей тѣснѣйшей связи между людьми, но во 1) эта связь есть фактъ, констатированный психологіей, во 2) эта связь есть желательнѣйшій постулатъ для человѣчества, ибо счастье человѣка заключается въ тѣснѣйшемъ внутрен-

немъ единеніи съ любимыми существами. Царство Божіе можетъ содѣваться лишь общими усиліями, и потому и исторія міра въ будущемъ не безразлична для тѣхъ, которые жили въ прошедшемъ. Съ православной точки зрѣнія это очень понятно: когда мы умремъ, наши потомки или будутъ молиться о насъ или не будутъ. Для насъ лучше первое. Мы сказали немного выше, что отчасти можно догадываться, какъ можетъ происходить усовершеніе и развитіе духа у умершихъ. Теперь это можно разъяснить: посредствомъ молитвы живыхъ объ умершихъ. Молитва живыхъ, говоритъ намъ Церковь, улучшаетъ участь умершихъ. Улучшеніе участи умершихъ, конечно, обусловливается тѣмъ, что ихъ духъ становится лучше и чище, значить, совершеннѣе. Въ XVIII в. одинъ французскій король любилъ говорить: „послѣ насъ хотя потопъ“. Изъ изложеннаго мы видимъ, какъ неосновательно и поспѣшно было его изреченіе. Мы должны заботиться о томъ, что будетъ послѣ насъ на землѣ уже ради того, что будетъ съ нами на небѣ. Объ этомъ учитъ насъ св. ап. Павелъ: „Всѣ сіи свидѣтельствующіе въ вѣрѣ, говоритъ онъ о великихъ подвижникахъ вѣры, не получили обѣщаннаго. Потому что Богъ предусмотрѣлъ о насъ нѣчто лучшее, дабы они не безъ насъ достигли совершенства“ (Евр. XI, 39—40). Въ инстинктивной заботѣ людей о своихъ потомкахъ, намъ кажется, сказывается это темное чувство зависимости нашего блага отъ блага нашихъ послѣдующихъ поколѣній.

Воздѣйствіе однихъ людей на другихъ можетъ быть не только благодѣтельнымъ, но и злымъ. Свободная воля лица, принявшая злое направленіе, возбуждаетъ злыя стремленія и въ другихъ. Зло стремится развиваться и расти точно такъ же, какъ и добро. Но мы видимъ, что оно въ ходѣ міровой исторіи хотя и медленно однако непрестанно препобѣждается добромъ, Отсюда нашъ выводъ: Творецъ непрестанно охраняетъ насъ отъ зла и подаетъ средства для того, чтобы идти намъ по пути усовершенія въ добрѣ. Этотъ нашъ выводъ разъясняется православно-христіанскимъ ученіемъ о Богѣ Промыслителѣ, Освятителѣ и Искупителѣ. Оно говоритъ намъ, что Богъ создалъ міръ духовъ, который охраняетъ насъ во всѣхъ путяхъ

нашихъ, оно говоритъ намъ, что жаждущей мира душѣ Богъ и ниспосылаетъ таковой, освящая ее своею благодатию. Для препобѣжденія зла, разлившася въ человѣчествѣ и отдалившаго его отъ Бога, Богъ нисходитъ Самъ на землю и становится человѣкомъ, значитъ, приобщается къ человѣчеству, связывается съ нимъ тѣснѣйшею связью, измѣняетъ и возвышаетъ его природу. Въ стройной системѣ православно-христіанской догматики мы находимъ подробное ученіе о томъ, какъ устрояется и содѣвается наше спасеніе.

Къ этому ученію, видимъ мы, направляетъ изслѣдованіе міра и человѣка и міровыхъ и человѣческихъ судебъ—естественное богопозпаніе. Мы вышли изъ тѣхъ относительныхъ истинъ, которыя мы знаемъ о мірѣ, самихъ себѣ и о процессѣ личной и міровой жизни, чтобы приблизиться къ уразумѣнію и воспріятію вѣчныхъ истинъ о Творцѣ міра и насъ и о Водителѣ міровой жизни. Нашъ выводъ тотъ, что мы вышли отъ Бога и должны идти къ Богу и что, если мы будемъ осуществлять это должное, мы будемъ блаженны. Припомнимъ старое сравненіе этого движенія человѣчества къ Богу съ движеніемъ по радіусамъ къ центру. Представимъ себѣ кругъ. Въ центрѣ его находится Богъ. Изъ пункта далеко-далеко отстоящаго отъ этого центра люди направляются къ нему. Изъ другого подобнаго пункта, столь же далеко отстоящаго отъ центра и также далеко отстоящаго и отъ этихъ людей, кто либо другой тоже устремляется къ Богу, и что происходитъ? По мѣрѣ того, какъ первые и второй приближаются къ Богу, они сближаются болѣе и болѣе между собою. Чѣмъ ближе они къ центру, тѣмъ меньше разстоянія между ними. Такъ въ своемъ стремленіи къ единенію съ Богомъ люди вмѣстѣ стремятся къ единенію со всѣмъ, что есть лучшаго въ человѣчествѣ. Это блаженное единеніе есть цѣль всѣхъ стремленій человѣчества. О немъ молился Іисусъ въ Своей первосвященнической молитвѣ: „Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино“ (Ев. Іоан. XVII, 21).

Мысль о достиженіи блаженнаго удѣла двигаетъ впередъ человѣчество. Должны явиться новое небо и новая земля, на которыхъ будетъ обитать правда, и счастливыми гражданами

этого міра будутъ всѣ тѣ, которые стремились служить правдѣ и усердно искали ее здѣсь на настоящей землѣ. Эта мысль объ элизіумѣ, валгалѣ, волшебныхъ преріяхъ, блаженныхъ островахъ, ловѣ Авраамовомъ содержится во всѣхъ религіяхъ, но съ другой стороны, видно, человѣка въ его естественномъ состояніи подѣ вліяніемъ одностороннихъ наблюденій и различныхъ разочарованій нерѣдко охватывало сомнѣніе—точно ли существуетъ элизіумъ и точно ли бытіе по ту сторону гроба есть блаженное бытіе, а не какая-то жалкая тѣнь дѣйствительнаго существованія? Человѣкъ слишкомъ приникъ къ землѣ, и мысль о жизни въ какихъ-то новыхъ условіяхъ кажется ему странною и страшитъ его. Вотъ почему уже съ глубокой древности рядомъ съ сказаніемъ о будущей блаженной жизни за гробомъ слагались, противорѣчація этимъ сказаніямъ, представленія, что относительное счастье можетъ быть только здѣсь на настоящей землѣ, подѣ настоящимъ небомъ. Живому псу лучше, чѣмъ мертвому льву. Уже въ древней вавилонской поэмѣ—нисхождение въ адъ богини Истаръ—слышатся эти пессимистическія предположенія. Мы читаемъ ихъ у Гомера (посѣщеніе ада Одиссеемъ), на надгробныхъ надписяхъ въ Египтѣ живыхъ прямо предостерегаютъ, чтобы они не спѣшили переселиться въ ужасную область Аменты. Но вотъ что представляется несомнѣннымъ теперь. Если человѣка и человечество ожидаетъ дѣйствительное счастье, то никакъ не на этой землѣ и не подѣ этимъ небомъ. Настоящій міръ погибнетъ. Это одинаково утверждаютъ какъ наука, такъ и религіи. Кто не вѣритъ пророчествамъ о кончинѣ мірѣ, находящимся въ различныхъ религіяхъ, тотъ долженъ повѣрить пророчеству ученыхъ. Послѣдніе распадаются на двѣ категоріи: по однимъ, родъ homo исчезнетъ раньше гибели населяемой имъ планеты, какъ исчезли мамонты, мастодонты, гиппаріоны, ихтіозавры и плезиозавры; по другимъ, человечество погибнетъ вмѣстѣ съ планетою. Земля будетъ описывать все болѣе и болѣе сжатые эллипсисы около солнца и наконецъ упадетъ на него. Можетъ быть, еще раньше этого солнце покроется твердою корою, и на землѣ, не получающей тепла отъ нея и не имѣющей достаточно своего собственнаго, прекратится всякая жизнь. Но все

равно, даже и временно человечеству невозможно наслаждаться при настоящихъ условіяхъ полнымъ счастіемъ. Человѣчество никогда не будетъ здѣсь знать своего будущаго (оно, вѣдь не можетъ приобрѣсти всевѣдѣнія), и уже этотъ одинъ страхъ неизвѣстности будетъ всегда омрачать его радости. А физическія страданія, разнаго рода потери, страданія нравственныя—развѣ человечество съумѣетъ ихъ уничтожить? Затѣмъ, счастье, какъ и царствіе Божіе, внутри насъ есть, оно заключается въ настроенности человѣка. Блаженная настроенность является тогда, когда удовлетворены стремленія человѣка. Но стремленія человѣка къ истинѣ, правдѣ и прекрасному никогда не могутъ быть удовлетворены на землѣ. Здѣсь легче стать счастливымъ, заглушая въ себѣ эти стремленія, чѣмъ стремясь удовлетворять имъ. Здѣсь на землѣ человечество готово довольствоваться тѣнью счастья, одушевляемое надеждою на дѣйствительное счастье на новой землѣ. Духовная дѣятельность культурнаго человечества находитъ себѣ разумное оправданіе только въ этой надеждѣ, процессъ міровой жизни, по скольку онъ изучается и изслѣдуется, даетъ для этой надежды разумныя основанія. Онъ утверждаетъ въ мысли, что міръ имѣетъ разумную причину и разумную цѣль—блаженное совершенство въ познаніи истины и въ единеніи любви.

Такъ, размышленіе о томъ первообразѣ, по которому созданъ человѣкъ, о причинѣ, которая вызвала къ бытію этотъ міръ, о цѣли, къ которой онъ направляется, все ведетъ мысль человѣка къ Богу—Творцу и Водителю міра. У великаго мыслителя Греціи IV в.—у Аристотеля (384—322 г.г. до Р. Х.) въ первой книгѣ его метафизики мы находимъ разсужденіе о четырехъ родахъ причинъ. Въ приложеніи къ міру всѣ эти четыре рода причинъ оказываются одною причиною—Богомъ. Причинами образованія каждаго предмета Аристотель признаетъ: во 1) матеріаль (ὕλη), изъ котораго онъ образованъ (*causa materialis*), во 2) образецъ, прототипъ (εἶδος, μορφή), по которому онъ образованъ (*causa formalis*), въ 3) дѣйствующее начало (ὄφ οὖ, ἀρχὴ τῆς κινήσεως), которымъ онъ образованъ (*causa efficiens*), въ 4) цѣль (τέλος, οὗ ἕνεκα), для которой онъ образованъ (*causa finalis*). Согласно нашему разсуж-

денію два первые рода должны быть сведены къ одному, потому что то, что производитъ εἶδος, μορφή предмета, производитъ и ὕλη. Выражаясь современнымъ языкомъ, должно сказать, что видъ, образъ предмета есть функція, проявленіе его субстрата, его субстанціи, этому повидимому противорѣчитъ то, что люди созидаютъ изъ готоваго матеріала. Для того, чтобы былъ сдѣланъ столъ, требуется не только столяръ, а еще и дерево. Но вотъ въ чемъ дѣло: для того, чтобы столяръ могъ сдѣлать изъ дерева столъ, нужно, чтобы столяръ и дерево были созданы *одною* высшею силою, которая установила между ними гармонію и возможность взаимообщенія. Такимъ образомъ, и дерево и столяръ здѣсь не суть послѣднія причины возникновенія стола, эта причина возвышается надъ ними, она произвела и законы ихъ бытія и ихъ бытіе, потому что бытіе и законы бытія, раскрытіемъ каковыхъ является вселеная, нераздѣлимы. Такимъ образомъ число родовъ причинъ, которыя произвели возникновеніе міра, у насъ сводится къ слѣдующимъ тремъ: 1) къ Божественной мысли, создавшей первообразы вещей, 2) къ Божественной силѣ, реализировавшей эти первообразы, 3) къ Божественной благодати, назначившей цѣлью бытія разумныхъ существъ—блаженство въ свободномъ единеніи съ Богомъ. Достиженіе этой цѣли согласно ея опредѣленію обуславливается непрерывнымъ общеніемъ Божества съ человѣчествомъ, обуславливается сверхъестественнымъ Откровеніемъ. Человѣкъ, очевидно, долженъ искать руководства и средствъ для достиженія цѣли тамъ, гдѣ хранится Откровеніе. Въ началѣ нашего изслѣдованія мы говорили, что откровеніе подавалось и подается для всего человѣчества, но не всѣмъ. И откровеніе дается во владѣніе не индивидуумамъ, но общинѣ—церкви. Гдѣ же эта церковь, гдѣ истина? Исторія человѣчества показываетъ намъ, что человѣку присуща мысль, что религіозная истина воплощена на землѣ. Уже некультурный человѣкъ живетъ этою мыслию и его сомнѣніе въ собственныхъ богахъ обыкновенно прежде всего ведетъ къ исканію, гдѣ чтутъ истиннаго Бога, а не къ отрицанію Божества. Такъ поступаютъ люди и тогда, когда они подни-

маются по ступенямъ культуры. Князь Владиміръ, рассказываетъ намъ лѣтопись, сознавъ суетность своей религіи, не отказался отъ религіи вообще, а послалъ тѣхъ, кто заслуживалъ вѣры, искать, гдѣ исповѣдуются вѣра истинная? Изученіе и размышленіе должно направлять къ этому исканію и людей, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ культуры. Культурное чело- вѣчество должно искать, гдѣ находится истинная церковь? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы и заключимъ наше изслѣдованіе.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

О свободѣ воли человѣка съ нравственной точки зрѣнія.

I.

Истина свободы воли человѣка—одна изъ такихъ истинъ, которыя, хотя бы онѣ и не легко доказывались теоретически, рѣшительно не допускаютъ сомнѣнія съ практической точки зрѣнія. Если бы мы позволили себѣ отрицать подобныя истины, то вмѣстѣ съ ними пришлось бы отрицать и многое такое, чего отвергать никакимъ образомъ невозможно, потому что это значило бы отрицать рѣшительно все, даже самихъ себя,—словомъ, отрицая такія истины, мы дойдемъ послѣдовательно до абсурда, до нелѣпости. Отрицая свободу своей воли, мы также приходимъ къ самымъ невозможнымъ абсурдамъ, которые при всемъ томъ нисколько не похожи на какія-либо діалектическія натяжки, а представляютъ собою простыя и естественныя слѣдствія этого отрицанія.

1) Прежде всего, если нѣтъ свободы, то невозможна нравственность. Свобода—основаніе нравственности, необходимое ея условіе и предположеніе. Почему такъ?—Ясно. Дѣйствіе, совершаемое по необходимости, не можетъ имѣть нравственной цѣны, какъ не имѣетъ ея, на примѣръ, паденіе черепицы, оторванной отъ крыши дома бурей, или наклоненіе вѣтвей дерева въ сторону, куда дуетъ вѣтеръ. Съ другой стороны, дѣйствіе, не зависящее отъ нашей воли, а вызываемое необходимостію, не можетъ быть намъ вѣняемо: мы не отвѣчаемъ за него, каково бы оно ни было,—худо ли, хорошо ли. Самое различіе между добромъ и зломъ, между нравственнымъ и безнравственнымъ, исчезаетъ для насъ съ отрицаніемъ свободы:

тогда оправдывается всякое дѣйствіе человѣка, какъ бы оно ни было низко, преступно и безнравственно, потому что всѣ дѣйствія человѣка становятся одинаково необходимыми, всѣ вытекаютъ одинаково неизбежно изъ предшествующихъ условій. Словомъ, если нѣтъ свободы, то нѣтъ и нравственности. Но развѣ нравственность есть нѣчто такое, что можно принимать и отвергать смотря по обстоятельствамъ и чѣмъ можно каждому распорядиться по своему усмотрѣнію? Здѣсь дѣло касается одного изъ существеннѣйшихъ проявленій человѣческаго духа, которое на ряду съ понятіями объ истинномъ, прекрасномъ и безконечномъ, лежащими въ основаніи наукъ, изящныхъ искусствъ и, какъ вершины всего высокаго въ нашей разумной природѣ, религіи, принадлежитъ къ высшимъ отличіямъ человѣка сравнительно со всѣмъ окружающимъ его, видимымъ, какъ неодушевленнымъ, такъ и одушевленнымъ, бытіемъ. Наука, искусства (художественное творчество), нравственность и религія, и изъ нихъ послѣднія двѣ особеннѣйшимъ и преимущественнымъ,—такъ сказать, завершительнымъ образомъ, составляютъ именно тѣ рѣзко выдѣляющіяся преимущества изъ всѣхъ преимуществъ, украшающихъ разумную природу человѣка, которыя непроходимую бездною отдѣляютъ его отъ неразумныхъ тварей. Итакъ, отрицать свободу значитъ отрицать и нравственность, а отрицать нравственность значитъ ставить ни во что одно изъ самыхъ высшихъ отличій человѣка отъ существъ неразумныхъ, въ частности отъ животныхъ, и при этомъ не послѣднихъ возвышать (что было бы болѣе простительно), а унижать первого, не животныхъ приравнивать къ человѣку, а человѣка низводить на степень животного (что совсѣмъ возмутительно). Но если бы кого-либо не устрасилъ послѣдній выводъ и если бы кто не задумался съ совершенно легкою душою признать свое ближайшее родство съ гориллами и орангутангами, то ему снова нельзя не напомнить, что онъ, и независимо отъ этого вывода, не имѣетъ права на ту посылку, изъ которой такой выводъ получается, т. е., не имѣетъ права отрицать нравственность. Нравственность сама по себѣ стоитъ непоколебимо. Не въ нашей волѣ—признать или не признать силу нравственнаго закона и его требованій. Каждый видитъ вы-

соту этихъ требованій, каждый понимаетъ ихъ святость, каждый сознаетъ и чувствуетъ, что онъ не можетъ не исполнять ихъ, т. е., не имѣетъ права идти противъ этихъ требованій. Никто никогда не дерзнетъ сказать, что то, чего требуетъ отъ насъ нравственный законъ, худо, а напротивъ то, что ему противно, хорошо. Мы невольно благоговѣемъ и преклоняемся предъ нравственнымъ закономъ—и, когда нарушаемъ его,—кажется, даже еще больше, чѣмъ тогда, когда удостоиваемся подняться до исполненія того или другого частнаго его требованія. Но если нравственность не возможна безъ свободы воли, то признавать обязательность для себя нравственныхъ требованій значитъ уже признавать и дѣйствительность своей свободы. Потому-то и отецъ новѣйшей философіи, Кантъ, фактъ существованія въ нашемъ разумѣ нравственнаго закона призналъ за непоколебимую и, по его мнѣнію, даже единственную основу для доказательства свободы человѣческой воли. И каждый изъ насъ въ глубинѣ души сознаетъ то же, что сказалъ и этотъ кѣнигсбергскій мудрецъ: ты долженъ, слѣд. можешь! Другими словами, каждый понимаетъ, что отрицать нравственность, дерзать возставать противъ требованій нравственнаго закона есть чистѣйшій абсурдъ, а слѣдов. такой же абсурдъ—и отрицать свободу воли человѣка.

2) Другой нелѣпый выводъ, къ которому неизбежно ведетъ отрицаніе свободы воли человѣка, состоитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ отрицаніемъ дѣлается невозможною общественная жизнь людей, потому что отвергнуть свободу значитъ потрясти и расшатать самыя основы всякой общественности. Общественная жизнь предполагаетъ извѣстные законы, которыми опредѣляются взаимныя права и обязанности членовъ общества. Безъ этихъ принадлежностей немислимо никакое общество. Но не менѣе понятно и то, что не можетъ быть и рѣчи о правахъ и обязанностяхъ, а слѣдовательно и о законахъ, которыми онѣ опредѣляются, тамъ, гдѣ не признается свободы. Основное понятіе всякаго права есть свобода. Право превращается въ пустой звукъ, если человѣкъ не свободенъ въ своихъ поступкахъ, если отъ его воли не зависитъ—уважать или не уважать права другого. Не будетъ

никакого смысла говорить и о какихъ-либо обязанностяхъ тамъ, гдѣ господствуетъ механизмъ и слѣпая необходимость. Вообще неразумно предписывать какіе бы то ни было законы, если исполненіе ихъ не находится въ волѣ тѣхъ, кому они предписываются. Затѣмъ, опредѣляя взаимныя права и обязанности членовъ того или другого общества, гражданскіе законы предполагаютъ и то, что каждый членъ общества отвѣтственъ за исполненіе или неисполненіе своихъ обязанностей и за уваженіе или нарушеніе правъ другого, а потому общественными законами назначаются и опредѣленные способы вмѣненія каждому его дѣйствій—въ видѣ мѣръ поощренія заслугъ—каждаго передъ обществомъ и взысканій за возможные уклоненія отъ установленнаго порядка общественной жизни. Но гдѣ нѣтъ свободы, тамъ неумѣстно и вмѣненіе или взысканіе: подвергать за что-либо наказанію того, кто не имѣетъ власти надъ своими поступками, столько же неосновательно, сколько и несправедливо. Итакъ ясно, что кто не признаетъ свободы, тотъ долженъ не только отвергнуть всякія обязанности, чужія и собственныя, не только отказать всѣмъ въ соблюденіи ихъ законныхъ правъ со стороны согражданъ, но вмѣстѣ отказать и отъ всякихъ своихъ правъ и самаго желанія, чтобы ихъ уважали другіе. Внутреннее противорѣчіе отрицанія свободы въ послѣднемъ случаѣ становится наиболѣе очевиднымъ и, такъ сказать, разительнымъ до наглядности, потому что невозможность отрицанія упомянутыхъ условій общественной жизни въ примѣненіи къ себѣ самому каждымъ сознается съ особою убѣдительностію и чувствуется неотразимо. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли отрицающій свободу воли оставаться совершенно равнодушнымъ, если напр. какой-нибудь дерзкій злоумышленникъ убиваетъ его мать, жену сына и т. далѣе? Никто въ подобныхъ случаяхъ не успокоится на той мысли, что такъ должно быть, что преступникъ тутъ не виновенъ, что онъ не могъ не совершить преступленія. Но если такъ, то нельзя отрицать и свободу дѣйствій человѣка. „Когда мнѣ покажутъ,—говоритъ одинъ мыслитель (А. Стадлинъ),—приверженца теоріи необходимости, который на преднамѣренный ударъ палкой станетъ смотрѣть совершенно такъ же, какъ на

случайный ушибъ, причиненный ему паденіемъ камня, т. е., который убѣжденъ, что человѣкъ, ударившій его, не могъ не ударить, что дѣйствіе его было необходимымъ слѣдствіемъ предыдущей причины, простое естественное явленіе,—тогда, но только тогда я повѣрю, что существуетъ на свѣтѣ убѣжденный, искренній отрицатель свободы“.

Но указаніе на общественную жизнь съ ея законами, какъ на доказательство свободы воли человѣка, можетъ вызвать недоумѣніе съ другой стороны. Можетъ показаться, совершенно напротивъ, что ни что такъ не стѣсняетъ человѣка, какъ именно жизнь въ обществѣ, ни чѣмъ такъ не подавляется его свобода, къ которой онъ страстно стремится, какъ общественными законами. Того, чего требуютъ общественные законы, нельзя не исполнять, потому что неисполненіе ихъ наказуется. Итакъ, повидимому, справедливо мнѣніе древнихъ софистовъ, что „законъ есть тиранъ человѣковъ“ (Гиппій), что страхъ предъ внѣшнею силою, а не что-нибудь другое руководитъ общественною жизнію и общественными отношеніями людей; но понятно, что дѣйствіе, вынужденное страхомъ, не будетъ дѣйствіемъ свободнымъ. Съ этой точки зрѣнія и самыя законы (нравственный и общественные) считаются измышленіемъ правителей, противъ воли навязаннымъ народной массѣ, чтобы сдерживать ее въ повиновеніи. Но на самомъ дѣлѣ какъ происхожденіе общественныхъ законовъ, такъ и побужденіе къ ихъ исполненію членами общества нужно представлять иначе. Для насъ въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть значенія вопросъ о томъ, дѣйствительно ли тѣ или другіе правители когда-либо, при составленіи законовъ, руководствовались своекорыстными побужденіями. Но извѣстно, что каждое законодательство, отвѣчающее своей цѣли, стремится сообразоваться съ понятіями, обычаями, вѣрованіями, вообще съ духомъ общества или народа, для котораго оно назначается. Поэтому, правильнымъ взглядомъ на отношеніе общественныхъ законовъ къ волѣ человѣка будетъ тотъ, что законы составляютъ лишь внѣшнее выраженіе, подмѣченныхъ гениемъ законодателя, собственныхъ свободныхъ стремленій, присущихъ извѣстному обществу или

народу, и слѣд. являются не результатомъ произвола тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ лицъ, а отголоскомъ общей воли народа. Слѣдовательно, когда воля наша сообразуется въ своихъ дѣйствіяхъ съ внѣшними законами, то это въ существѣ дѣла все равно, какъ если бы она дѣйствовала по собственнымъ внутреннимъ побужденіямъ нашего духа. Если даже какое-либо частное узаконеніе въ томъ или другомъ случаѣ для извѣстнаго отдѣльнаго лица и является стѣснительнымъ, то исполненіе его даннымъ лицомъ опредѣляется разъ навсегда принятымъ имъ рѣшеніемъ повиноваться распоряженіямъ узаконенной власти. Положимъ, здѣсь можетъ возникнуть и такого рода вопросъ, что самое даже, повидимому, самостоятельное принятіе членами извѣстнаго общества тѣхъ или другихъ законовъ и рѣшеніе подчиняться распоряженіямъ властей не есть ли опять—таки слѣдствіе необходимости, такъ какъ если бы люди не рѣшились ограничить себя въ пользу другъ друга, то невозможно было бы и самое общество, потому что люди истребляли бы другъ друга при всякомъ столкновеніи ихъ интересовъ между собою. Но было бы клеветою на человѣка думать, будто онъ способенъ уважать права другого не иначе, какъ только изъ боязни мести, или наказанія, или вообще по принужденію. Неужели если бы не существовало тюремъ, ссылки и другихъ способовъ наказанія за нарушеніе законовъ общественнаго права, то всѣ мы были бы ворами, убійцами, обидчиками и т. д.? Возможныя на практикѣ исключенія нельзя возводить въ общее правило, и то, что можетъ зависѣть лишь отъ слабости или извращенности воли, не слѣдуетъ принимать за коренное и основное ея свойство. Человѣкъ способенъ понимать высоту и святость заповѣди о любви къ ближнему самой по себѣ, независимо отъ всякаго рода неблагопріятныхъ послѣдствій, какими нарушеніе этой заповѣди можетъ сопровождаться для него въ практической жизни.

Однако, если—по предыдущему—свобода является необходимымъ предположеніемъ нравственности и общественной жизни, а между тѣмъ та и другая управляются строго-опредѣленными законами (нравственнымъ и гражданскими), то нравственная и общественная дѣятельность людей какъ бы то ни было,

очевидно, оказывается обусловленною: каждое законосообразное дѣйствіе человѣка основывается на опредѣленномъ правилѣ, отъ котораго въ данномъ частномъ случаѣ и зависитъ дѣйствіе воли. Насколько самая эта обусловленность дѣйствій человѣка мирится съ ихъ свободою? Этотъ вопросъ, заключающій въ себѣ, впрочемъ, одно лишь недоразумѣніе, дѣлаетъ необходимымъ раскрытіе и разъясненіе самаго понятія о свободѣ воли. Это же необходимо и для того, чтобы отъ предыдущихъ непрямыхъ и, въ сущности, отрицательныхъ доказательствъ свободы перейти къ прямому и положительному обоснованію ея.

II.

Понятіе свободы воли на первый взглядъ—довольно сбивчивое понятіе. Обыденное пониманіе, основанное на простой видимости, или на внѣшнемъ смыслѣ термина „свобода“, склонно разумѣть подъ свободою совсѣмъ не то, что слѣдуетъ. Въ данномъ терминѣ, прежде всего, есть поводъ считать свободнымъ дѣйствіемъ человѣка такое дѣйствіе, которое бы не вытекало ни изъ какихъ основаній, не вызывалось бы никакими побужденіями. Тому, кто совсѣмъ не углублялся въ психологическій процессъ происхожденія и развитія нашихъ желаній, на которыхъ основываются затѣмъ наши дѣйствія и поступки, можетъ казаться, что мы можемъ чего-либо желать или хотѣть, а равно и совершать какое-либо дѣйствіе безъ всякихъ основаній и не имѣя къ тому никакихъ побужденій кромѣ того, что мы такъ желаемъ, такъ хотимъ. Съ этой точки зрѣнія свободною волею была бы воля безпричинная,—воля, дѣйствующая по слѣпому произволу или капризу,—словомъ, такъ называемое, *arbitrium brutum* (безсмысленный, дикій произволъ). Нагляднѣе трудно пояснить данное пониманіе свободы воли вслѣдствіе полнаго несоотвѣтствія его съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Можно развѣ привести здѣсь въ примѣръ тѣхъ своеобразныхъ героевъ извѣстнаго нашего писателя (и то, впрочемъ, становясь лишь при этомъ на ихъ собственную точку зрѣнія), вся философія которыхъ такъ мѣтко выражается въ положеніи: „моему праву не препятствуй“ и стихійная натура которыхъ не знаетъ никакихъ другихъ законовъ и пра-

виль, кромѣ правила: „я такъ хочу“ или „хочу—то дѣлаю, хочу—это“. О причинахъ такого своего хотѣнія подобныя лица могутъ воображать, что ихъ совѣмъ нѣтъ, и если бы кто освѣдомился о томъ, *почему же* они такъ хотятъ, то они отвѣчали бы простою тавтологіей или прибѣгли бы къ отвѣту, который практикуется дѣтми въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не понятна или неизвѣстна причина того или другого явленія или дѣйствія, т. е., къ ничего не объясняющему слову „потому“.

Но противъ пониманія свободной воли въ смыслѣ воли безпричинной, ни на чемъ не основывающейся въ своихъ дѣйствіяхъ, иначе въ смыслѣ *arbitrium brutum*, говоритъ простой психологическій анализъ cadaго желательнаго акта въ его процессѣ. Конечный заключительный моментъ cadaго отдѣльнаго проявленія воли или вообще желательной способности составляетъ какое-либо дѣйствіе:—внутреннее, психическое, или внѣшнее, выражающееся въ извѣстномъ тѣлесномъ движеніи. Напр., захотѣли вы разрѣшить извѣстный вопросъ,—вы начинаете размышлять о немъ (дѣйствіе силы мышленія); захотѣли побѣдить извѣстную дурную склонность, начинаете внутреннюю борьбу съ нею (движеніе воли); пожелали посѣтить знакомыхъ,—отправились къ нимъ. Дѣйствію, какъ завершительному моменту желательнаго акта, предшествуетъ—какъ можно видѣть и изъ приведенныхъ примѣровъ—самое желаніе, или влеченіе, стремленіе нашей воли, для осуществленія котораго и совершается дѣйствіе и которымъ это послѣднее, очевидно, опредѣляется; въ данныхъ примѣрахъ такими влеченіями или желаніями являются: желаніе разрѣшить вопросъ, побѣдить страсть и быть у знакомыхъ. Но ни одно желаніе не является изъ ничего, безъ всякаго повода или основанія: ему непременно предшествуетъ, такъ называемый, мотивъ, побужденіе. Такими мотивами бываютъ, или какія-либо чувствованія, или представленія, понятія, ощущенія, или, наконецъ, опять и самыя желанія, влеченія, изъ которыхъ одно можетъ вызывать собою другое. Въ приведенныхъ примѣрахъ мотивомъ къ желанію разрѣшить извѣстный вопросъ можетъ быть или ваша просвѣщенная любознательность, или интересъ са-

мага вопроса, или важность его въ практическомъ или другомъ какомъ-либо отношеніи, или просто чувство недовольства, произведенное въ васъ незнаніемъ того, на чемъ должна остановиться въ данномъ случаѣ ваша мысль: вѣрно только то, что еслибы не было этихъ или подобныхъ имъ мотивовъ, то вы и не желали бы заняться даннымъ вопросомъ, а потомъ и не размышляли бы о немъ. Мотивомъ для желанія отрѣшиться отъ извѣстной склонности у того или другого человека можетъ быть или чувство угрызенія совѣсти, или чувство порядочности и стремленіе къ идеалу нравственнаго совершенства, или попеченіе о тѣлесномъ здоровьѣ и т. д.; но опять несомнѣнно, что не будь никакого подобнаго мотива, у насъ не явится и желанія отрѣшиться отъ склонности, не только не произойдетъ никакой борьбы съ нею. Такъ и при каждомъ желаніи, при каждомъ дѣйствіи, съ тою только разницею, что при сознательныхъ желаніяхъ, кромѣ извѣстнаго чувствованія, желанію предшествуетъ и представленіе желаемаго предмета, такъ что *ignoti nulla cupido* (чего не знаемъ, того и не желаемъ), при стремленіяхъ же несознательныхъ предшествующимъ мотивомъ бываетъ только чувство, которое можетъ быть или непріятнымъ чувствомъ вслѣдствіе неудовлетворенной потребности (и новорожденный ребенокъ кричитъ, когда хочеть ѣсть,—хотя и не понимаетъ, что ему нужна именно пища,—потому именно, что испытываетъ непріятное ощущеніе голода), или чувствомъ пріятнымъ при противоположныхъ условіяхъ: въ первомъ случаѣ возникаетъ стремленіе выйти изъ непріятнаго состоянія, во второмъ продлить пріятное. Мотивы, безъ сомнѣнія, имѣются и въ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ, что то или другое дѣлаютъ потому только, что такъ хотятъ. Правда, они могутъ не сознаваться самимъ дѣйствующимъ, но они непременно есть, и дѣйствующій субъектъ всегда можетъ ихъ найти при достаточномъ самоуглубленіи; они могутъ даже быть усмотрѣны или уяснены постороннимъ лицомъ при нѣкоторомъ вниманіи къ происходящему. Напр. когда въ дѣйствіяхъ руководствуются положеніемъ: „моему праву не препятствуй“, то побужденіемъ къ этому можетъ служить или нетрезвое состояніе, или стихійное раздраженіе, или

болѣе отдаленныя и общія причины: грубый и необузданный эгоизмъ, отсутствіе просвѣщенія, систематическое потворство всѣмъ своимъ буйнымъ инстинктамъ, вслѣдствіе котораго они наконецъ не знаютъ никакого удержа; или, наконецъ, дѣйствіями того или другаго субъекта, думающаго, что онъ дѣлаетъ такъ потому только, что онъ такъ хочетъ, руководятъ какія-нибудь прихотливыя и мимолетныя сердечныя влеченія. Таково свидѣтельство психологическаго опыта. Но несостоятельность такого взгляда на свободу воли не трудно видѣть даже изъ апріорныхъ соображеній. Когда мы приписываемъ человѣку свободную волю, то видимъ ли въ этомъ свойствѣ достоинство или недостатокъ его природы? считаемъ ли это свойство возвышающимъ или унижающимъ человѣка? Не указываемъ ли мы на это свойство, какъ на одно изъ высшихъ отличій его разумной природы, одно изъ ея высокихъ совершенствъ? Но слѣпой произволь въ дѣйствіяхъ, конечно, ужь не есть совершенство, и недостойно человѣка желать и искать такой свободы, которая бы выражалась въ дѣйствіяхъ, не оправдываемыхъ никакими разумными основаніями. Это значило бы идеаломъ дѣятельности считать проявленія дикаго сумасбродства и совершеннаго безсмыслія. Дѣйствіе безосновное есть вмѣстѣ и дѣйствіе безсмысленное, каковымъ ни одно проявленіе свободной воли не должно и не можетъ быть. Или еще соображеніе: идеаль свободы есть свобода воли Божественной, но Богъ развѣ можетъ что-либо дѣлать безъ разумныхъ основаній?

Итакъ, свобода воли, прежде всего, не есть способность дѣйствовать безъ всякихъ основаній и побужденій, не есть дѣйствованіе безъ какихъ бы то ни было мотивовъ. Свободное дѣйствіе въ этомъ отношеніи не должно отличаться отъ всякаго другаго проявленія желательной способности человѣка. Что же такое свобода?

Не будучи дѣйствованіемъ безъ мотивовъ, свобода воли выражается въ способѣ отношенія ея къ самымъ вліяющимъ на нее мотивамъ. Мотивы могутъ быть весьма разнообразны, и часто, если не большею частію, въ одно и то же время воля подвергается дѣйствію нѣсколькихъ различныхъ мотивовъ. Напри-

мѣръ одинъ мотивъ побуждаетъ человѣка заняться пзвѣстнымъ дѣломъ, а другой отвлекаетъ отъ него; или одинъ мотивъ влечетъ къ одному занятію, другой въ то же самое время къ другому, третій и четвертый, къ третьему, пятый ни къ которому и направляется противъ всѣхъ четырехъ предыдущихъ (напр. намъ въ одномъ и томъ же случаѣ можетъ хотѣться отправиться и на прогулку, и въ театръ, и къ знакомымъ, и имѣть побужденіе—положимъ, вслѣдствіе нездоровья—остаться дома). Всѣ возможные мотивы по ихъ происхожденію раздѣляются на два разряда: на мотивы внѣшніе и внутренніе. Къ внѣшнимъ мотивамъ дѣйствій человѣка относятся различныя вліянія на него со стороны внѣшней природы и другихъ людей; внутренними же мотивами служатъ для него его собственныя стремленія, влеченія и потребности, его чувствованія и представленія. Воля наша относится ко всѣмъ этимъ мотивамъ не пассивно, а совершенно самостоятельно и независимо. Эта независимость воли человѣка отъ дѣйствующихъ на нее побужденій состоитъ въ томъ, что человѣкъ не слѣпо и безъ разбора подчиняется имъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но если слѣдуетъ извѣстному побужденію, то не иначе, какъ послѣ предварительнаго одобренія его и добровольнаго согласія на соответствующее дѣйствіе; или—въ томъ, что, при нѣсколькихъ различныхъ мотивахъ, онъ производитъ выборъ того или другого изъ нихъ, предпочитая одни мотивы другимъ; или, наконецъ,—въ томъ, что онъ вовсе отвергаетъ представляющіяся ему побужденія и поступаетъ вопреки имъ. Напр. дурная погода располагаетъ человѣка остаться дома, но онъ идетъ, куда призываютъ его обязанности; дурной примѣръ увлекаетъ его на неправое или непохвальное дѣло, но онъ отказывается ему слѣдовать; или: оскорбленное самолюбіе побуждаетъ его къ враждѣ, мести, злословію, но онъ борется съ этимъ чувствомъ и поступаетъ вопреки ему; или остатокъ своихъ средствъ онъ употребляетъ не на удовольствія, не на роскошь и т. п., а на благотворительныя цѣли. Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ оказывается независимымъ отъ побужденій, вліяющихъ на его волю, будутъ ли эти побужденія внѣшними или внутренними: онъ отвергаетъ одни побужденія и слѣдуетъ другимъ, потому

что одобряетъ послѣднія и порицаетъ первыя. Мотивы не навязываются намъ и нашему сознанию, какъ вынудительныя причины, а только даютъ поводъ къ дѣйствіямъ: они только возбуждаютъ нашу волю къ дѣятельности и благодаря лишь ей, т. е., только въ томъ случаѣ, если она приметъ ихъ, дѣлаются опредѣлительными началами нашихъ дѣйствій. Вообще, слѣдовательно, свобода воли выражается въ самостоятельномъ выборѣ его мотивовъ къ дѣйствіямъ.—Такимъ образомъ, на основаніи предыдущихъ разъясненій свободу воли мы можемъ опредѣлить такъ: она есть способность дѣйствовать независимо (въ разъясненномъ смыслѣ) отъ внѣшнихъ и внутреннихъ побужденій (мотивовъ), вліяющихъ на нашу волю. Но на этомъ понятіи независимости воли отъ мотивовъ необходимо остановиться подробнѣе и внимательнѣе. Данное опредѣленіе свободы есть лишь самое общее и формальное: такое опредѣленіе не характеризуетъ свободы съ качественной стороны, безъ которой она, можно сказать, теряетъ всякое значеніе. Эта-то сторона свободы воли и требуетъ теперь разъясненія.

Прежде всего, какъ мы сказали, свобода есть независимость воли человѣка отъ внѣшнихъ побужденій, а слѣдовательно и отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій и ограниченій. Въ самомъ дѣлѣ, и обыденнымъ словоупотребленіемъ, и общимъ пониманіемъ, такое состояніе, когда человѣкъ бываетъ ограниченъ различными внѣшними стѣсненіями и находится вообще въ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній и обстоятельствъ, считается наиболѣе и очевиднѣе всего противорѣчащимъ понятію свободы и признается прямымъ лишеніемъ ея. Такъ, плѣнника, узника и т. п. прямо называютъ лишеннымъ свободы. О человѣкѣ, живущемъ и дѣйствующемъ по руководству и наставленію другихъ, обыкновенно говорятъ, что онъ ходитъ на помочахъ или не имѣетъ свободы. Съ какимъ нетерпѣніемъ воспитанникъ учебнаго заведенія ждетъ окончанія экзаменовъ и отпуска на родину! Онъ ожидаетъ каникулъ, какъ времени, когда онъ „вырвется на свободу“. О какой свободѣ въ этомъ случаѣ идетъ рѣчь? Вставать не по звонку съ постели, выходить когда и куда угодно изъ дому, одѣваться въ костюмъ, въ

какой вздумается, не имѣть каждый день и часъ обязательной работы, за неисполненіе которой угрожаютъ извѣстнаго рода непріятности, и т. под.—вотъ что обозначается часто именемъ свободы. Вообще въ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ подъ свободою, очевидно, разумѣется отчасти отсутствіе физическаго стѣсненія и ограниченія, отчасти дѣйствованіе не по внѣшнимъ указаніямъ, не по чужой волѣ, а по собственнымъ, внутреннимъ влеченіямъ, представленіямъ и расположеніямъ субъекта. Съ этой точки зрѣнія свобода состояла бы въ такого рода выборѣ мотивовъ къ дѣйствіямъ, при которомъ всегда отдавалось бы предпочтеніе мотивамъ внутреннимъ, каковы бы они ни были предъ внѣшними. О такой ли свободѣ идетъ рѣчь, когда говорится о ней, какъ о высокомъ отличительномъ свойствѣ воли существъ разумныхъ и въ частности воли человека? Конечно, нѣтъ,—по крайней мѣрѣ не объ этой свободѣ прежде всего и главнымъ образомъ. Независимость человека въ своихъ дѣйствіяхъ отъ внѣшнихъ побужденій можетъ служить однимъ изъ признаковъ его свободы и является однимъ изъ способовъ внѣшняго ея обнаруженія; тѣмъ не менѣе сама по себѣ и эта независимость не есть еще свобода въ собственномъ и истинномъ значеніи этого слова. Такая свобода если не всегда, то во многихъ случаяхъ просто совпадала бы съ способностью произвольнаго движенія, которая свойственна не человеку только, но и каждому живому существу. И освобожденіе птички изъ клѣтки называютъ „возвращеніемъ ей свободы“, и вольность пернатыхъ обитателей воздушной стихіи считается въ извѣстномъ смыслѣ чуть ли не идеаломъ свободы; по крайней мѣрѣ и люди, когда хотятъ указать на свою свободу отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ стѣсненій, говорятъ: „мы—вольныя птицы“. Но, конечно, не о свободѣ птицъ говорится, когда имѣется въ виду свобода воли, какъ одинъ изъ признаковъ образа Божія въ человекѣ. Хотя и птицы направляютъ свой полетъ не непременно по направленію вѣтра, а согласно съ внутренними своими побужденіями; хотя и вообще животныя произвольно перемѣняютъ мѣсто, соотвѣтственно своимъ внутреннимъ влеченіямъ, пріятнымъ или непріятнымъ ощущеніямъ и т. п.:—

однако мы не приписываемъ имъ свободной воли, какъ приписываемъ ее человѣку. Словомъ, оказывается, что независимость отъ внѣшнихъ побужденій, предпочтеніе имъ внутреннихъ мотивовъ потому только, что они внутренніе, не есть собственно свобода, свобода въ высшемъ, человѣческомъ смыслѣ слова; это есть лишь, такъ называемая, *естественная свобода*. И если бы свобода человѣка ограничивалась способностью произвольныхъ движеній и дѣйствованіемъ по внутреннимъ влеченіямъ и побужденіямъ вообще, въ противоположность внѣшнимъ мотивамъ, то и его мы не называли бы свободнымъ и не указывали бы на его свободу, какъ на исключительную его принадлежность въ ряду всѣхъ живыхъ существъ.

Далѣе въ приведенномъ общемъ опредѣленіи свободы воли сказано было, что свобода есть независимость нашей воли и отъ внутреннихъ мотивовъ, на нее вліяющихъ. Независимость эта вообще состоитъ въ томъ, что и изъ внутреннихъ побужденій воля наша слѣдуетъ не всѣмъ и не каждому, а только тѣмъ, которымъ отдаетъ предпочтеніе предъ другими,—иначе сказать, и изъ нихъ дѣлаетъ выборъ. Но и при этомъ можно противиться одному побужденію и слѣдовать другому просто лишь потому, что послѣднее оказывается болѣе сильнымъ, нежели первое: извѣстно, что и желанія или склонности бываютъ и болѣе, и менѣе напряженными, и мысли могутъ быть неодинаково назойливыми и неотвязными, и чувствованія неодинаково интенсивными. Если бы въ выборѣ внутреннихъ мотивовъ человѣкъ дѣйствительно руководился только ихъ сравнительною силою и не могъ руководствоваться ничѣмъ болѣе, то и такого рода выборъ мотивовъ самъ по себѣ также еще не служилъ бы доказательствомъ или обнаруженіемъ свободы его воли. Въ подобныхъ случаяхъ извѣстный мотивъ не столько избирается волею человѣка, сколько подчиняетъ ее себѣ своею силою. И такого рода выборъ мотивовъ доступенъ каждому живому существу: и каждое животное слѣдуетъ въ своихъ движеніяхъ, конечно, тому влеченію, которое въ томъ или другомъ случаѣ дѣйствуетъ въ немъ съ большею силою. Слѣдованіе изъ внутреннихъ мотивовъ, мотивамъ естественно-сильнѣйшимъ потому только, что они оказываются таковыми,

опять не есть та свобода, которая приписывается человѣку въ качествѣ отличительнаго свойства его воли. И это есть естественная свобода. Хотя и животныя имѣютъ такую свободу, но ихъ никто не считаетъ поэтому свободными. Если бы и свобода человѣка ограничивалась только такого рода выборомъ мотивовъ, то и онъ не могъ бы быть признанъ дѣйствительно свободнымъ. Слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ сильнѣйшимъ влеченіямъ значитъ отдать себя въ рабство всевозможнымъ страстямъ и мимолетнымъ впечатлѣніямъ.

Мы до сихъ поръ не обратили вниманія на *качество* мотивовъ, могущихъ въ разныхъ случаяхъ дѣйствовать на волю. Но безъ этого условія нельзя представить себѣ сущность человѣческой свободы. Конечно, она вообще есть независимость воли отъ мотивовъ, но суть дѣла здѣсь не въ томъ, будетъ ли мотивъ, которому рѣшится слѣдовать воля, внѣшнимъ или внутреннимъ мотивомъ, а равно будетъ ли онъ самымъ сильнымъ или слабѣйшимъ въ ряду другихъ мотивовъ. Человѣкъ имѣетъ способность дѣйствовать независимо и отъ естественно-сильнѣйшихъ мотивовъ. Онъ имѣетъ особую точку зрѣнія для оцѣнки и выбора мотивовъ. Какъ существо, обладающее свободою въ высшемъ смыслѣ слова, человѣкъ при выборѣ мотивовъ прежде всего обращаетъ вниманіе на то, каковы мотивы, дѣйствующіе на его волю, по своему качеству или внутреннему содержанію и достоинству. Человѣка мы называемъ существомъ разумнымъ. Въ началѣ нашего *разсужденія* сдѣлано было указаніе на то, въ чемъ состоитъ разумность и что значитъ быть разумнымъ. Обладая разумомъ (а не разсудкомъ напр. только, или способностью мышленія), человѣкъ способенъ мыслить такія высокія идеи, которыя совершенно недоступны существамъ, ниже его стоящимъ. Таковы идеи: истины, красоты, добра и Безконечнаго, или Божества. Въ силу такого драгоцѣннаго отличія своей природы, человѣкъ способенъ въ дѣйствіяхъ своихъ, независимо отъ всякихъ иныхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ мотивовъ, руководствоваться, какъ говоритъ Апостоль, только тѣмъ, „что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что прелюбезно, что достославно, что.... добродѣтель, и похвала“ (Филип. 4, 8),—прибавимъ къ

этому—что само по себѣ прекрасно, возвышенно, благородно нравственно, богоугодно,—вообще онъ способенъ дѣйствовать, согласно съ представленіями своего разума о всемъ лучшемъ и совершеннѣйшемъ. Примѣняя эту особенную точку зрѣнія при оцѣнкѣ и выборѣ мотивовъ, человѣкъ можетъ поступать вопреки самымъ сильнымъ своимъ влеченіямъ и склонностямъ, напр. вопреки даже могущественнѣйшему изъ всѣхъ стимуловъ—инстинкту самосохраненія, и слѣдовать сравнительно слабымъ и даже слабѣйшимъ побужденіямъ, если сознаетъ, что такъ заповѣдуетъ ему его нравственный долгъ и что перваго рода побужденіе несогласны съ требованіями его разума, совѣсти и съ его понятіями о добрѣ. Въ этомъ именно обнаруживается свобода человѣка въ собственномъ смыслѣ слова, или свобода *нравственная*. Слѣдовательно, истинная свобода состоитъ въ дѣятельности, сообразной не вообще съ нашими внутренними влеченіями и побужденіями, но исключительно съ требованіями разума и нравственного закона. Такимъ образомъ въ истинно-свободной дѣятельности независимость отъ внѣшнихъ и внутреннихъ мотивовъ вообще находятъ опредѣленную и разумную цѣль: эту цѣль составляетъ самопроизвольная зависимость, самопроизвольное подчиненіе всему тому, что возвышаетъ нашу разумную природу надъ бытіемъ неразумнымъ.

Итакъ, вотъ въ чемъ мы должны усматривать идеальную свободу: не въ томъ, чтобы наша дѣятельность развивалась безъ всякихъ мотивовъ, и не въ произволѣ, который необходимо оказывается чуждымъ всякаго порядка и законосообразности, такъ какъ онъ руководится первыми встрѣтившимися естественно-сильнѣйшими впечатлѣніями. Истинно-свободная дѣятельность, какъ дѣятельность, управляемая нравственнымъ закономъ, по самому понятію своему, есть дѣятельность строго законообразная. Никогда и ни на шагъ не отступать въ дѣйствіяхъ отъ требованій нравственного закона, разума и совѣсти—вотъ истинная свобода. Высшая форма свободы, идеальная свобода есть нравственная необходимость. Такова именно и есть свобода воли Божіей, которая состоитъ въ томъ, что Богъ можетъ творить только добро и не можетъ дѣлать

зла. Такова же свобода ангеловъ и святыхъ людей, настолько утвердившихся въ добрѣ, что для нихъ невозможенъ переходъ ко злу. Очевидно, что и самая независимость человѣка отъ внѣшнихъ побужденій и внутреннихъ мотивовъ вообще получаетъ нравственную цѣну и можетъ служить положительнымъ доказательствомъ дѣйствительности свободы въ человѣкѣ только въ томъ случаѣ, если эта независимость направляется къ подчиненію его воли требованіямъ нравственнаго долга и способствуетъ безпрепятственному исполненію имъ нравственнаго закона. Ясно, что, съ точки зрѣнія истинной свободы, слѣдовать въ дѣйствіяхъ своимъ внутреннимъ побужденіямъ и не подчиняться внѣшнимъ вліяніямъ и чужой волѣ не всегда будетъ служить признакомъ правильнаго употребленія свободы.

Указываютъ на то, что, и слѣдую нравственнымъ мотивамъ, предпочитая ихъ другимъ побужденіямъ, воля наша въ самомъ этомъ послѣдованіи и предпочтеніи руководствуется также какимъ-нибудь мотивомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ при выборѣ мотивовъ, а потому является все равно зависимою и несвободною. Но между послѣдованіемъ нравственнымъ побужденіямъ и всякимъ инымъ мотивамъ — большая разница. Мотивы низшаго разряда побѣждаютъ другъ друга сравнительною силою, которая и является основаніемъ предпочтенія одного мотива другому. Слѣдую нравственно-разумнымъ побужденіямъ, мы руководствуемся представленіемъ о наилучшемъ, совершеннѣйшемъ, о томъ, что цѣнно само по себѣ и не нуждается ни въ какихъ постороннихъ основаніяхъ. Дѣйствованіе по нравственному закону по справедливости называется свободнымъ, потому что въ немъ человѣкъ съ одной стороны, отрицательно, является независимымъ отъ всѣхъ низшихъ побужденій, стѣсняющихъ нашу волю, и съ другой стороны, положительно, испытываетъ возвышеніе духовнаго своего существа. Таково именно свойство представленія о лучшемъ, совершеннѣйшемъ, что оно не стѣсняетъ и не подавляетъ нашего я, а возвышаетъ и, если можно такъ выразиться, расширяетъ все наше существо. Оттого послѣдованіе велѣніямъ долга является дѣйствованіемъ по собственному произволенію, а не по принужденію, — иначе говоря, оно свободно.

Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, почему животное не можетъ возвыситься до нравственности и свободы. Потому прежде всего,

что оно не обладаетъ разумомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неспособно и къ представленію о наилучшемъ и совершеннѣйшемъ самомъ по себѣ. Оно не можетъ понять высоты разумныхъ требованій самихъ по себѣ, чтобы исполнять ихъ ради одной ихъ высоты. Его можно принудить дѣлать то, чего отъ него требуютъ, ему можно вбить привычку, но его не вразумить, что такъ должно, потому что такъ разумно: оно можетъ лишь навыкнуть представлять, что иначе нельзя, потому что въ противномъ случаѣ прибудутъ или не дадутъ ѣсть, а если бы не это, то и не повиновалось бы.

Насколько человѣкъ близокъ къ указанному идеалу нравственной свободы?—Каждому изъ опыта извѣстно, что реальная, или дѣйствительная, свобода человѣка далеко не совершенна и представляетъ постоянное колебаніе между слѣдованіемъ нравственному долгу и разнымъ низшимъ склонностямъ и влеченіямъ, именно чувственнымъ и эгоистическимъ (ибо чувственность и эгоизмъ, или самолюбіе, есть корень всего противонравственнаго въ человѣкѣ). Въ представленной идеальной формѣ свобода реально ему не принадлежитъ. Чувственные и эгоистическія склонности, противодѣйствуя высшимъ стремленіямъ человѣка, подчиняя и порабощая себѣ его волю, препятствуютъ ему неуклонно слѣдовать въ своей дѣятельности требованіямъ нравственнаго закона. Нравственная свобода въ идеальной формѣ не есть что-либо данное человѣку въ готовомъ видѣ отъ самой природы: какъ реальная принадлежность воли, она лишь постепенно пріобрѣтается и развивается усиліями самого человѣка. Постепенное усовершенствованіе своей свободы, постепенное приближеніе къ идеалу ея составляетъ для cadaго человѣка великую задачу цѣлой жизни. Стать истинно-свободнымъ нелегко для человѣка. Свобода—великое обязательство и тяжелый для насъ трудъ. Для осуществленія своей нравственной задачи намъ необходимо вести непрестанную борьбу съ своими низшими склонностями и влеченіями. Этотъ трудъ и эта борьба отличаются замѣчательными особенностями: чѣмъ скорѣе они начинаются, тѣмъ обезпеченнѣе бываетъ успѣхъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ борьба дѣлается легче, такъ какъ чрезъ упражненіе въ ней постепенно пріобрѣтается большая и большая сила воли для преодоленія влеченій, противъ которыхъ она направляется. Наоборотъ, откладываніе борьбы, постоянное послабле-

ніе дурнымъ склонностямъ, укрѣпляя эти послѣднія, дѣлаетъ борьбу съ ними чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и болѣе затруднительною. Таковъ законъ нашей душевной жизни, что ни одно дѣйствіе души, по крайней мѣрѣ допущенное и совершенное сознательно,—будетъ ли оно хорошимъ или дурнымъ,—ни одна мысль, занявшая душу, ни одно чувствованіе, къ которому приложили мы наше сердце,—не остаются отрывочными и безслѣдными для нашего духовнаго развитія, но, оставаясь навсегда неотъемлемою принадлежностью души и присоединяясь одни къ другимъ, постепенно болѣе и болѣе опредѣленными и рѣзкими чертами обрисовываютъ нашу нравственную фізіономію и сообщаютъ всему нашему духовному существу постоянный и опредѣленный складъ и направленіе. Такъ вырабатывается у насъ болѣе или менѣе устойчивый характеръ, который можетъ быть какъ добрымъ, такъ и злымъ: человѣкъ постепенно приобрѣтаетъ, такъ сказать, навыкъ рѣшаться къ дѣйствіямъ опредѣленнымъ образомъ—или въ направленіи нравственнаго закона, или въ направленіи низшихъ склонностей. Отсюда становится понятнымъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, какъ состояніе праведника, неизмѣнно утвердившагося въ добрѣ и неуклонно идущаго по пути, предназначаемому законами добра, такъ и противоположное состояніе человѣка, которому, съ каждымъ частнымъ случаемъ легкомысленнаго отношенія къ происходящему въ его душѣ столкновенію противоположныхъ влеченій и съ каждымъ случаемъ нравственнаго паденія, труднѣе и труднѣе становится переломить свою шаткую настроенность и измѣнить утвердившееся въ душѣ теченіе склонностей. Но что для послѣдняго труднѣе борьба съ своими низшими наклонностями, въ этомъ онъ оказывается виноватымъ самъ, потому что самъ опъ пропустилъ болѣе удобное время для этой борьбы, когда склонности его были простыми влеченіями, и самъ создалъ и систематически воспиталъ въ себѣ такой нравственно-шаткій характеръ. Во все время этого укрѣпленія въ немъ противныхъ его разумной природѣ влеченій и постепеннаго развитія ихъ до степени склонностей и страстей для него никогда не уничтожалась возможность соотвѣтственнымъ образомъ проявить свою свободу, дать отпоръ недолжнымъ влеченіямъ и не дѣлать себя рабомъ ихъ. Впрочемъ и теперь, когда ему уже тя-

желе стало бороться съ собою, онъ не лишенъ возможности выйти изъ этой борьбы побѣдителемъ и снова поднять знамя своей свободы. Въ смыслѣ способности послѣдняя всегда принадлежитъ каждому человѣку безъ исключенія; отъ самого человека зависитъ проявить эту способность, или нѣтъ, воспользо-ваться ею въ такомъ или иномъ направленіи. Свободу, въ смыслѣ способности,—въ отличіе отъ свободы *идеальной*, составляющей задачу для каждаго человѣка, и *реальной*, которая, какъ сказано, не совершенна и представляетъ постоянное колебаніе между слѣдованіемъ нравственному долгу и низшимъ, чувственно-эгоистическимъ стремленіямъ,—можно назвать *формальной* свободою человека. Формальная свобода принадлежитъ человеку и тогда, когда онъ дѣйствуетъ въ направленіи, противномъ нравственному закону, въ томъ смыслѣ, что онъ и тогда могъ бы дѣйствовать согласно съ послѣднимъ, могъ бы остаться вѣрнымъ его требованіямъ и потому отвѣтственъ за свои дѣйствія. Отсюда слѣдуетъ, что хотя задачей дѣятельности человека является идеальная свобода, какъ воспитаніе въ себѣ склонности и навыка всегда и на самомъ дѣлѣ сообразоваться въ своей дѣятельности съ нравственнымъ закономъ; но необходимымъ условіемъ и основаніемъ ея, очевидно, служить свобода формальная, въ смыслѣ способности человека или возможности для него по своей волѣ всегда слѣдовать требованіямъ нравственнаго закона предпочтительно предъ всякими другими побужденіями. Къ вопросу о свободѣ въ послѣднемъ смыслѣ и сводится проблема свободы.

Раскрывши теперь понятіе о свободѣ воли человека, мы имѣемъ возможность сознательно перейти и къ обоснованію этого понятія, т. е., къ изложенію тѣхъ положительныхъ данныхъ, на которыхъ утверждается ученіе о свободѣ человека. Мы знаемъ, что при доказательствѣ свободы воли человека должна быть рѣчь о свободѣ собственно *нравственной*. При этомъ мы установили, что хотя *идеально человекъ не свободенъ*, потому что онъ не неуклонно и не всегда сообразуется въ своихъ дѣйствіяхъ съ нравственнымъ закономъ и требованіями разума вообще, но онъ *формально свободенъ*, потому что всегда можетъ это сдѣлать,—это всегда отъ него зависитъ.

В. Лавровъ.

(Окончаніе будетъ).

Извлечение изъ отчета Г. Статсъ-Секретаря Куломзина по устройенію церквей и школь въ районѣ Сибирской желѣзной дороги на средства фонда Имени Императора АЛЕКСАНДРА III.

Мы живемъ въ великую эпоху. Нѣтъ надобности быть пророкомъ, чтобы видѣть, что на Дальнемъ Востокѣ совершаются событія великой важности. Сотни милліоновъ народа монгольскаго племени призываются къ новой общеевропейской культурѣ. Эта культура навязывается имъ европейскими народами даже силою. И для насъ въ высшей степени важно, будетъ ли эта культура христіанской или языческой, дружественной или враждебной намъ. Легко можетъ случиться, что тѣ мирныя сосѣдскія отношенія, которыя до сихъ поръ существовали между этими сосѣдними намъ народами и русскими людьми, превратятся наконецъ въ мстительныя и враждебныя. Да сохранитъ насъ Богъ отъ этой опасности!

И если Промыслу угодно, чтобы Россія просвѣщала эти народы свѣтомъ христіанства, свѣтомъ православія, то для насъ въ высшей степени важно развитъ и укрѣпитъ нашу православную культуру въ сосѣдствѣ съ этими народами. Сибирь должна возродиться нравственно, переставъ быть мѣстомъ поселенія для ссыльныхъ преступниковъ, и должна обогатиться новыми поселенцами, вѣрными сынами нашей православной церкви. Намъ кажется, что именно это имѣетъ въ виду и наше правительство и наше общество своею дѣятельностію въ этой окраинѣ нашего отечества. Разумѣемъ проведеніе великаго Сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути съ его вѣтвями, отмѣну ссылки и устройство церквей и школь въ районѣ этого пути.

Предъ нами лежитъ отчетъ Г. Статсъ-Секретаря Куломзина о дѣятельности нашего правительства и общества въ этомъ направленіи за прошлый годъ. Изъ отчета открывается, что къ

1-му января 1900 г. общій итогъ поступленій въ фондъ имени Императора Александра III достигъ 1.211,176 р. 45 к., причѣмъ за истекшій годъ поступило на приходъ 446,960 р. 61 к. Въ числѣ наиболѣе крупныхъ пожертвованій поступили: отъ г. с. Терещенко—10,000 р.; отъ духовнаго собора Соловецкаго монастыря—3,000 р.; отъ духовнаго собора Свято-Троицкой Сергіевой лавры—10,000 р., отъ душеприказчика Е. И. Бенардаки—25,000 р. по завѣщанію И. А. Васильева—4,979 р., отъ о. Іоанна Ильича Сергіева разновременно поступило 10,975 р. и отъ лицъ, не пожелавшихъ себя назвать, 100,000 р.

Кромѣ денежныхъ приношеній, не мало поступило пожертвованій предметами церковнаго обихода. Между такими пожертвованіями выдѣляются 20-ть паръ металлическихъ вызолоченныхъ хоругвей, пожертвованныхъ въ фондъ имени Императора Александра III черезъ посредство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича старостами общества хоругвеносцевъ Московскихъ кремлевскихъ соборовъ и монастырей, Казанскаго и Покровскаго соборовъ. Затѣмъ, минувшей осенью для отливки колоколовъ въ сибирскія церкви было отпущено съ Высочайшаго соизволенія изъ Виленскаго артиллерійскаго склада 2,500 пудовъ мѣди латуни въ стрѣлянныхъ гильзахъ и этотъ цѣнный даръ далъ возможность обезпечить колокольными звонами 32 церкви.

Столь обильный притокъ пожертвованій далъ возможность вести въ теченіе всего года церковное и школьное строительство настолько успѣшно, что къ 1-му января сего года, вмѣсто 60 храмовъ, показанныхъ готовыми въ прошлогоднемъ отчетѣ, нынѣ таковыхъ насчитывается уже 100, изъ коихъ освящено 68 (въ томъ числѣ въ теченіе 1899 г.—35 церквей), и 32 будутъ освящены въ недалекомъ будущемъ, когда закончена будетъ ихъ внутренняя отдѣлка и убранство; количество школъ увеличилось противъ прошлаго года на 19 и дошло до 105, изъ коихъ 32 находятся еще въ постройкѣ. Кромѣ того, въ 1899 г. было начато сооруженіе новыхъ 24 храмовъ и, такимъ образомъ, къ 1-му января 1900 г. общее число церквей, предпринятыхъ на средства или при пособіи фонда, достигло 162. По губерніямъ церкви эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: больше всего выстроено и строится церквей въ Акмолинской области, гдѣ, благодаря весьма большой помощи, и

денежной и личной, самих переселенцевъ, постройка церквей обошлась дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ;—въ названной области уже сооружено и освящено 18 церквей и строится еще 23, которыя, кромѣ трехъ, почти всѣ или готовы, или близятся къ концу. Въ Tobольской губерніи освященныхъ церквей 13 и сооружаемыхъ 16, въ Томской освящено—12 храмовъ и строится—17, въ томъ числѣ четыре молитвенныхъ дома; въ Енисейской губерніи изъ 8 церквей освящена одна; равнымъ образомъ и въ Забайкальской области изъ 6 сооружаемыхъ церквей освящена одна, въ Приморской области освящено 7 храмовъ и строится—9 и въ Амурской области выстроена и освящена—1 церковь. Затѣмъ при станціяхъ Западно-Сибирской желѣзной дороги освящено 5 церквей и строится—2, на Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ освящено—8 и строится—2 храма, на Забайкальской дорогѣ и Соединительной вѣткѣ между названною дорогою и Восточно-Китайскою—освящена 1 и сооружается—7, и на Уссурийской желѣзной дорогѣ освящена—1 и находятся въ постройкѣ 3 церкви. Все это не можетъ не радовать всѣхъ истинно русскихъ людей; все это въ высокой степени радуеть и сердце нашего Государя.

Въ минувшемъ году, какъ и въ прежніе годы, по словамъ „Церк. Вѣд.“, церковно-строительное дѣло имѣло счастье пользоваться особымъ милостивымъ вниманіемъ Августѣйшаго Предсѣдателя Комитета Сибирской желѣзной дороги Государя Императора. Царское Спасибо было высказано всѣмъ жертвователямъ въ фондъ Имени Императора Александра III, и было такъ выражено въ Высочайшей Собственноручной отмѣткѣ, послѣдовавшей въ праздникъ Благовѣщенія въ минувшемъ году: „Сердечное спасибо всѣмъ ревнителямъ этого дорогого Мнѣ дѣла. Да развивается оно съ помощію Всевышняго“. Это же Спасибо Государь Императоръ Всемилоостивѣйше повелѣвалъ объявлять жертвователямъ всякій разъ, при всеподданнѣйшихъ докладахъ Его Императорскому Величеству о поступавшихъ въ фондъ болѣе или менѣе крупныхъ пожертвованіяхъ.

Освѣдомляясь объ освященіи каждой церкви, сооруженной на средства фонда, Государь Императоръ неоднократно въ Собственноручныхъ отмѣткахъ выражалъ Свое высокое Монаршее удовольствіе по поводу этихъ радостныхъ событій, а на всеподданнѣйшемъ докладѣ управляющаго дѣлами комитета Си-

бирской желѣзной дороги о томъ, что въ короткое время въ 8 различныхъ поселкахъ района Сибирской желѣзной дороги состоялось освященіе церквей, выстроенныхъ на суммы фонда Имени Императора Александра III, Его Величеству въ 7-й день декабря 1899 г. благоутодно было Собственноручно начертать: „Искренно радуюсь столь успѣшному ходу дѣла“.

Великою Царскою милостью было соизволеніе Его Императорскаго Величества на передачу для Сибирскихъ церквей изъ Гофмаршальской части Министерства Императорскаго Двора 500 пуд. мѣди, на сумму около 5,000 р. Это пожертвованіе дало возможность изготовить подборъ колоколовъ для семи храмовъ. Затѣмъ изъ Высочайше пожалованныхъ въ томъ-же минувшемъ году болѣе 2,500 арш. золотого глазета и шелковыхъ штофныхъ матерій было изготовлено 34 весьма благолѣпныхъ облаченій для священно-служителей и одеждъ на престолы и жертвенники для 30 церквей. Особенно роскошны вышли облаченія, сшитыя изъ покрововъ, оставшихся послѣ погребеній въ Богѣ почившихъ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича, Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Екатерины Михайловны,—каковы покровы изъ золотой парчи, весьма большой цѣнности, были также переданы для Сибирскихъ церквей по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію.

Еще одной Монаршею милостью Государа было пожертвованіе 6,500 р. изъ суммъ Кабинета Его Величества на устройство иконостаса въ храмѣ поселка Ново-Николаевского при ст. Обь.

Окончаніе этой великолѣпной церкви и освященіе ея можно считать однимъ изъ самыхъ крупныхъ успѣховъ церковнаго строительства въ Сибири за истекшій годъ, особенно если припятъ во вниманіе, что сооруженіе этого храма потребовало ассигнованія изъ фонда Имени Императора Александра III всего до 47,000 руб. Храмъ этотъ, сооруженный въ особливую память въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III, является какъ бы памятникомъ Основателю Великаго Сибирскаго пути. Освѣдомившись изъ всеподданнѣйшаго доклада управляющаго дѣлами комитета Сибирской дороги о торжествѣ освященія этого храма и о томъ, что всѣ присутствовавшіе на этомъ торжествѣ просили повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества вѣрноподданническія чувства безгра-

ничной благодарности за милость сооруженія храма въ пос. Ново-Николаевскомъ, Государь Императоръ, въ 31 день декабря минувшаго года, Всемилостивѣйше соизволилъ Собственно-ручно начертать: „Прочель съ особеннымъ удовольствіемъ и искренно благодарю“.

Въ ряду другихъ церквей Сибири, оконченныхъ постройкою за прошлый годъ, отчетъ отмѣчаетъ храмъ при ст. Петропавловскъ, стоившій вмѣстѣ съ причтовыми домами и школой свыше 50,000 р. Обильныя пожертвованія специально на эту церковь, сооружаемую въ честь святой Маріи Магдалины, имя которой носитъ Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна, дали возможность въ два года выстроить при названной станціи прекрасный каменный храмъ. Церковь эта снаружи вполне готова, и освященіе ея, можно разсчитывать, состоялось истекшей весной. Въ концѣ прошлаго года Петропавловская церковь украсилась весьма цѣннымъ, художественной работы, образомъ святой Маріи Магдалины, Всемилостивѣйше пожертвованнымъ Государыней Императрицей Маріей Феодоровной.

Кромѣ этихъ двухъ храмовъ,—на линіи Сибирской желѣзной дороги строится въ честь святой Живоначальной Троицы еще третья, не менѣе обширная и прекрасная каменная церковь при станціи Омскъ, стоимостью около 65,000 р. Не окончены постройкою 62 храма.

Кромѣ постройки церквей, въ наступившемъ году комитетъ призналъ необходимымъ озаботиться увеличеніемъ числа школъ и устройствомъ при нихъ небольшихъ ученическихъ общежитій. Устройство при Сибирскихъ школахъ для пришлыхъ изъ окрестныхъ деревень дѣтей небольшихъ общежитій несомнѣнно значительно увеличитъ число учениковъ въ школахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширитъ значеніе и вліяніе и самой школы. Въ тѣхъ же цѣляхъ распространенія и упроченія школьнаго образованія среди поселенцевъ подготовительною при комитетѣ Сибирской желѣзной дороги комиссіею было предпринято сборъ пожертвованій книгами.

Поступающія въ Канцелярію комитета министровъ печатныя изданія тщательно разбираются: всѣ допущенныя къ употребленію въ начальныхъ училищахъ книги посылаются на образованіе и пополненіе школьныхъ бібліотекъ для внѣ-клас-

снаго чтенія, книги-же, по своему содержанію не пригодныя для дѣтей и простаго народа, направляются въ библіотеки для интеллигентныхъ классовъ, главнымъ образомъ въ станціонныя библіотеки для желѣзнодорожныхъ служащихъ на Сибирской линіи.

Въ послѣднее время все болѣе и болѣе выясняется необходимость при всѣхъ церквахъ и школахъ, сооружаемыхъ на средства фонда Имени Императора Александра III, устраивать и помѣщенія для священно-церковно-служителей и учителей. Случается, что за неимѣніемъ квартиръ для учительскаго персонала и причтовыхъ домовъ, уже отстроенныя школы надолго пустуютъ, а въ церквахъ не совершается богослуженія. Во избѣжаніе такого крайне нежелательнаго явленія пришлось во многихъ поселкахъ, гдѣ строительныя работы были уже закончены, приступить къ возведенію причтовыхъ домовъ, и хотя принимаются всѣ мѣры къ возможному сбереженію расходовъ, тѣмъ не менѣе, въ виду чрезвычайнаго вздорожанія строительныхъ матеріаловъ и цѣнъ на рабочія руки, каждое такое зданіе обходится въ 1,000—1,500 руб. Если принять во вниманіе, что причтовые дома и квартиры для учителей нужны при всѣхъ 162 церквахъ и при большинствѣ школъ, то станетъ понятно, какъ трудно, хотя бы и постепенно, осуществить эти полезныя предположенія.

Производя и проектируя значительныя расходы, подготовительная при комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммиссія долгомъ своимъ всегда считала слѣдить: во первыхъ за тѣмъ, чтобы всѣ расходы производились возможно болѣе экономно и цѣлесообразно, а отчетность въ нихъ велась вполне аккуратно, для чего ежегодно производится ревизія суммъ фонда Имени Императора Александра III особо избранною коммиссіею,—а во вторыхъ, чтобы способы выполненія на мѣстѣ ея предначертаній были наиболѣе цѣлесообразны. Съ этой послѣдней цѣлью, для ознакомленія съ предпринятыми и произведенными на счетъ фонда' строительными работами по сооруженію церквей и школъ, лѣтомъ минувшаго года въ Сибирь былъ командированъ чиновникъ канцеляріи комитета министровъ, инженеръ путей сообщенія Шилкинъ. Подробный техническій осмотръ 29 церквей и 42 школъ въ Тобольской и 24 храмовъ и 16 школъ въ Томской губерніи, а также провѣрка финан-

совой по этимъ постройкамъ отчетности, выяснили, на ряду съ незначительными недочетами, общую полную успѣшность церковно-школьнаго строительства и цѣлесообразность произведенныхъ на него затратъ.

Между прочимъ инженеромъ Шилкинымъ отмѣчено одно, крайне неблагоприятное для церковностроительства обстоятельство, а именно—недостатокъ въ Сибири средствъ техническаго надзора. Губернскіе и епархіальные архитекторы (единственные въ Сибирскихъ губерніяхъ) при огромныхъ Сибирскихъ разстояніяхъ едва по разу успѣваютъ быть на постройкахъ, да и то по окончаніи таковыхъ, т. е. тогда, когда допущенныя ошибки исправить уже трудно. Такъ какъ при этомъ въ Сибири нельзя найти и сколько нибудь опытныхъ десятниковъ, то наблюденіе за работами большею частью всецѣло лежало на крестьянскихъ начальникахъ. Вслѣдствіе же ихъ неопытности въ строительномъ искусствѣ и обремененности прямыми служебными обязанностями бывали случаи, правда довольно рѣдкіе, что постройки затягивались и стоили дороже, чѣмъ еслибы на мѣстѣ былъ опытный архитекторъ или техникъ. Въ виду сего предположено пригласить на предстоящій строительный періодъ нѣсколькихъ опытныхъ десятниковъ, съ тѣмъ, чтобы послать ихъ въ Тобольскую, Томскую и Енисейскую губерніи для наблюденія за ходомъ тѣхъ сооружений, которыя будутъ возводиться на средства фонда.

Говоря о вновь устрояемыхъ храмахъ, отчетъ отмѣчаетъ, что далеко не вездѣ обеспечена матеріальными средствами возможность довести начатое дѣло до конца. Много труда и заботъ предстоитъ, чтобы собрать потребныя на достройку этихъ церквей деньги, тѣмъ болѣе, что постоянно поступаютъ ходатайства объ ассигнованіи изъ фонда Имени Императора Александра III сравнительно значительныхъ суммъ на производство расчетовъ по церквамъ, уже оконченнымъ. Изложенныя обстоятельства заставляютъ обратить на это святое дѣло благочестивое вниманіе жертвователей. Населеніе Сибири растетъ съ неимовѣрной быстротой, число поселковъ съ каждымъ годомъ умножается и все больше и больше взываютъ сибирскіе переселенцы о помощи имъ въ дѣлѣ сооруженія новыхъ церквей и школъ. Особенную нужду въ храмахъ Божіихъ испытываютъ теперь въ поселкахъ Енисейской губерніи и

въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, куда направилась въ послѣднее время большая часть переселенцевъ. Независимо отъ этого, въ отчетѣ на стр. 65—74 перечисленъ цѣлый рядъ поселковъ, населеніе коихъ давно хлопочетъ о пособіяхъ на постройку храма. Пожертвованія на дѣло церковнаго и школьнаго строительства въ Сибири принимаются въ канцеляріи комитета министровъ (С.-Петербургъ, Маріинскій дворецъ) и во всѣхъ казначействахъ губернскихъ и уѣздныхъ—на депозитъ названной канцеляріи. Для сбора пожертвованій выставлены кружки во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

Событія не ждуть, знаменія времени ясны для всѣхъ! Промыслу Божию благоугодно, чтобы именно православная Россія стала во главѣ великаго культурнаго движеніе для монгольскихъ народовъ. Быть можетъ, правы тѣ наши публицисты, которые говорятъ, что съ проведеніемъ великаго сибирскаго пути, вопросъ о Китаѣ станетъ нашимъ кровнымъ вопросомъ и что чрезъ два три поколѣнія китайскіе колонисты, смежные съ нашими поселенцами, будутъ отличаться отъ русскихъ только антропологическими признаками. Если западные культуртрегеры, подъ покровомъ христіанства, отравляли ихъ опиумъ и почти насильно грабили среди бѣлаго дня, то наше призваніе состоитъ въ просвѣщеніи ихъ свѣтомъ истиннаго христіанства и въ сохраненіи тѣхъ благожелательныхъ и добрыхъ отношеній, которыми мы всегда были исполнены къ нимъ. Но великія задачи требуютъ великихъ усилій. Поэтому надобно желать, чтобы русскіе люди оказались на высотѣ своего призванія и явились во всеоружіи не только матеріальной, но и духовной силы. Надобно желать, чтобы благородная и великодушная энергія нашихъ соотечественниковъ не оскудѣвала. Заклучимъ же наше извлеченіе изъ настоящаго отчета прекрасными пожеланіями о. Іоанна Сергіева, Кропштадскаго протоіерея, отъ 10 января 1897 года: „Сердечно сочувствуя великому дѣлу распространенія церквей и школъ по великому Сибирскому, вновь проложенному пути, выражаю симъ желаніе, чтобы дорогіе мои соотечественники отнеслись съ горячимъ участіемъ къ дѣлу постройки церквей и школъ и не жалѣли своихъ свободныхъ капиталовъ, въ соотвѣтствіе мудрой воли НАШЕГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ“.

К. И—нѣ.

ЛИСТОКЪ

Л. П. П.

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Іюня № 12. 1900 года.

Содержаніе: Высочайшія награды.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1900 годъ.—Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ.—Списокъ воспитанницъ приготовител., 1-хъ, 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ, 5-хъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, за 1899/00 уч. г.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1899/00 уч. г.—Списокъ воспитанницамъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благоправіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.—Списокъ воспитанницъ VI классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, окончившихъ курсы и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благоправіе награждаются книгами.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1899/00 уч. г.—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища за 1899/00 уч. г.—Объявленіе.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Кавалерской Думы ордена святой Анны, въ 3-й день февраля 1900 года, Высочайше соизволивъ на награжденіе нижеслѣдующихъ лицъ духовнаго званія по Харьковской епархіи орденомъ святой Анны 3-й степени, за заслуги, въ ст. 459-й (Учрежд. орд. т. I Св. Зак., изд. 1892 г.) статута сего ордена пзъясненныя: Церкви слободы Пижней Орели, Зміевскаго уѣзда, священника Александра *Стаховскаго*, церкви слободы Краснянки, Купянскаго уѣзда, священника Василія *Рождественскаго*, Пророко-Ильинской церкви города Сумъ священника Филарета *Григоровича*, церкви села Березовки, Харьковскаго уѣзда, священника Адріана *Мухина*, и церкви слободы Островерховья, того же уѣзда, священника Андрея *Любарскаго*.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1900 годъ.

Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Павловичъ Знаменскій; вмѣстѣ ордена: Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст., по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 1 августа 1880 года пре-

подавателемъ латвискаго языка въ Таврическую духовную семинарію; въ томъ же году 24 сентября утверждень въ степени магистра богословія; 11 мая 1881 года назначень Инспекторомъ Таврической семинаріи; 1 іюля 1884 года назначень Ректоромъ той же семинаріи; 14 іюня 1894 года перемѣщенъ на должность Ректора Харьковской Духовной Семинаріи; съ 31 августа того же года состоитъ редакторомъ журнала «Вѣра и Разумъ»; съ 14 іюня 1896 года состоитъ Предсѣдателемъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Инспекторъ Семинаріи, статскій совѣтникъ Константинъ Евстафьевичъ Истомина; имѣеть ордена: Св. Стацислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 3 ст.; въ 1855 году окончилъ курсъ Кіевской духовной академіи со степенью старшаго кандидата съ причисленіемъ къ первому разряду; 15 октября 1856 года опредѣленъ на должность преподавателя словесности и латвискаго языка въ Харьковскую духовную семинарію; 3 октября 1873 года назначень на должность инспектора той же семинаріи съ 26 апрѣля 1899 года состоитъ вторымъ редакторомъ журнала «Вѣра и Разумъ».

Преподаватели:

Св. Писанія и еврейскаго языка—статскій совѣтникъ *Валентинъ Тимофеевичъ Леонтовичъ;* имѣеть ордена: Св. Стацислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст., въ 1865 году окончилъ курсъ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата; 9 октября 1865 года опредѣленъ на должность преподавателя Св. Писанія въ Харьковскую духовную семинарію.

Церковной исторіи, исторія Русской церкви и библейской исторіи—статскій совѣтникъ *Алексій Ѳедоровичъ Вертеловскій;* имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 21 іюня 1873 года преподавателемъ латвискаго языка въ Харьковскую духовную семинарію, 5 декабря того же года перемѣщенъ на кафедру церковной исторіи.

Гражданской исторіи—статскій совѣтникъ *Степанъ Николаевичъ Пономаревъ;* имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст.; по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 17 іюня 1875 года смотрителемъ въ Новгородъ-Сѣверское духовное училище; 17 ноября 1876 года перемѣщенъ на должность смотрителя въ Харьковское духовное училище; 1 іюля 1878 года пере-

мѣщенъ на должность преподавателя гражданской исторіи въ Харьковскую духовную семинарію.

Философіи, психологіи, логики и дидактики—статскій совѣтникъ *Николай Николаевичъ Страховъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 27 сентября 1876 года на должность преподавателя философіи, психологіи и педагогикъ въ Харьковскую духовную семинарію; 14 октября 1896 г. утвержденъ въ степени магистра богословіи.

Математики, физики и пасхалии—статскій совѣтникъ *Иванъ Викторовичъ Кудревичъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.; по окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ по физико-математическому факультету со степенью кандидата, опредѣленъ 5 ноября 1877 года на должность преподавателя физико-математическихъ наукъ въ Харьковскую духовную семинарію; съ 15 августа 1887 состоитъ Секретаремъ Правленія Семинаріи.

Греческаго и вѣмецкаго языковъ—статскій совѣтникъ *Семенъ Петровичъ Ооменко*; имѣеть ордена Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.; въ 1877 году окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи со степенью кандидата; 17 февраля 1878 года опредѣленъ на должность преподавателя греческаго языка въ Харьковскую духовную семинарію; съ 18 сентября 1884 года состоитъ членомъ и дѣлопроизводителемъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Греческаго языка—статскій совѣтникъ *Михаилъ Васильевичъ Добронравовъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 1 августа 1880 года преподавателемъ греческаго языка въ Харьковскую духовную семинарію.

Гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей—статскій совѣтникъ *Сергій Васильевичъ Булаковъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 2 сентября 1883 года учителемъ русскаго языка въ Тульское духовное училище; 1 іюня 1884 года перемѣщенъ на должность преподавателя Харьковской духовной семинаріи.

Словесности и исторіи русской литературы—статскій совѣтникъ *Николай Сергѣевичъ Протопоповъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 3 сентября

1884 года учителемъ латинскаго языка въ Московское Донское духовное училище; 14 марта 1887 года перевѣщенъ на должность учителя русскаго языка въ Звенигородское духовное училище; 3 декабря того же года опредѣленъ преподавателемъ въ Харьковскую духовную семинарію.

Исторіи и обличенія раскола и обличительнаго богословія—статскій совѣтникъ *Иосифъ Клавдіевичъ Корниенко*; имѣеть ордена: Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 2 сентября 1887 г. преподавателемъ въ Харьковскую духовную семинарію.

Латинскаго языка—статскій совѣтникъ *Николай Васильевичъ Голинъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, состоялъ съ 14 октября 1887 года преподавателемъ русскаго языка въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ; 6 іюня 1891 года назначенъ на должность преподавателя латинскаго языка въ Харьковскую духовную семинарію.

Богословія догматическаго, основнаго и нравственнаго и французскаго языка—надворный совѣтникъ *Константины Николаевичъ Сильченковъ*; имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, состоялъ съ 15 августа 1893 г. профессорскимъ степендіатомъ при этой академіи; 17 февраля опредѣленъ на должность преподавателя Харьковской духовной семинаріи; 3 января 1896 года утвержденъ въ степени магистра богословія.

Латинскаго языка—коллежскій ассесоръ *Василій Васильевичъ Логиновъ*; окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи въ 1894 году со степенью кандидата; 29 іюня 1895 года опредѣленъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, 21 октября 1899 года перевѣщенъ на должность преподавателя той же Семинаріи.

Учитель церковнаго пѣнія и музыки *Николай Михайловичъ Ковинъ*; по окончаніи курса въ Московскомъ Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія въ 1896 году, опредѣленъ на должность учителя церковнаго пѣнія въ Харьковскую духовную семинарію.

Помощники Инспектора Семинаріи:

а) Дѣйствительный студентъ духовной академіи *Леонидъ Михайловичъ Багрецовъ*; окончилъ курсъ въ Московской духовной

академіи въ 1898 году; опредѣленъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи 15 октября 1899 года.

б) Кандидатъ богословія *Сергій Ивановичъ Чистосердовъ*; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата опредѣленъ 18 января 1899 года на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи.

Духовникъ Семинаріи священникъ *Сергій Моисеевичъ Посельскій*; по окончаніи курса въ Харьковской духовной семинаріи съ званіемъ студента, состоялъ съ 20 сентября 1887 года надзирателемъ Сумскаго духовнаго училища; 19 февраля 1895 года опредѣленъ на мѣсто священника въ село Краснополье, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской епархіи, откуда 21 сентября того же года перемѣщенъ въ село Павловки, Сумскаго уѣзда; 28 августа 1897 года опредѣленъ на должность духовника въ Харьковскую духовную семинарію и законоучителемъ образцовой школы при сей семинаріи.

Врачъ Семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Василій Александровичъ Рубинскій*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст.; и Св. Владиміра 4 ст., окончилъ курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ въ 1872 году по медицинскому факультету со степенью лекаря; 14 января 1875 года опредѣленъ врачомъ при Харьковскомъ духовномъ училищѣ; 6 октября 1898 года опредѣленъ на должность врача при Харьковской духовной семинаріи.

Экономъ Семинаріи, имѣющій права канцелярскаго служителя III разряда, *Адрианъ Назаровичъ Емько*; обучался въ 3 Харьковскомъ приходскомъ училищѣ; съ 1 декабря 1885 года состоялъ учителемъ токарнаго ремесла въ Харьковскомъ ремесленномъ училищѣ; 3 іюля 1889 года допущенъ къ исправленію обязанностей эконома при Харьковской духовной семинаріи; 13 мая 1898 года, съ Высочайшаго соизволенія, утверждень въ сей должности.

Почетный блюститель по хозяйственной части Семинаріи Харьковскій 1-й гильдіи купецъ потомственный почетный гражданинъ *Иванъ Кирилловичъ Величенко*; имѣеть ордена Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.

Учитель Гимнастики,—поручикъ 122 пѣхотнаго Тамбовскаго полка *Николай Ивановичъ Гнѣдичъ*, гимнастикѣ обучаетъ воспитанниковъ семинаріи съ 11 сентября 1897 года.

Репетиторы—надзиратели Семинаріи:

а) Студентъ семинаріи *Димитрій Ивановичъ Басовъ-Бобковъ*; окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1897 году; въ должности надзирателя состоитъ съ 27 августа того же года.

б) Студентъ семинаріи *Михаилъ Анатоліевичъ Номеранцевъ*; по окончанію курса въ Курской духовной семинаріи въ 1899 году опредѣленъ на должность репетитора—надзирателя Харьковской духовной семинаріи.

Учителя образцовой школы:

а) Діаконъ *Георгій Димитріевичъ Олейниковъ*; по окончаніи курса въ Волчанской учительской семинаріи въ 1882 году, состоялъ учителемъ въ народныхъ школахъ Харьковской губерніи; въ настоящей должности съ 22 сентября 1887 года.

б) Діаконъ *Захарій Федоровичъ Кандыба*; по окончаніи курса въ Бѣлгородской учительской семинаріи въ 1887 году состоялъ учителемъ въ народныхъ школахъ Харьковской губерніи; въ настоящей должности состоитъ съ 10 ноября 1899 года.

Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.

Смотритель училища—Снегиревъ Александръ Алексѣевичъ, ст. сов., кандидатъ Казан. дух. акад. 1874 г., 11 іюля 1874 г. преподав. Харьк. дух. сем., 5 ноября 1887 г. смотритель училища.

Помощникъ смотрителя—Левитскій Іоаннъ Іоанновичъ прот. Студ. Харьк. дух. сем. 1859 г., 31 января 1860 г. священникъ г. Лебедина, Харьк. губ., 10 ноября 1873 г. учитель Закона Божія при Харьк. дух. учил., 28 ноября 1873 г. помощникъ смотрителя.

Преподаватели:

Русск. и церк.-слав. языковъ во II—IV кл. Евецкій Иванъ Александровичъ, ст. сов. канд. Кіевск. дух. акад. 1883 г., 23 декабря 1883 г. препод. Черкаскаго дух. учил., 10 августа 1884 г. препод. Харьк. дух. училища.

Русск. и церк.-слав. языковъ въ I кл. Коротковъ Сергѣй Гавриловичъ, не им. чин., канд. С.-Петербур. дух. акад. 1897 г., 1 января 1898 г. надз.-репет. Харьк. дух. училища, 27 августа 1899 г. препод. русск. и церк.-слав. языковъ при томъ-же училищѣ.

Латинскаго языка—Булгаковъ Иванъ Васильевичъ надв. сов., канд. Московск. дух. акад. 1895 г., 3 августа 1895 г. препод. русск. и церк.-слав. языковъ I клас. Харьк. дух. училища, 27 августа 1899 г. препод. латин. языка при томъ-же училищѣ.

Греческаго языка—Марченко Владиміръ Васильевичъ, надв. сов., студ. Харьк. дух. семинаріи 1879 г., 15 августа 1879 г. надз.-реп.

Харьк. дух. училища, 2 октября 1880 г. препод. греческ. языка
Харьк. дух. училища.

Географіи и арифметики—Пономаревъ Василій Арсеньевичъ, ст. сов., канд. Кіевск. дух. акад. 1883 г., 23 октября 1883 г. помощн. инспект. Харьк. дух. семина., 1 августа 1894 г. препод. географіи и арифмет. Харьк. дух. училища.

Церковнаго пѣнія и музыки—Лобковскій Александръ Алексѣевичъ, свящ., студ. Харьк. дух. семина. 1893 г., 1 ноября 1897 г. учпт. пѣнія и муз. при Харьк. дух. училищѣ.

И. д. учителя приготов. клас.—Ляхницкій Иванъ Васильевичъ, колл. асс., восп. Харьк. дух. сем. 1885 г., 14 сентября 1887 г. надз.-реп. Харьк. дух. учил., 18 іюля 1891 г. и. д. учпт. пригот. клас. при томъ-же училищѣ.

Надзиратели:

- IV класса Поповъ Григ. Филпп., студ. Харьк. дух. сем.
III „ Дьяковъ Ал-ръ Григ., окон. курсъ С.-Пет. дух. акад.
II „ Лобковскій Ив. Вас., студ. Харьк. дух. сем.
I „ Шкорбатовъ Ник. Ник., студ. Харьк. дух. сем.
Пригот. клас. Соколовъ Вал. Петр., восп. Харьк. дух. сем.

Списокъ воспитаницъ приготовит., первыхъ, вторыхъ, третьихъ, четвертыхъ, пятыхъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 18⁹⁹/₉₀₀ учебный годъ, и утвержденный Его Преосвященствомъ 2 іюня 1900 года.

Приготовительнаго класса.

а) Удостоены перевода въ первый классъ.

1. Александрова Марія, Антоновская Евдокія, Башинская Марія, Васильева Александра, 5. Венедиктова Марія—нагр. похв. листомъ, Вейсе Юлія, Вейсе Антоивна, Грекова Евдотерина, Грекова Людмила, 10. Дегтяренко Екатерина, Дикарева Ольга, Дзюбанова Елена, Зиньковская Елена, Ильина Евгения, 15. Кирпллова Зоя, Кирѣва Марія—нагр. похв. листомъ, Коваленко Валентина—нагр. похв. листомъ, Котляревская Елпсавета, Косьмина Любовь, 20. Кремповская Елена, Крохатская Наталія, Крушедольская Анна, Лисенковская Зинаида, Логвинова Анна, 25. Любарская Клавдія, Любинская Аполлинарія, Лядская Александра, Миссюрина Надежда—нагр. похв. листомъ, Несторенко Антонина, 30. Ничкевичъ Анна, Павловская Ксесія—нагр. похв. листомъ, Петрусенко Викто-

рія, Пономарева Александра, Попова 1-я Анна, 35. Попова 2-я Антонина—нагр. похв. листомъ, Протопопова Евгенія, Руднева Агриппина, Рыбалова Анна, Стефанова Неонпла, 40. Соболева Екатерина, Томашевская Евгенія, Тимоеева Анна, Твердохлѣбова Галина, Торанская Марія, 45. Труфанова Евлампія, Филевская Елисавета—нагр. похв. листомъ, Филиппова Евгенія, Чернявская Екатерина, Шиплова Александра, 50. Шокотова Анна, Юшкова Наталія, Яблоновская Елена, Ястремская Лидія—нагр. похв. лист., Ѳедорова Марія, и 55. Ѳедоровская Лидія—нагр. похв. листомъ.

б) Будутъ переведены въ первый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Васильковская Олимпіада—по русск. яз.,—Крыжановская Таисія, Попова 3-я Варвара—по арифметикѣ; *Ковалевской Аннѣ*, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ, по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

в) Остаются въ пригот. классъ на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

60. Сулима Антонина и Хорошкова Наталія.

Перваго нормальнаго класса.

а) Удостоены перевода во второй классъ.

1. Антонова Антонина—нагр. похв. лист., Брайловская Анастасія, Ведринская Анимаисія, Ветухова Анна, 5. Гетманъ Зинаида, Горбунова Меланія, Грызодубова Марія, Добрецкая Елисавета, Донченко Варвара, 10. Евфремова Анна, Жуковская Тамара, Иванова Надежда, Лиманская Елисавета, Литовкина Марія, 15. Лонгинова Антонина, Мазанкина Вѣра—нагр. похв. лист., Макаровская Варвара, Мельникова Ольга, Мураховская Евфросинія, 20. Никулищева Марія, Петрусенко Анна, Пряходькова Вѣра, Протопопова Зинаида, Попова Екатерина, 25. Раевская Елена—нагр. пох. лист., Рубинская Вѣра, Рубинская Анастасія, Сапухина Екатерина, Сидорова Анастасія, 30. Сильванская Ольга, Сокологорская Елена, Ставрова Іулія, Сукачева Серафима, Троицкая 1-я Анна, 25. Троицкая 2-я Анна, Турбина Варвара—нагр. пох. лист., Фрейснеръ Надежда, Чугаева Антонина—нагр. пох. лист., Шапошникова Лидія, 40. Туранская Анастасія, Шосте Надежда, Шопина Марія, Ѳедорова Анна и Ѳедоровская Анна.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

45. Булгакова Дарія—по Зак. Божію. Щеголева Анна по русск. яз. *Капустянской Евгеніи*, какъ не державшей экзамена по всѣмъ

предметамъ, по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

в) Оставляются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

Попова Вѣра и Пантеленмонова Екатерина.

г) Оставляется въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца.

50. Григоровичъ Марія.

д) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища по болѣзни.
Оржельская Вѣра.

Перваго параллельнаго класса.

а) Удостоены перевода во второй классъ.

1. Васютинская Лидія, Ганжа Александра, Гладкова Раиса, Дикарева Евгенія, 5. Дюкова Екатерина—нагр. похв. лист., Жебунева Раиса, Жукова Викторія, Захарова Елена, Касьянова Анастасія, 10. Квиріанова Марія, Клячнова Наталія, Копѣйчикова Александра, Куницына Валентина—нагр. пох. лист. Любичкая Марія, 15. Навродская Ольга, Насѣдкина Валентина, Николаевская Олимпиада, Павлова Ксенія, Попова Ольга, 20. Прокоповичъ Надежда, Раевская Марія, Рубинская Людмила, Спѣсивцева Людмила, Старченко Марія—нагр. пох. лист., 25. Степурская Тапсія, Труфанова Антонина—нагр. пох. лист., Царевская Варвара, Чебанова Раиса, Черепахина Зинаида, 30. Чиркина 1-я Марія, Чиркина 2-я Евдокія, Чулкова Марія, Шебатинская Раиса, Шемьгонова Ольга, 35. Яновская Ольга и Оедорова Евгенія.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Краснокутская Анна—по Зак. Божію, Пономарева Татіана—по русск. языку, Кульша Матрона—по арифмет., 40. *Краснопольской Татіанъ*, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ, по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

в) Оставляются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

Васильева Александра, Власовская Анна, Павловская Неонила, Мартынова Анастасія, 45. Роговенко Ольга.

г) Оставляются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ родителей.

Иванова Елисавета, Попова 1-я Анна, Сильванская Александра и Сорокина Наталія.

Второго нормальнаго класса.

а) Удостоены перевода въ третій классъ.

1. Андреевкова Елена, Бѣляева Марія—нагр. пох. листомъ, Григорьева Олимпиада, Дракина Раиса, 5. Жуковская Антонина, Иванова Надежда, Калюжная Марія, Климентова Елена, Коваленко Марія—нагр. пох. лист., 10. Крестовникова Ольга—нагр. пох. лист., Кузьменко Лидія, Луценко Лидія, Македонская 1-я Александра, Македонская 2-я Софья, 15. Мальцева Вѣра, Мансурова Ольга, Матвѣева 1-я Александра, Матвѣева 2-я Барвара, Метвицкая Марія, 20. Москалева Евгенія, Николаевская Ольга, Петина Анна, Петрусенко 1-я Ларисса—нагр. пох. лист., Петрусенко 2-я Елена. 25. Пономарева 1-я Марія (Геор.), Семейкина Марія, Соболева Евдокія, Шошина Анна, Ѳаворова Марія, 30. Ѳедоровская Елена и Подлущкая Ольга переводится безъ экзамена.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Крыжановская Анастасія, Мартынова Елена—по русск. языку, Маслова Лидія—по ариѳметикѣ, 35. Пономарева 2 Марія (Андр.)—по географіи, Ѳедорова Марія—по ариѳметикѣ.

в) Остаются во второмъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

Артюховская Вѣра, Григорьевская Антонина, Касьянова Ольга, 40. Несторенко Наталія и Тятова Лидія.

Второго параллельнаго класса.

а) Удостоены перевода въ третій классъ.

1. Антоновичъ Наталія, Бородаева Евдокія, Буткова Евдокія—награждена похв. листомъ, Бѣляева Раиса, 5. Василевская 1-я Марія, Василевская 2-я Неоніла, Вербницкая Лидія, Гладкова Елена, Грекова Домника, 10. Григоросуло Софья, Грузова Гали, Дорошенко Нина, Давидовичъ Вѣра, Жадановская Ксеіія, 15. Знаменская Екатерина, Капустина Антонина, Квитницкая Клавдія, Кирше Александра, Кіяновская Татіана—нагр. похв. листомъ, 20. Кравцова Анна, Крыжановская Валерія, Любарская Надежда, Маслова Антонина, Машина Леонила, 25. Николаевичъ Валентина, Попова Лидія, Скъярова Марія, Хижнякова Марія, Ходская Евгенія, 30. Червонецкая Анна—нагр. похв. листомъ, Эллинская Елена, Ярцева Александра, Ястремская Марія, Ѳедорова Анна, 35. Ѳедюшина Валентина.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Андреева Лидія, Буханенко Людмила—по ариѳметикѣ, Константинова Анна, Шишлова Антонина, 40. Ѳедоровская Валентина—по русск. яз., Мещерская Зинаида, Щелоковская Лидія—по славянск. яз. в русск. яз.

Третьяго нормальнаго класса.

а) Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Андреевкова Евфросинія—нагр. пох. лист., Бобина Ксенія, Богословская Серафима, Брезецкая Зинаида, 5. Быковцева Вѣра, Бѣляева Марія, Ветухова Елена, Горавна Елена, Доброницкая Марія, 10. Квятковская Евгения, Кокушкина Раиса, Корнутаенко Анна, Леонтьева Елисавета—нагр. пох. лвт., Могилянская Тавсія, 15. Мураховская Таисія, Нечаева Анна, Някулищева Варвара, Петровская Зинаида—нагр. пох. лист. и нотами за отличн. успѣх. по музыкѣ, Пономарева Варвара, 20. Попова Анна—нагр. пох. лист., Раевская Александра, Ревская Ларисса, Руденко Раиса, Самойлова Елисавета, 25. Соколовская Софья, Страхова Вѣра, Строевская Евдокія, Сулима Александра, Тимоѳеева Олимпіада, 30. Школьніцкая Надежда, Эннатская Дарія, Ярцева Любовь, Ѳедорова Анастасія и 35. Любарская Анна переводится безъ экзамена.

б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Платонова Софья—по славянск. яз., Веселовская Александра, Войтова Марія—по ариѳмет.

в) Оставляются въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

Михайловская Марія, 40. Макаровская Анна, Генеvская Елена и Сергѣева Елена.

Третьяго параллельнаго класса.

а) Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Алексѣева Марія, Бахметьева Екатерина, Богданова Марія, Бѣляева Викторина, 5. Власова Евгения, Войтова Елисавета, Ганжа Ольга, Ганжа Лидія, Греввизирская Марія, 10. Грекова Елена, Евецкая Варвара, Житецкая Ольга, Жуковская Марія, Иваницкая Анна, 15. Кохановская Лидія, Кремьянская Наталія, Любарская Софья, Николаевская Марія, Оглоблина Надежда, 20. Петрова Ольга, Попова 1-я Варвара, Попова 2-я Марія, Попова 3-я Алек-

саидра, Пономарева Θεодосія, 25. Полинская Анастасія, Протопова Марія, Приходина Лидія, Сидорова Анисія, Сильванская Александра, 30. Синельникова Ольга, Синельникова Зинаида, Соболева Марія, Ставицкая Людмила, Толмачева Анна, 35. Филевская Татіана и Θεодоровская Наталія.

б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Скрыжеева Наталія—по славянск. языку, Анисимова Любовь—по сочиненію, Григорьева Марія—по русск. языку, 40. Кунцына Вѣра—по соч. и геогр., Воронцова. Екатерина—по ариѳмет. в славянск. языку.

Краснопольской Целогіи, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

в) Оставляется въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

Θомина Клавдія.

Четвертаго нормальнаго класса.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Будянская Любовь, Булгакова Александра—нагр. пох. лист., Быкова Анна, Веселовская Серафима, 5. Грягоровичъ Надежда, Дементьева Елена—нагр. пох. лист., Дзюбанова Анна, Дзюбанова Наталія, Жукова Елена нагр. похв. лист., 10. Знаменская Ольга, Иванова Надежда, Иннокова Вѣра, Калашникова Анна, Касьянова Анна, 15. Кирше Марія, Краснокутская Софья, Кустовская Ларисса, Лонгинова Ольга—нагр. пох. лист., Луценко Зинаида, 20. Медяникъ Александра, Мухина Александра, Насѣдкина Нина, Пономарева Клавдія, Попова Евгенія, 25. Соболева Марія, Сиѣсивцева Елена, Степурская Елена—нагр. пох. лист., Стефановская Евдокія, Страхова Зоя, 30. Сукачева Дарія, Туранская Любовь, Черняева Ольга, Шишлова Клавдія, Яновская Анна, 35. Ястремская Евгенія, Θεодорова Александра и Θεодоровская Александра.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Мухина 2-я Зоя—по славянск. яз., Торанская Елена—по сочиненію, 40. Богославская Антонина и Сапухина Зинаида—по русск. языку.

Четвертаго параллельнаго класса.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Антонова Марія—нагр. пох. лист., Архангельская Нина, Бородаева Марія, Букиничъ Александра, 5. Васютинская Анна, Власовская Марія—нагр. пох. лист., Григоросуло Варвара—нагр. пох. лист., Измайлова Клавдія, Кириллова Лидія, 10. Кузьменко Александра, Куницына Варвара, Лашина Евгенія, Малиженовская Марія—нагр. пох. лист., Мальцева Елена—нагр. пох. лист. и нотами за отличные успѣхи по музыкѣ, 15. Мухина Лидія, Невструева Анастасія—нагр. пох. лист., Несторенко Елена, Николаевичъ Анастасія, Панкратьева Варвара, 20. Ппроженко Александра, Попова 1-я Александра, Попова 2-я Марія, Проценко Лидія, Раевская Варвара, 25. Роменская Евгенія, Рубинская Пелагія, Самойлова Пелагія, Снѣсаревская Ольга, Сѣрая Зинаида, 30. Торанская Софья—нагр. пох. лист., Твердохлѣбова Ольга и Трегубова Зинаида.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Васютинская Валентина, Горбунова Александра, 35. Красновутская Θεоктиста, Савельева Елена—по сочиненію, Щеголева Марія—по географіи, Баженова Лидія—по русск. языку, сочин. в исторіи.

Пятаго нормальнаго класса.

а) Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Алѣйникова Анна, Антонова Зинаида, Базилевичъ Ангелина, Васильковская Клавдія, 5. Ведринская Ларвсса—нагр. нотами, Виноградова Антонина, Дикарева Матрона, Знаменская Антонина, Ивановна 1-я Антонина, 10. Ильина Анна, Ильинская Марія, Крохатская Ольга, Ладухина Людмила, Леонтовичъ Анна—нагр. пох. лист., 15. Любарская Марія, Мухина Анна, Никулищева Александра, Петровская Параскева, Понировская Лидія—нагр. пох. лист., 20. Рубинская Юлія, Сильванская Анна, Смирнова Софья—нагр. пох. лист., Фенева Елена, Филиппова Анна, 25. Яковлева Екатерина, Фаворова Анастасія, Федорова 1-я Ольга, Федорова 2-я Надежда.

б) Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Иванова 2-я Зинаида—по словесности и физикѣ, 30. Козьменко Александра, Шемигонова Марія—по дидактикѣ, Попова Антонина, Сѣдашова Марія—по ариѳметикѣ, Тихоцкая Зинаида—по географіи,

35. *Павловой Клавдіи*, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

в) *Оставляется въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по малоустыжности.*

Юдвичъ Глафира.

г) *Оставляется въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца по болѣзни.*

Вербницкая Галина.

Пятаго параллельнаго класса.

а) *Удостоены перевода въ шестой классъ.*

1. Бажулова Марія, Вишнякова Елена, Давилова Елена, Закрицкая Марія, 5. Измайлова Александра, Клевенская Елена, Ливадная Параскева—нагр. пох. лист., Медяникъ Павлина, Мигулина Вѣра, 10. Минченко Елена, Николаевская Нина, Петрова Александра, Полтавцева Дарія, Полянская Евдокія, 15. Равшевская Марія, Рубинская Олимпіада, Титова Елена, Тугаринова Лидія, Филевская Автомина, 20. Хижнякова Анна—нагр. нотами, Чугаева Анна, Шейко Автомина и Фоменко Анна.

б) *Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.*

Еллинская Софья—по исторіи, 25. Жукова Лидія, Поморцева Наталія—по сочиненію, Сумская Татіана—по русск. яз., Титова Агнія, Чиркина Анастасія—по географіи, 30. Черняева Марія, Федоровская Елисавета—по арифметикѣ.

в) *Оставляется въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по малоустыжности.*

Прокоповичъ Любовь.

г) *Увольняется изъ числа воспитанницъ училища.*

Сапухина Елена.

Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіального женскаго училища за 18⁹⁹/₉₀₀ учебный годъ.

1. Въ 18⁹⁹/₉₀₀ учебномъ году Совѣтъ Училища составляли: а) Предсѣдатель Совѣта Училища, профессоръ Богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ магистръ Богословія, протоіерей Тимоѳей Буткевичъ, б) Начальница училища, окончившая курсъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка дѣвица Евге-

нія Николаевна Гейцыгъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Іоаннъ Котовъ, г) Члены Совѣта отъ духовенства: священникъ Николай Любарскій и священникъ Павелъ Тимошеевъ; д) почетная попечительница училища, жена дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Дарія Діевна Оболевская и и. д. почетный блюститель по Хозяйственной части училища потомственный почетный гражданинъ Николай Осиповичъ Лещинскій.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было шесть нормальныхъ классовъ, подготовительный классъ, шесть параллельныхъ отдѣленій: въ первомъ, второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ и шестомъ классахъ и одна образцовая церковно-приходская школа.

3. Учебный персоналъ состоялъ: изъ 19-ти преподавателей, 14 учительницъ, 13 старшихъ воспитательницъ, 13 младшихъ воспитательницъ и одной учительницы образцовой церковно-приходской школы.

4. Къ началу занятій 18⁹⁹/₉₀₀ учебнаго года въ училищѣ числилось 466 воспитанницъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1899 года, по журнальному опредѣленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, принято вновь въ число воспитанницъ училища 110 дѣвицъ, именно: въ пригот. кл.—60, въ первый—38; во второй—4; въ третій—5; въ IV—1, V—2 воспитанницы.

Вслѣдствіе этого 18⁹⁹/₉₀₀ учебный годъ начался при пятистахъ семидесяти шести (576) воспитанницахъ, которыя по классамъ распредѣлены были такъ:

Въ пригот. кл. 66 восп., въ I норм. кл. 52 восп., въ I парал. кл. 51 восп., во II норм. кл. 42 восп., во II парал. кл. 44 восп., въ III норм. кл. 43 восп., въ III парал. кл. 45 восп., въ IV норм. кл. 41 восп., въ IV парал. кл. 40 восп., въ V норм. кл. 42 восп., въ V парал. 34 восп., въ VI норм. кл. 37 восп., въ VI парал. кл. 39 восп. Итого: во всѣхъ классахъ 576 воспитанницъ.

5. Въ теченіе 189⁹/₉₀₀ учебнаго года принята была въ число воспитанницъ училища 1 дѣвица во III парал. классъ.

Въ отчетномъ учебномъ году выбыло изъ училища двадцать одна воспитанница (21), а именно:

Изъ подготовит. класса 5 восп., изъ I норм. кл. 1 восп., изъ I парал. кл. 2 восп., изъ II норм. кл. 1 восп., изъ II парал. кл. 1 восп., изъ III норм. кл. 1 восп., изъ III парал. кл. 2 восп., изъ IV парал. кл. 2 восп., изъ V норм. кл. 5 восп., изъ V парал. класса 1 воспитанница.

6. Къ началу годовыхъ испытаній въ училищѣ воспитанницъ числилось: въ подготов. классѣ 61 восп., въ I норм. клас. 61 восп., въ I парал. кл. 49 восп., во II норм. кл. 41 восп., во II парал. кл. 44 восп., въ III норм. кл. 42 восп., въ III парал. кл. 43 восп., въ IV норм. кл. 41 восп., въ IV парал. кл. 38 восп., въ V норм. кл. 37 восп., въ V парал. кл. 33 восп., въ VI норм. кл. 37 восп., въ VI пар. кл. 39 воспитанницъ. Итого во всѣхъ классахъ 556 воспитанницъ.

7. Послѣ годовыхъ испытаній, произведенныхъ къ маѣ и июнѣ мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію училищнаго совѣта отъ 2 іюня н. г.

а) Удостоены перевода въ слѣдующіе классы.

Изъ пригот. кл. въ I кл. 55 восп., изъ I норм. во II кл. 44 восп., изъ I парал. кл. во II кл. 36 восп., изъ II норм. кл. въ III кл. 31 восп., изъ II парал. кл. въ III 35 восп., изъ III норм. кл. въ IV кл. 35 восп., изъ III парал. кл. въ IV кл. 36 восп., изъ IV норм. кл. въ V кл. 37 восп., изъ IV пар. кл. въ V кл. 32 восп., изъ V норм. кл. въ VI кл. 28 восп., изъ V пар. кл. въ VI кл. 23 воспитанницы.

б) Оставлено въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей и малоуспѣшности 27 воспитанницъ.

в) *Пятидесяти семи воспитанницамъ*, не державшимъ экзаменовъ по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, равно какъ и получившимъ неудовлетворительныя отмѣтки по нѣкоторымъ предметамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію и передержкѣ экзаменовъ послѣ канкулъ: въ подготовит. кл. 4 восп., въ I норм. кл. 3 восп., въ I парал. кл. 4 восп., въ II норм. кл. 5 восп., въ II парал. кл. 7 восп., въ III норм. кл. 3 восп., въ III пар. кл. 6 восп., въ IV норм. кл. 4 восп., въ IV пар. кл. 6 восп., въ V норм. кл. 7 восп., въ V парал. кл. 8 восп.

г) Уволено изъ числа воспитанницъ училища по просьбамъ родителей и по малоуспѣшности—3 воспитанницы.

д) Окончили полный курсъ училища 75 воспитанницъ, которымъ, на основаніи III § Устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

8. Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ за отличные успѣхи и благо-

нравіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами въ прѣгот. кл. 9 восп., въ I норм. кл. 4 восп., въ I парал. кл. 4 восп., въ II норм. кл. 4 восп., во II парал. кл. 3 $\frac{1}{2}$ восп., въ III норм. кл. 4 восп., въ III парал. кл. 7 восп., въ V норм. кл. 2 восп., въ V парал. кл. 1 восп., въ VI норм. кл. 18 восп., въ VI парал. кл. 14 вос.

Списокъ воспитанницамъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами. 4 іюня 1900 г.

Приготовительнаго класса.

1. Венедиктова Марія, Кирѣева Марія, Коваленко Валентина, Миссюрива Надежда, 5. Павловская Ксенія, Попова 2-я Антонина, Филевская Елисавета, Ястремская Лидія и Ѳедоровская Лидія.

Перваго нормальнаго класса.

1. Мазанкина Вѣра, Раевская Елена, Турбина Варвара, Чугаева Антонина.

Перваго параллельнаго класса.

1. Дюкова Екатерина, Куницына Валентина, Старченко Марія, Труфанова Антонина.

Втораго нормальнаго класса.

1. Бѣляева Марія, Коваленко Марія, Крестовникова Ольга, Петрусенко 1-я Ларисса.

Втораго параллельнаго класса.

1. Буткова Евдокія, Кіяновская Татіана, Червонецкая Анна.

Третьяго нормальнаго класса.

1. Андрееenkova Евфросинія, Леонтьева Елисавета, Петровская Зинаида, Попова Анна.

Четвертаго нормальнаго класса.

1. Булгакова Александра, Дементьева Елена, Жукова Елена, Лонгинова Ольга, 5. Степурская Елена.

Четвертаго параллельнаго класса.

1. Антонова Марія, Власовская Марія, Григоросуло Варвара, Малиженковская Марія, 5. Мальцева Елена, Невструева Анастасія, Торанская Софья.

Пятаго нормальнаго класса.

1. Поцировская Лидія, Смирнова Софья.

Пятаго параллельнаго класса.

Ливадная Параскева.

Списокъ воспитаницъ VI классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благонравіе, награждаются книгами, юня 4 дня 1900 года.

Шестого нормальнаго класса.

1. Бортникова Елена, Буткевичъ Елена—нагр. книг. и нот. за отличн. усп. по муз., Бѣлкова Татіана—нагр. книг., Васильева Анна—нагр. книг., 5. Вербицкая Зинаида—нагр. книг., Грекова Марія—нагр. книг., Григоросуло Татіана, Еллинская Александра, Калюжная Анна—нагр. книг., 10. Климентова Наталія, Корнильева Дарія—нагр. нот. за отл. усп. по муз., Коханова Анна, Кохановская Евгенія—нагр. книг., Краснокутская Ольга—нагр. книг., 15. Крохатская Любовь, Лаврова Софья—нагр. книг., Лопгннова Надежда—нагр. нот. за отл. усп. по муз., Любарская Анна—нагр. книг., Навроцкая Анастасія—нагр. книг., 20. Николаевичъ Клавдія—нагр. книг., Полтавцева Анна, Пономарева Зинаида, Попова 1-я Елена, Попова 2-я Вѣра, 25. Прокоровичъ Марія, Самойлова Александра, Сидорова Елена, Созоптьева Елена—нагр. книг., Соколовская Валентина, 30. Стеллецкая Софья—нагр. книг., Стояновичъ Надежда—нагр. книг., Шевцова Марія—нагр. книг., Шиплова Раиса, Янзень Екатерина—нагр. книг. и нот. за отл. усп. по муз., 35. Ястремская Елисавета, Ѳеденко Инна—нагр. книг.

Шестого параллельнаго класса.

1. Андрееenkova Анна, Бородаева Елена, Булгакова Марія—нагр. книг. и нот. за отл. усп. по муз., Буткова Елена, 5. Василевская Ольга, Васильковская Марія, Васютинская Марія, Власова Марѳа, Войтова Викторія—нагр. книг. и нот. за отл. усп. по муз., 10. Вышемірская Марія—нагр. книг., Грекова Александра—нагр. книг., Григоровичъ Зинаида, Губская Клавдія, Дьякова Платонида, 15. Еварницкая Анна—нагр. книгою и нотами за отличные успѣхи по музыкѣ, Карташевская Евгенія, Колесникова Варвара, Краснокутская Параскева—нагр. нотами за отличные успѣхи по музыкѣ, Куницына Ольга, 20. Кунчинская Марія, Куруханова Раиса, Люминарская Софья, Макухина Марія, Маслоva Агнія—нагр. книгою, 25. Морозова Лидія, Мураховская Евдокія, Оглоблина Вѣра, Одицова Вѣра—нагр. книгою, Оржельская Марія, 30. Орлова

Евдокія—нагр. книгою, Сенявина Ксенія, Старченко Апастасія—нагр. книгою, Трудестова Людмила, Тычинина Наталія—нагр. книгою, 35. Флейснеръ Александра—нагр. книгою. Хомовская Антонина—нагр. книгою. Чмилевская Юлія—нагр. книгою, Шебатинская Евлампія и Ѳедоровская Елена—нагр. книгою.

Увольняется изъ числа воспитанниковъ VI класса по просьбѣ отца, по болѣзни.

Остроумова Вѣра.

Примѣчаніе. Аттестаты двадцати одной свротѣ—окончившихъ курсъ училища Совѣтомъ имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляріи г. попечителя учебнаго округа, съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету, изъ спеціальныхъ училищныхъ средствъ.

Перезэкзаменовка во всѣхъ классахъ училища Совѣтомъ училища назначены на 8 августа, а пріемныя экзамены для поступленія въ училище въ подготовит., 1-й и въ остальные классы на 9 и 10 Августа н. г.

Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1899—1900 учебный годъ.

IV класса.

Разрядъ 1. Наумовъ Николай—награждается деньгами изъ капитала протоіерея В. Никольскаго, Хорошковъ Николай, Рудинскій Алексѣй, Быковцевъ Григорій, 5. Добрецкій Андрей.

Разрядъ 2. Крыжановскій Василій, Ѳедоровъ Сергѣй, Хижняковъ Михайлъ, Добрецкій Гавріиль, 10. Яновскій Дмитрій, Новомірскій Ѳедоръ, Дзюбановъ Андрей, Касьяновъ Стефанъ, Ступницкій Михайлъ, 15. Понировскій Алексѣй.

Получатъ свидѣтельства объ окончаніи курса, если удовлетворительно выдержатъ перезэкзаменовки, слѣдующіе воспитанники:

Потаповъ Иванъ—по русскому языку, Козачекъ Иванъ и Тригубовъ Ѳедоръ—по географіи, Поповъ Александръ—по географіи и греческому языку, 20. Торанскій Александръ и Черняговскій Павелъ—по русскому и греческому языкамъ.

Остаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Малиженовскій Леонидъ и Суховъ Петръ—по прошенію родителей; Коваленко Владиміръ—по малоуспѣшности.

Имѣютъ право держать экзаменъ по вѣсьмъ предметамъ послѣ каникулъ:

Артюховскій Николай, Сукачевъ Гавріиль.

III класса.

Переводятся въ IV классъ.

Разрядъ 1. Гревизирскій Константинъ—награждается книгой, Жмаревъ Иванъ, Проскурниковъ Павелъ.

Разрядъ 2. Грузовъ Гавріиль, 5. Владыковъ Сергѣй, Добрецкій Владиміръ, Чугаевъ Михаиль, Артюховскій Александръ, Горайнъ Григорій, 10. Бородаевскій Иванъ, Крыжановскій Иванъ, Семеновъ Александръ, Федоровъ Василій, Матвѣевъ Иванъ, 15. Сапухинъ Павелъ, Буткевичъ Сергѣй, Браиловскій Левъ, Ковтунъ Николай.

Назначаются къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена:

Запорожченко Александръ—по ариѳметикѣ, 20. Крохатскій Дмитрій, Яблоновскій Аркадій—по греческому языку, Новицкій Павелъ—по церковному пѣнію и русскому письменно, Ильинскій Сергѣй, Новомірскій Андрей—по ариѳметикѣ и русскому языку письменно, 25. Кузнецовъ Андрей—по греческому яз. и ариѳметикѣ; Торанскій Тихонъ—по ариѳметикѣ и русскому яз. устно и письменно; Новицкій Василій—по русскому и греческому языкамъ; Тугариновъ Николай—по церковному пѣнію, ариѳметикѣ, русскому яз. устно и письменно.

Остаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Браиловскій Владиміръ, 30. Веселовскій Автоній, Жербинъ Вадимъ, Краснокутскій Григорій, Николаевскій Василій, Шебатинскій Анатолий, Ястремскій Давіиль—по прошенію родителей. Рудинскій Василій, Чеховъ Александръ—по малолѣтности.

Имѣютъ право держать экзаменъ по вѣсьмъ предметамъ послѣ каникулъ.

Васплевскій Михаиль, 39. Рубинскій Николай.

II класса.

Переводятся въ III классъ.

Разрядъ 1. Шебатинскій Николай, Иващенко Сергѣй, Дмитриевъ Тимоѳей—награждаются книгами, Стефановъ Юсифъ. 5. Иващенко Николай, Горошко Стефанъ, Мигулинъ Александръ, Никитинъ Алексѣй.

Разрядъ 2. Рудинскій Иванъ, 10. Бородаевскій Николай, Федоровъ Михайлъ, Ладный Иванъ, Бѣлогорскій Владиміръ, Косаговскій Михайлъ. 15. Артюховскій Тимоѳей, Ивдутный Василій.

Назначаются къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена.

Авксентьевъ Антоній—по ариѳметикѣ, Поповъ Константинъ, Степурскій Александръ—по русскому яз. письменно, 20. Бондаренко Василій—по ариѳметикѣ и русскому яз. письменно, Бѣлогорскій Александръ—по церковному пѣнію, русскому яз. устно и письменно, Яблоповскій Георгій—по греческому, латинскому яз. и русскому письменно, Жуковскій Георгій—по латинскому яз. и русскому устно и письменно, Печкинъ Андрей—по церковному пѣнію, греческому и латинскому яз. и русскому письменно, 25. Тугариновъ Иванъ—по ариѳметикѣ и русскому яз. устно и письменно.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Еллинскій Иванъ, Поповъ Михайлъ, Рубинскій Евгений, Хижняковъ Владиміръ, 30. Черниговскій Николай—по прошенію родителей, Мянченко Лука, Самодаевъ Николай, Прокоповичъ Иванъ, Куксенко Николай, 35. Лободинъ Николай, Федоровскій Дмитрій—по малоуспѣшности.

Увольняются изъ училища по малоуспѣшности, какъ пробывшіе два года и получившіе больше двухъ неудовлетворительныхъ балловъ.

Романцовъ Евграфъ 38. Сапухинъ Александръ.

I класса.

Переводятся во II классъ.

Разрядъ 1. Любинскій Николай—награждается книгою, Емельяненко Александръ, Черниговскій Леонидъ, Пономаревъ Александръ, 5. Гриценко Дмитрій, Поповъ Николай—награждаются книгою, Федоровъ Георгій, Фіалковскій Теодоръ, Павловскій Аванасій.

Разрядъ 2. 10. Труфановъ Григорій, Церковницкій Александръ, Сапухинъ Иванъ, Карповъ Тимоѳей, Михайловскій Стефанъ, 15. Карповъ Антоній, Грузовъ Николай, Ступницкій Андрей, Дикаревъ Алексѣй, Павловскій Семенъ.

Назначаются къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена.

20. Александровъ Иванъ—по церковному пѣнію, Краснокутскій Дмитрій—по ариѳметикѣ, Крушедольскій Александръ, Николаевъ

скій Михаилъ, Пономаревъ Петръ, 25. Родинко Яковъ—по русскому яз. устно и письменно, Ононко Андрей—по священной исторіи, арифметикѣ и церковному пѣнію, Панкратьевъ Петръ—по арифметикѣ, русскому языку устно и письменно, Индутный Петръ—по священной исторіи, русскому яз. устно и письменно.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Новицкій Викторъ, 30. Щетневъ Владиміръ, Стародубъ Сергій.

Увольняется изъ училища по прошенію родителей.

32. Бочаровъ Иванъ.

Приготовительнаго класса.

Переводятся въ I классъ.

Разрядъ 1. Рудинскій Александръ—награждается книгой, Наумовъ Илья, Королевъ Владиміръ, Артюховскій Макаръ, 5. Пономаревъ Николай, Гончаревскій Георгій.

Разрядъ 2. Бравловскій Валеріанъ, Матвѣевъ Николай, Рубинскій Владиміръ, 10. Червонецкій Павелъ, Мигулинъ Петръ, Бѣлоусовъ Стефанъ, Луценковъ Викторъ, Бѣликовъ Василій, 15. Лѣпскій Яковъ, Луценковъ Леонидъ, Бородаевскій Александръ, Якубовичъ Сергій.

Назначаются къ переходу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена.

Поповъ Дмитрій по Закону Божію, 20. Македонскій Николай—по русскому языку устно, Гривгорьевъ Павелъ—по русскому языку письменно, Горбуновъ Михаилъ—по арифметикѣ и русскому языку устно, Сукачевъ Виталій—по Закону Божію, русскому языку устно и письменно.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Назаревскій Василій, 25. Поморцевъ Иванъ—по прошенію родителей; Филищовскій Николай, Петровскій Стефанъ—по малоуспѣшности.

Уволены изъ училища по малоуспѣшности.

Литкевичъ Иванъ, 29. Протопоповъ Матвѣй.

Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища объявляетъ: 1) что переэкзаменовки воспитанниковъ, получившихъ на годичномъ испы-

танія неудовлетворительныя баллы, назначаются: IV класса на 18 и 19 августа, а остальныхъ классовъ 25 и 26. Приемныя испытанія для вновь поступающихъ будутъ произведены 24 числа того же мѣсяца. вмѣстѣ съ сѣмъ Правленіе сообщаетъ, что въ 5 классахъ училища свободныхъ вакансій для поступленія въ училище съ домашнимъ образованіемъ и изъ другихъ заведеній пмѣется 74, а именно: въ 4-мъ классѣ 7 вакансій, въ 3-мъ 6, во 2-мъ 1, въ 1-мъ 14 и въ приготовительномъ 46. Начало учебныхъ занятій 31 августа.

2. Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь учебный годъ въ количествѣ 40 руб.

3. Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокостное или полукостное епархіальное содержаніе, а равно съ уменьшенной платой, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 26-го августа, съ приложеніемъ благочинческаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ, сообщенной о.о. благочиннымъ.

4. Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники кромѣ того, обязаны внести по 10 руб. въ Правленіе училища на постельный приборъ и 10 руб. на письменныя принадлежности.

5. Правленіе училища, согласно журнальному постановленію, утвержденному Его Преосвященствомъ отъ 17 іюня н. г., доводитъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій съѣзда духовенства, имѣющаго быть 20 сентября н. г. назначаются слѣдующіе предметы: а) разсмотрѣніе журналовъ предстоящаго съѣзда за 1899 годъ, б) разсмотрѣніе смѣты притока и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія въ будущемъ 1901 году; в) докладъ временно-ревизіоннаго комитета по документальной провѣркѣ экономическаго отчета и приходо-расходной книги училища за 1899 годъ; г) разсмотрѣніе вѣдомостей о.о. благочинныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также о продажѣ вѣчяковъ и листовъ разрѣшительной молитвы; д) текуція по Правленію училища дѣла.

Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища, за 1899—1900 г.

Четвертый классъ.

Разрядъ 1. 1. Зеленцовъ Константинъ, Насѣдкинъ Андрей, Стрѣльцовъ Захарій.

Разрядъ 2. Шепелевскій Иванъ, 5. Михайловскій Владиміръ, Рудницкій Валентинъ, Твердохлѣбовъ Георгій, Бѣляевъ Владиміръ, Поповъ Иванъ, 10. Платоновъ Георгій, Дейнеховскій Павелъ, Рубинскій Борисъ, Дьяковъ Иларіонъ, Сильванскій Константинъ, 15. Павловскій Иванъ, Грызодубовъ Николай, Любицкій Тихонъ, Олейниковъ Александръ, Балановскій Филадельфъ, 20. Григорьевскій Виталій, Туранскій Павелъ, Ведринскій Андрей, Петинъ Василій, Стахевичъ Иванъ, 25. Кротенко Григорій.—Эти двадцать пять учениковъ признаются окончившими полный курсъ въ духовномъ училищѣ. Сергѣевъ Викторъ, Николаевскій Андрей, Протопоповъ Александръ, Бобловскій Сергѣй, 30. Могиланскій Александръ, Нестеровъ Николай, Остроуховъ Иванъ, Ракшевскій Леопидъ, Сулима Ѳедоръ.—Эти девять учениковъ будутъ признаны окончившими полный курсъ въ духовномъ училищѣ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ: Сергѣевъ Викторъ, Николаевскій Андрей и Протопоповъ Александръ по русскому сочиненію, Бобловскій Сергѣй—по латинскому и греческому языкамъ, Могиланскій—по географіи, Нестеровъ—по арифметикѣ и географіи, Остроуховъ—по церковному уставу и латинскому языку, Ракшевскій—по церковному уставу и географіи, Сулима—по катихизису и географіи, 35. Андреевко Алексѣй, Рубинскій Василій.—Эти два ученика допускаются къ экзамену послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ, какъ не державшіе ихъ по болѣзни. Андреевъ Владиміръ, Архангельскій Константинъ, Базилевичъ Александръ, 40. Ведринскій Александръ, Дзюбановъ Михаилъ, Дюковъ Алексѣй, Квитковскій Александръ, Мухинъ Владиміръ, 45. Пантелеймоновъ Иванъ, Пухальскій Михаилъ, Слоневскій Григорій, Торанскій Михаилъ.—Эти двѣнадцать учениковъ оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по прошеніямъ своихъ родителей.

Третій классъ.

Разрядъ 1. 1. Рубинскій Викторъ, Левадный Стефанъ, Лысенко Петръ, Слюсаревъ Александръ, 5. Жебневъ Петръ.—Эти пять учениковъ за благоцравіе и отличные успѣхи награждаются книгами. 6. Евтушенко Николай.

Разрядъ 2. Платоновъ Василій, Ѳоминъ Алексѣй, Дюковъ Сергѣй, 10. Краснопольскій Амвросій, Краснопольскій Семень, Селезневъ Дмитрій, Сильванскій Анатолій, Созонтьевъ Ѳедоръ, 15. Тимофеевъ Александръ, Крыжановскій Николай, Крыжановскій Александръ, Полницкій Александръ, Инниковъ Александръ, 20. Чаговцевъ Діонисій. Эти двадцать учениковъ признаются достойными перевода въ IV классъ. Вербницкій Николай, Гордѣенко

Александръ, Гусевъ Алексѣй, Кравченко Автопъ, 25. Любарскій Петръ, Матвѣевъ Яковъ, Молочковскій Николай, Пономаревъ Константинъ, Созонтьевъ Дмитрій, 30. Чернявскій Михаилъ, Васильковскій Ѳедоръ, Толмачевъ Дмитрій.—Эти двѣнадцать учениковъ могутъ быть переведены въ IV классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки послѣ каникулъ: Вербацкій—по русскому и латинскому языкамъ, Гордѣенко, Любарскій и Матвѣевъ—по русскому языку, Кравченко, Молочковскій, Пономаревъ—по греческому языку, Гусевъ—по русскому и греческ. языкамъ, Созонтьевъ Дмитрій—по русскому языку и географіи, Чернявскій—по латинскому и греческому языкамъ, Васильковскій—по русскому и латинскому языкамъ и Толмачевъ—по русскому и греческому языкамъ.—Андреевъ Викторъ, Сидоровъ Евфимъ, 35. Степурскій Ѳедоръ, Ковалевскій Дмитрій, Насѣдкинъ Александръ.—Эти пять учениковъ остаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ, первые три—по малоуспѣшности, а послѣдніе два—по болѣзни. Антоновскій Дмитрій, Власовскій Ананій, 40. Ляткевичъ Моисей, Ступницкій Дмитрій, Корнильевъ Антонъ, Ильинскій Алексѣй.—Эти шесть учениковъ увольняются изъ училища по малоуспѣшности.

Второй классъ.

Разрядъ 1. 1. Касьяновъ Иванъ, Стрѣльцовъ Александръ, Рудинскій Дмитрій, Безугловъ Павелъ, 5. Яновскій Михаилъ.—Эти пять учениковъ за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами. Рубинскій Петръ, Лукашевъ Иванъ, Власовъ Александръ, Насѣдкинъ Семень.

Разрядъ 2. 10. Евтушенко Яковъ, Пантелеймоновъ Данилъ, Щербининъ Александръ, Безугловъ Геннадій, Ковалевскій Александръ, 15. Кохановскій Николай, Ѳедоровъ Василій, Новосабскій Всеволодъ, Ѳедоровскій Гавріиль, Пономаревъ Левъ, 20. Троицкій Тимофей, Ивановъ Иванъ, Калашниковъ Константинъ, Мигулинъ Иванъ 2.—Эти двадцать три ученика признаются достойными перевода въ III классъ, Стеллецкій Василій, 25. Никитскій Сергѣй, Оболенцовъ Александръ, Хвжниковъ Владиміръ, Мигулинъ Иванъ 1-й, Матвѣевъ Николай, 30. Кирилловъ Антонъ, Васильковскій Георгій, Подлуцкій Николай, Протопоповъ Григорій, Рохлинъ Константинъ, 35. Григоровичъ Антонъ, Шемигоновъ Иванъ, Степурскій Леонидъ, Яновскій Петръ.—Эти пятнадцать учениковъ будутъ удостоены перевода въ III классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки по слѣдующимъ предметамъ: Оболенцовъ по русскому диктанту, Васильковскій, Кирилловъ и Мигулинъ Иванъ 1-й по русскому языку,

Нивятскій, Подлущій и Хижняковъ—по латинскому языку, Матвѣевъ, Стеллецкій и Рохлинъ—по греческому языку, Протопоповъ—по латинскому языку и русскому диктанту, Григоровичъ, Степурскій, Шемигоновъ и Яновскій Петръ—по греческому языку и арифметикѣ, Анисимовъ Захарій, 40. Декалоговъ Николай, Дзюбановъ Владиміръ, Грабовскій Павелъ, Стефановскій Александръ, Ястремскій Михаилъ.—Эти шесть учениковъ остаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ,—первые пять—по малоуспѣшности, а Ястремскій—по прошенію отца, 45. Базилевичъ Григорій, Гондаровскій Александръ, Ковалевскій Николай, Полтавцевъ Тихонъ.—Эти четыре ученика увольняются изъ училища,—первые три—по малоуспѣшности, а Полтавцевъ—по прошенію отца.

Первый классъ.

Разрядъ 1. 1. Платоновъ Дмитрій, Филиповъ Георгій, Коробкинъ Леонидъ, Дегтяренко Василій, 5. Мухинъ Дмитрій.—Эти пять учениковъ за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами, Евфимовъ Александръ, Ковалевскій Василій, Ступницкій Николай, Власовскій Андрей, Щербина Дмитрій, Новосадскій Дмитрій, Семейкинъ Николай.

Разрядъ 2. Мухинъ Алексѣй, Агвивцевъ Николай, 15. Поповъ Модестъ, Рудневъ Иванъ, Наумовъ Дмитрій, Корнильевъ Павелъ, Оедоровъ Алексѣй, 20. Богославскій Павелъ, Соколовъ Александръ, Дюковъ Евгений, Литкевичъ Николай, Мухинъ Василій, 25. Мухинъ Павелъ, Бѣликовъ Дмитрій, Сильванскій Иванъ, Олейниковъ Семенъ, Бобловскій Валеріанъ, 30. Грабовскій Илья, Заграфскій Владиміръ, Колодежный Евгений.—Эти тридцать два ученика признаются достойными перевода во II классъ. Прядкинъ Павелъ, Колодежный Николай, 35. Полянскій Леонидъ, Пономаревъ Александръ, Петровскій Антонъ, Сенявинъ Василій.—Эти шесть учениковъ будутъ переведены во II классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки: Прядкинъ, Колодежный и Полянскій—по русскому диктанту, Пономаревъ—по русскому диктанту и арифметикѣ, Петровскій и Севявинъ—по русскому диктанту и по русскому языку съ церковно-славянскимъ. Голубинскій Иванъ, Пономаревъ Михаилъ, Поповъ Николай.—Эти три ученика, не державшіе экзамена по болѣзни, допускаются послѣ канікулъ къ экзаменамъ по всѣмъ предметамъ. Евтушенко Викторъ, Крыжавовскій Владиміръ, Невпругинъ Семенъ, 45. Сергѣевъ Иванъ, Ветуховъ Иванъ.—Эти пять учениковъ остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности. Голубинскій Александръ.—Этотъ ученикъ увольняется изъ училища по малоуспѣшности.

Приготовительный классъ.

Разрядъ 1. 1. Грызодубовъ Дмитрій, Агнивцевъ Владиміръ, Шебатинскій Андрей, Ѳедоровъ Алексѣй.—Эти четыре ученика за благоправіе и отличные успѣхи награждаются книгами, 5. Бондаревъ Алексѣй, Ходской Викторъ, Власовъ Владиміръ, Сулпма Викторъ, Богачевъ Александръ.

Разрядъ 2. 10. Быстрицкій Сергѣй, Рубинскій Иванъ, Прибытковъ Александръ, Сирятскій Всеволодъ, Олейниковъ Владиміръ, 15. Знаменскій Николай, Протопоповъ Андрей, Иванцкій Георгій, Дюковъ Дмитрій, Дмитріевъ Михайлъ, 20. Сіятовскій Юсифъ, Дьяковъ Николай, Поцировскій Николай, Раевскій Петръ, Сергѣевъ Николай, 25. Ветуховъ Ѳедоръ, Лѣбовъ Филиппъ, Бородаевъ Василій, Молчановскій Владиміръ, Хижняковъ Лука, 30. Толмачевъ Николай, Инюковъ Веніаминъ, Соколовскій Николай, Поповъ Николай, Строевскій Яковъ, 35. Туранскій Иванъ, Огульковъ Яковъ.—Эти тридцать шесть учениковъ признаются достойными перевода въ I классъ. Поповъ Александръ, Свистуновъ Романъ, Семейкинъ Арсеній, 40. Торанскій Василій, Труфановъ Алексѣй, Шпаковскій Алексѣй.—Эти шесть учениковъ оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности. Дмитріевъ Иванъ, Невпрятинъ Александръ, 45. Могилянскій Викторъ.—Эти три ученика, какъ не державшіе экзаменовъ по болѣзни, доускаются къ таковымъ послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ. Рубинскій Петръ, Ѳедоровъ Николай.—Эти два ученика могутъ быть переведены въ I классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки послѣ каникулъ: Рубинскій—по русскому диктанту и Ѳедоровъ—по русскому языку и русскому диктанту. Чижевскій Николай.—Этотъ ученикъ увольняется изъ училища по прошенію опекуна.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

Въ церковно-приходской школѣ села Рогознаго, Сумскаго уѣзда, вмѣстѣ свободное мѣсто учительницы, способной преподавать пѣніе. Жалованья 240 р. Квартира при школѣ очень удобная. Желающія благоволятъ обратиться за подробными условіями и свѣдѣніями къ завѣдующему школою.

Епархіальныя извѣщенія.

Протоіерей Воскресенской церкви сл. Новой Водолаги, Валковского уѣзда Николай *Ѳедоровскій* и священникъ Дмитріевской церкви с. Ефремовки, Зміевского уѣзда, Тихонъ *Ѳедоровскій*, согласно прошенію, 9 іюня с. г. перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Свящ. Покровской церкви сл. Покровска, Купянскаго уѣзда, Василій *Масловъ* согласно прошенію 10 іюня уволенъ отъ должности депутата 2 округа, Купянскаго уѣзда, а на его мѣсто того же числа назначенъ священникъ Троицкой церкви той же слободы Георгій *Лонгиновъ*.

— Свящ. Успенской церкви, города Валокъ, Илія *Слюсаревъ* 10 іюня с. г. утвержденъ въ должности депутата 1 округа Валковскаго уѣзда.

— Свящ. Соборно-Преображенской церкви г. Валокъ Андрей *Новскій* и сл. Сиѣжкова Кута, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ *Захарьевъ* 10 іюня с. г. опредѣлены первый членомъ благочинническаго совѣта, а второй цензоромъ проповѣдей.

— Свящ. Покровской церкви с. Алексѣвки, Валковскаго уѣзда, Андрей *Пономаревъ* 10 іюня с. г. опредѣленъ членомъ Валковскаго уѣзднаго училищнаго совѣта.

— Окончившій курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, со степенью студента, Стефанъ *Жуковъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ Троицкой церкви з. г. Славянска, Изюмскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, со степенью студента, Сергій *Любимскій* опредѣленъ на священническое мѣсто при Григоріевской церкви, сл. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Василіевской церкви, с. Прелестнаго, Изюмскаго уѣзда, Феодотъ *Поповъ* рукоположенъ во діакона къ той же церкви, съ оставленіемъ на псаломщицкой вакансіи.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Кончина Высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія.—Его погребеніе.—50-лѣтній юбилей во священствѣ.—Некрологи.

Кончина Высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго.

7-го іюня въ 1 ч. дня, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни скончался Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ Кіевскій и Галицкій. Высокопреосвященный митрополитъ Іоанникій—въ мѣрѣ Іоаннъ Максимовичъ Рудневъ—сынъ бѣднаго діакона села Вышняго Сворчаго Новосельской округи, тульской епархіи о. Максимъ Иванова, родился 20 февраля 1826 года. Годы его дѣтства прошли среди обстановки, хотя бѣдной, простой, но исполненной духа христіанскаго благочестія. Еще въ дѣтствѣ отъ своей матери, четыре раза ходившей въ Кіевъ на поклоненіе св. мощамъ съ другими паломниками, слышалъ онъ о Кіевѣ и проникался по собственному свидѣтельству духомъ церковности и благочестія. Послѣ домашней подготовки митрополитъ Іоанникій поступилъ въ мѣстное духовное училище, а потомъ въ семинарію, которую и

окончплъ въ 1845 году первымъ ученикомъ. По собственному признанію владыки, дѣтство и юность его были исполнены многихъ нуждъ и лишеній и впечатлѣнія, возбужденныя въ юномъ умѣ и сердцѣ, оставили свой слѣдъ на всей дѣятельности владыки. „Не роскошною и не богатой обстановкой окружено было мое дѣтство“, говорилъ 12 сентября 1876 года архипастырь въ публичномъ собраніи по поводу общежитія для своекоштныхъ воспитанниковъ духовной семинаріи. „Много нуждъ и лишеній испыталъ я въ періодъ своего воспитанія“... По окончаніи курса въ тульской духовной семинаріи, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, владыка въ томъ же году былъ назначенъ своимъ начальствомъ къ поступленію въ кievскую духовную академію. Съ блестящимъ успѣхомъ онъ былъ принятъ въ 1845 году въ составѣ XIV курса академіи. Незамѣтно протекла академическая жизнь владыки и онъ въ 1849 году первымъ ученикомъ въ званіи магистра богословія былъ выпущенъ среди своихъ многочисленныхъ товарищей. Тогдашній ректоръ академіи, архимандритъ Дмитрій Муретовъ, предложилъ на академической конференціи избрать Іоанна Руднева учителемъ по классу св. Писанія. Но еще раньше избранія на эту должность, а именно 1 іюня 1849 года въ жизни владыки произошло важное событіе, имѣющее рѣшающее значеніе въ дальнѣйшей его дѣятельности: онъ подалъ прошеніе, въ которомъ проситъ правленіе исходатайствовать разрѣшеніе и благословеніе св. синода на вступленіе его въ монашеское званіе. И вотъ 11 октября 1849 года ректоръ академіи, архимандритъ Дмитрій, въ кievо-печерской лаврѣ въ пещерѣ и церкви преподобнаго Антонія постригъ въ монашество Іоанна Руднева съ нареченіемъ ему имени „Іоаннскія“; воспріемникомъ въ монашествѣ былъ извѣстный подвижникъ іеросхимонахъ Пареній. Того же года 6 ноября кievскій митрополитъ Филаретъ Амфитеатовъ въ лаврской церкви св. Михаила посвятилъ инока Іоаннскія во іеродіакона, а на другой день, имъ же въ Θεодосьевской церкви при дальнихъ пещерахъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Въ должности ректора семинаріи владыка оставался немногимъ болѣе года. Желая распространить вліяніе семинаріи далеко за предѣлы ея, и такимъ образомъ придти на помощь духовенству, маститый высокопр. владыка основалъ при семинаріи журналъ подъ заглавіемъ: „Руководство для сельскихъ пастырей“, который и въ настоящее время продолжаетъ существовать. Владыка лично принималъ участіе въ подготовительныхъ работахъ по возникновенію этого органа. Въ началѣ декабря 1859 года ему былъ предложенъ высшій постъ—должность ректора и профессора богословскихъ наукъ къ

кіевской духовной академіи и настоятеля Богоявленскаго монастыря. На этомъ отвѣтственномъ посту владыка оставался недолго — до 6 октября 1860 года. Это было время шестидесятыхъ годовъ, движенія учащейся молодежи, широкой волной охватившія всю Россію, не прошли мимо кіевской академіи. Основавъ журналъ при кіевской духовной семинаріи, высокопреосвященнѣйшій Іоанникій осуществилъ свою мысль о томъ, чтобы при кіевской академіи былъ издаваемъ свой органъ. Послѣ значительныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ вопросомъ о разрѣшеніи изданія, высокопреосвященнѣйшій Іоанникій достигъ своей цѣли: онъ былъ назначенъ редакторомъ журнала: „Труды кіевской духовной академіи“. 6 ноября 1860 года по распоряженію св. Синода архимандритъ Іоанникій, былъ переведенъ на ту-же должность въ с.-петербургскую духовную академію, въ которой пробылъ болѣе 3 лѣтъ. По собственному признанію владыки въ позднѣйшее время, пребываніе въ с.-петербургской духовной академіи было лучшею порою его жизни. Будучи ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, архимандритъ Іоанникій исполнялъ порученія высшей власти: онъ состоялъ членомъ консисторіи, главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія во всѣхъ столичныхъ и окрестныхъ учебныхъ заведеніяхъ и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ комптета по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній. Въ 1861 году архимандритъ Іоанникій былъ удостоенъ званія ординарнаго профессора и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, а въ 1863 г. орденомъ св. Владиміра 3-й степени. 16 мая 1861 года владыка былъ назначенъ на свободную кафедру Выборгскаго епископа, второго викарія с.-петербургской епархіи съ оставленіемъ въ должности ректора академіи. Самостоятельное архіерейское служеніе высокопреосвященнаго владыки началось съ 12 января 1864 года. 35-лѣтнее архіерейское служеніе, доблестно пройденное на глазахъ и на пользу пяти епархій — саратовской (1864—1873 г.), нижегородской (1873—1877 годы), грузинской (1877—1882 г.), московской (1882—1891 г.) и кіевской (1891—1900 г.), ознаменовано цѣлымъ многочисленнымъ рядомъ благихъ и рѣдкихъ въ человѣческой жизни дѣяній и учрежденій духовно-просвѣтительныхъ и человѣколюбиво-благотворительныхъ. Въ Саратовѣ, во время своего управленія здѣшнею епархіею, высокопреосвященный владыка устроилъ свѣчной заводъ, общество взаимопомощи духовенства, учебно-заработный домъ для сиротъ всѣхъ сословій, пріютъ для малолѣтнихъ сиротъ духовнаго званія обоюга пола, братство св. Креста и духовно-просвѣтительный союзъ. Во время сравнительно непродолжительнаго, трехлѣтняго, служенія своего въ нижегород-

ской епархіи высокопреосвященный митрополитъ Іоаннѣй частью усовершилъ, а большею частью вновь создалъ слѣдующія просвѣтительно благотворительныя учрежденія: братство св. Креста такъ же, какъ и въ Саратовѣ, для борьбы съ расколомъ; учебно-заработный домъ съ пріютомъ для сиротъ духовенства, ремесленное училище для тѣхъ изъ дѣтей духовенства, которыя оказывались неспособными къ научному образованію (училище было устроено въ оранскомъ монастырѣ, находившемся подъ непосредственнымъ управленіемъ владыки), пріютъ для малолѣтнихъ сиротъ обоего пола, на который изъ личныхъ средствъ основатель его пожертвовалъ до 7,700 рублей и наконецъ, на средства благоустроеннаго свѣчнаго завода, открылъ при семинаріи общежитіе, гдѣ получали почти безплатное помѣщеніе и содержаніе 150 бѣдныхъ воспитанниковъ. Непродолжительно было служеніе его въ званіи экзарха Грузіи (1877—1882 года), но оно, по справедливости, составило особенный знаменательный періодъ въ исторіи грузинскаго экзархата за время нахождения его подъ властію св. Синода русской церкви. Величайшая заслуга высокопреосвященнаго, какъ экзарха Грузіи, состояла въ томъ, что онъ успѣлъ водворить миръ въ столь разноплеменной и легко возбудимой паствѣ, чувствительной ко всему, какова паства грузинская, сумѣлъ сплотить здѣсь разнообразныя классы общества, находившіеся нерѣдко во враждебныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Дѣйствуя, какъ истинно русскій человѣкъ, архипастырь въ то же время сочувственно и сердечно относился ко всему тому, что было дорого для мѣстной паствы. Такъ онъ, не смотря на свое высокое положеніе, возрастъ и многосложность занятій, трудился въ это время надъ изученіемъ грузинскаго языка, употребленіе котораго допущалъ и при совершеніи богослуженія. Не менѣе живое и сердечное участіе принималъ онъ и въ мѣстной духовной семинаріи, причѣмъ неоднократно ходатайствовалъ передъ св. Синодомъ объ измѣненіи учебной программы тифлисской духовной семинаріи сообразно съ мѣстными требованіями и условіями жизни. Все это располагало грузинскую паству, безъ различія племеннаго, любить своего архипастыря и съ рѣдкою, въ подобныхъ случаяхъ, по своей искренности скорбію, провожать его на другое болѣе высокое поприще служенія. Однимъ изъ самыхъ дорогихъ и памятныхъ для грузинскаго экзархата плодовъ дѣятельности высокопреосвященнаго служитъ женское епархіальное училище, которое и возникло и устроилось преимущественно заботами его. Пожертвовавъ единовременно, при основаніи училища, въ пользу его 10,000 рублей, высокопреосвященный затѣмъ во время своего пребыванія въ Гру-

зін отдавалъ все свое жалованіе по званію экзарха въ пользу училища. 27 іюня 1882 года высокопреосвященный удостоился быть избраннымъ въ преемники приснопамятныхъ великихъ архипастырей московскихъ—Платона, Филарета, Иннокентія и Макарія. Основаніемъ для такого избранія великому Царю-Миротворцу послужила именно „ревностная попечительность“ высокопреосвященнаго митрополита Іоаннікія „о благоустроеніи и духовномъ просвѣщеніи паствы, свидѣтельствомъ коей служили многія полезныя для церкви учрежденія въ Саратовѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Тифлисѣ, имъ основанныя“. Затѣмъ 17-го ноября 1891 г. почившій владыка назначенъ былъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ. 7-го ноября 1899 года исполнилось 50 лѣтъ со дня вступленія высокопреосвященнѣйшаго Іоаннікія въ священническій санъ. Скончался онъ 74 лѣтъ.

— 11 іюня состоялось печальное погребеніе тѣла въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго Іоаннікія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Въ 8 часовъ, какъ сообщаетъ «Кіевл.», началось заупокойная литургія, которую служилъ высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коложенскій, въ сослуженіи съ высокопреосвященнымъ Модестомъ, архіепископомъ Волинскимъ и Житомирскимъ, высокопреосвященнымъ Іустиномъ, архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ, преосвященнымъ Іаковомъ, епископомъ Кяшпневскимъ и Хотинскимъ, преосвященнымъ Іоакимомъ, епископомъ Гродненскимъ и Брестскимъ, преосвященнымъ Сильвестромъ, епископомъ Каневскимъ, и преосвященнымъ Димитріемъ, епископомъ Чигирпскимъ. Кромѣ того, въ совершеніи литургіи принимало участіе многочисленное черное и бѣлое духовенство. Пѣли по очереди капелла Я. С. Калишевскаго и лаврскій хоръ пѣвчихъ. Въ церкви на литургіи присутствовали: преосвященный Сергій, епископъ Уманскій, товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ, временно командующій войсками кіевскаго военнаго округа генералъ отъ-кавалеріи В. Ф. Винбергъ, депутація отъ кіевской духовной академіи, духовной семинаріи, женскихъ епархіальныхъ училищъ и другихъ духовныхъ, мужскихъ и женскихъ, учебныхъ заведеній, командиры отдѣльныхъ частей войскъ, генералы, штабъ и оберъ-офицеры, другія начальствующія лица, а также многіе кіевляне.

Во время литургіи вмѣсто причастнаго стиха, инспекторомъ кіевской духовной академіи архимандритомъ Платономъ была произнесена рѣчь. Послѣ окончанія литургіи высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, обратился къ присутствующимъ съ глубокопрочувственнымъ словомъ. Затѣмъ

высокопреосвященнымъ Владиміромъ, въ сослуженіи со всѣми присутствующими архіепископами и епископами, а также многочисленными архимандритами, протоіереями, іеромонахами и священниками, было совершенно отпѣваніе тѣла почившаго владыки и чинъ священническаго погребенія. Во время отпѣванія всѣмъ находящимся въ церкви были розданы зажженные свѣчи. Въ то-же время, по звону съ лаврской колокольни былъ совершенъ погребальный перезвонъ во всѣхъ монастыряхъ, соборахъ и церквяхъ г. Кіева. Передъ пѣніемъ: „Со святыми упокой“ заслуженнымъ профессоромъ кіевской духовной академіи В. Ѳ. Пѣвницкимъ была произнесена рѣчь. По окончаніи отпѣванія, при пѣніи: „Прійдите, братіе, послѣднее цѣлованіе дадимъ умершему“, ко гробу съ тѣломъ почившаго владыки по очереди подходили для прощальнаго цѣлованія архипастырской руки духовныя и свѣтскія лица. Затѣмъ высокопреосвященный Владиміръ, со словами: „ты земля еси и въ землю отъидеши“, крестообразно насыпалъ тѣло почившаго владыки землей и полилъ священнымъ елеемъ. Послѣ этого гробъ съ тѣломъ владыки былъ закрытъ крышкой и забитъ, а затѣмъ, въ 1 ч. 30 мин. по полудни, послѣдовалъ торжественный выносъ тѣла изъ Трапезной церкви и перенесеніе къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, въ Крестовоздвиженскую церковь.

Гробъ съ тѣломъ почившаго высокопреосвященнаго Іоанникія, послѣ того, какъ былъ закрытъ, былъ несенъ оо. архимандритами и іеромонахами. Всѣ духовныя особы были въ свѣтлыхъ облаченіяхъ. Когда процессія приблизилась къ Пещернымъ вратамъ, капелла Я. С. Калишевскаго исполнила: „Свѣте тихій“. При пѣніи этого гимна, гробъ съ тѣломъ почившаго владыки былъ внесенъ въ церковный дворъ и далѣе, въ Крестовоздвиженскую церковь, черезъ южную дверь. Вслѣдъ за гробомъ въ храмъ-усыпальницу вошли: высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, архіепископы, епископы, лаврскій хоръ и нѣкоторыя другія, весьма немногочисленные лица. Въ Крестовоздвиженской церкви гробъ съ тѣломъ владыки, при помощи холстинныхъ полосъ, былъ опущенъ въ изготовленную могилу, откуда онъ былъ вдвинутъ по направленію къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери въ обширный склепъ могилы митрополита Арсенія и поставленъ рядомъ съ гробомъ названнаго іерарха. Послѣ этого, съ благословенія высокопреосвященнаго Владиміра митрополита Московскаго и Коломенскаго, было приступлено къ замуровыванію открытой стѣны склепа и къ засыпкѣ могилы. Около 3 часовъ дня погребеніе было окончено, и колокольный звонъ на Лаврской колокольнѣ возвѣстилъ о возвращеніи въ об-

тель высокопреосвященнаго Владимира, митрополита Московскаго и Коломенскаго, и всѣхъ архіепископовъ и епископовъ.

Въ то время, когда погребальная процессія направилась изъ лаврскаго двора въ Крестовоздвиженскую церковь, въ названномъ дворѣ на заранѣе разставленныхъ многочисленныхъ столахъ желающимъ былъ предложенъ обѣдъ на 5,000 человекъ. Въ то же время была произведена бесплатная раздача хлѣба и квасу. По окончаніи же погребенія былъ предложенъ обѣдъ полицейской стражѣ и находившимся въ нарядѣ нижнихъ чинамъ войскъ.

Въ трапезной церкви, гдѣ были накрыты длинные столы, была предложена братская трапеза всѣмъ принявшимъ участіе въ погребеніи іерархамъ и другимъ духовнымъ особамъ, а также и нѣкоторымъ начальствующимъ свѣтскимъ лицамъ.

50-ЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ВО СВЯЩЕНСТВѢ.

11 іюня исполнилось пятидесятилѣтіе служенія въ священническомъ санѣ, настоятеля Покровской церкви г. Недрпгайлова, члена Лебединскаго уѣзднаго Училищнаго Совѣта и завѣдующаго мѣстною церковно-приходскою школою о. Александра Ивановича Давидова. Знаменательный въ жизни юбиляра день этотъ отпразднованъ многочисленными его почитателями весьма торжественно, въ доказательство того, съ какою любовью, уваженіемъ и признательностью относятся къ нему духовныя чада за его жизнь во Христѣ Исусѣ.

Наканунѣ торжества духовенствомъ 3 Лебединскаго округа, во главѣ съ благочиннымъ и юбиляромъ, было отслужено всемогущее бдѣніе, на которомъ присутствовало кромѣ мѣстныхъ много стороннихъ почитателей высокочтимаго іерея. Въ день юбилея тысячи народа толпились на площади и въ церковной оградѣ въ ожиданіи звона къ божественной литургіи. Многихъ изъ нихъ храмъ не могъ вмѣстить, и они опечаленные размѣстившись въ оградѣ. За богослуженіемъ присутствовали князь Б. С. Щербатовъ, г. участковый земскій начальникъ Н. Г. Гладковъ и др. По окончаніи литургіи на солеѣ передъ олтаремъ началось чествованіе маститаго юбиляра.

О. благочиннымъ сказана была рѣчь и прочитанъ юбиляру адресъ отъ духовенства Лебединскаго уѣзда, 3 благоч. окр. и поднесенъ образъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Затѣмъ мѣстный нотаріусъ П. Е. Пашковъ обратился къ юбиляру съ рѣчью, въ которой охарактеризовавъ дѣятельность всѣмъ любимаго пастыря, попросилъ принять отъ имени почитателей въ свидѣтельство ихъ уваженія и любви золотой усыпанный драгоценными камнями наперсный крестъ, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ Высокопреосвященнаго Амвросія на подношеніе этого креста. Возложивъ на себя поднесенный крестъ, почтенный юбиляръ со слезами въ прочувствованныхъ словахъ благодарилъ за даръ. Послѣ поднесенія креста былъ поднесенъ образъ св. Іоанна Богослова отъ преподавателей городского приходскаго училища, въ коемъ юбиляръ состоялъ законоучителемъ болѣе двадцати лѣтъ; при чемъ Законоучитель этого училища священникъ Дикаревъ въ своей рѣчи охарактеризовалъ его дѣятельность по народному образованію; далѣе, юбиляру были поднесены депутаціями: отъ мѣстнаго городского Управленія образъ св. Александра

Невскаго, отъ общества крестьянъ пригородка Засулья хлѣбъ и соль на серебряномъ изящной работы блюдѣ, отъ преданныхъ крестьянъ г. Недригайлова серебряный обѣденный сервизъ и отъ дѣтей юбиляра образъ свв. Александра и Александры. Передъ каждымъ подношеніемъ говорились привѣтствія, на которыя юбиляръ отвѣчалъ благодарностью.

По окончаніи молебствія, все духовенство въ облаченіи, въ сопровожденіи всѣхъ приглашенныхъ на торжество, съ поднесеннымъ юбиляру образами при пѣніи „спаси Господи люди твоя“ и „Днесь собра пасъ благодать святаго Духа“ направилось въ зданіе городского приходскаго училища, гдѣ юбиляръ былъ встрѣченъ пѣніемъ многолѣтія и гдѣ предложена была скромная трапеза. Первый тостъ былъ провозглашенъ княземъ Щербатовымъ за драгоцѣнное здравіе Государя Императора и всего Царствующаго дома. Тостъ этотъ былъ встрѣченъ одушевленнымъ ура и народнымъ гимномъ; затѣмъ юбиляръ провозгласилъ тосты за здравіа Высокопреосвященнаго Амвросія и преосвященнаго Иннокентія. Г. Земскимъ начальникомъ Гладковымъ послѣ краткаго привѣтствія былъ предложенъ тостъ за здравіе юбиляра. Дальше были провозглашены тосты за юбиляра благочиннымъ духовенствомъ. Въ пять часовъ въ честь юбиляра въ томъ же зданіи состоялся общественный обѣдъ, на которомъ присутствовали: князь Щербатовъ, г. Земскій Начальникъ Н. Г. Гладковъ, штатный смотритель Лебединскаго уѣднаго Училища Н. И. Юскевичъ, много духовенства, городскіе уполномоченные, депутация отъ Засульскаго и Недригайловскаго сельскихъ обществъ, купечество, родственники и много другихъ почитателей и почитательницъ юбиляра. Въ концѣ обѣда было много произнесено тостовъ за юбиляра, князя В. С. Щербатова, и др. Обѣдъ затянулся до поздняго вечера.

Отрадно было видѣть какъ сплотился воедино люди разныхъ сословій, социальныхъ положеній, матеріальной обезпеченности, образованія, чтобы воздать заслуженное доброму служителю церкви Христовой.

Да продлитъ Господь дни его на многи лѣта на пользу, радость и утѣшеніе духовнымъ чадамъ его.

Н. К.

Н Е К Р О Л О Г И.

25-го апрѣля сего 1900 года, въ 6 часовъ утра, скончался священникъ Митрофановской церкви, сл. Даниловки, Изюмскаго уѣзда, о. Николай Кремповскій, 56 лѣтъ. Покойный, сынъ діакона, родился въ сл. Межиричѣ, Лебединскаго уѣзда. По увольненіи изъ низшаго отдѣленія Семинаріи въ 1859 году, почившій 3-го августа 1860 г. былъ опредѣленъ псаломщикомъ къ Покровской церкви сл. Межирича, Лебединскаго уѣзда; 30 августа 1866 года былъ рукоположенъ во діаконы той же церкви; 11-го августа 1867 г., согласно прошенію, былъ перемѣщенъ діакономъ къ Покровской церкви заштатнаго города Бѣлополя, гдѣ около шести лѣтъ состоялъ младшимъ учителемъ двухкласснаго училища. Въ 1884 г. былъ рукоположенъ во священники въ с. Сомереньки, Ахтырскаго уѣзда; въ 1889 г. перемѣщенъ въ с. Даниловку къ Митрофановской церкви, при которой служилъ до своей кончины. Здоровье почившаго о. Николая было въ послѣдніе годы жизни очень плохое, по тѣмъ не менѣе онъ исполнялъ свои обязанности по церкви, приходу и церковно-приходской школѣ съ примѣрнымъ усердіемъ. Покойный о. Николай отличался

характеромъ добрымъ, миролюбивымъ, кроткимъ, незлобивымъ и въ высшей степени безкорыстнымъ; многымъ бѣднымъ прихожанамъ своимъ оказывалъ матеріальную помощь въ ихъ нуждахъ. Почившій велъ образъ жизни самый простой и умѣренный, къ должности былъ рачителемъ, къ прихожанамъ обращался съ самой простой безыскусственной рѣчью, любилъ вести съ ними простыя задумевныя собесѣдованія, что особенно нравилось имъ и привлекало ихъ къ нему. О. Николай былъ прекраснымъ семьяниномъ, примѣрнымъ супругомъ и добрымъ отцомъ своихъ дѣтей. Въ семействѣ его остались жена и четверо неприсроенныхъ дѣтей. Почившій удостоенъ былъ Епархіальнымъ начальствомъ слѣдующихъ наградъ: въ 1896 г. за отлично-ревностную и усердную службу былъ награжденъ набодренникомъ; въ 1897 г. за отлично усердые и полезные труды по народному образованію, ему преподано было Архипастырское благословеніе со внесеніемъ въ послужной списокъ. Погребеніе о. Николая совершалъ мѣстный Благочинный І. Полищкій съ 6-ю священниками и 3 діаконами, при многочисленномъ стеченіи прихожанъ, скорбѣвшихъ объ утратѣ своего любимаго пастыря; надгробная рѣчь была произнесена о. Благочиннымъ.

Миръ праху его! Да упокоитъ Господь душу его со святыми своими въ царствіи небесномъ!

— 29 апрѣля сего 1900 года умеръ въ слободѣ Благодатной Волчанскаго уѣзда заштатный священникъ Павелъ Васильевичъ Колосовскій на 64 году своей жизни. Покойный страдалъ неизлѣчимою болѣзнию, отъ которой и ожидалъ себѣ смерти съ совершенною покорностью волѣ Божіей. Родился онъ въ слободѣ Двурѣчной Купянскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ священникомъ; воспитывался въ Харьковской Духовной Семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1859 году. Въ 1861 году—рукоположенъ во священника къ Христо-Рождественской церкви села Пятницкаго Волчанскаго уѣзда, въ 1878 году перемѣщенъ къ Св.-Димитріевской церкви слободы Стецковки Сумскаго уѣзда и въ томъ-же году по прошенію переведенъ къ Рождество-Богородичной церкви слободы Бочковой Волчанскаго уѣзда, а въ 1881 году перемѣщенъ къ Благовѣщенской церкви слободы Благодатной Волчанскаго же уѣзда, гдѣ и жилъ до послѣднихъ минутъ своей жизни, хотя 28 февр. сего 1900 г., уступивъ свое мѣсто сыну своему, былъ перемѣщенъ на его мѣсто къ домовою теплой церкви сл. Хатней; но по случаю болѣзни ни разу не служилъ въ ней.

За отлично ревностную и усердную службу въ 1865 году награжденъ былъ набодренникомъ, въ 1886 году—фіолетовой скуфьей, а въ 1897 году камилавкой; имѣлъ знакъ Краснаго Креста, серебряную медаль на Александровской лентѣ въ память царствованія Императора Александра III-го. Покойный о. Павелъ во всю жизнь свою отличался усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, миролюбіемъ, кротостію, привѣтливостію въ обращеніи со всѣми, радушіемъ и гостепріимствомъ, за что по справедливости и пользовался всеобщемою любовью и уваженіемъ.

Чинъ священническаго погребенія, послѣ заупокойной Литургіи, совершенъ былъ надъ нимъ 2-го мая мѣстнымъ о. Благочиннымъ въ сослуженіи 4 священниковъ и 2 діаконовъ при большомъ стеченіи народа, собравшагося отдать послѣдній долгъ усопшему. Въ семействѣ покойнаго остались: жена, сынъ—священникъ и дочь—въ замужествѣ за священникомъ. Миръ праху твоему досточтимый нашъ собратъ и вѣчное упокоеніе душѣ твоей въ обителяхъ Отца Небеснаго!

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сецтанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московский періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о. Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каеолической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Западна и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Искодъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Шлатонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Вѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. О. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) влиятельно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Фидевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли integritas, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Бударцева, П. Диницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.